

With the support of the
Erasmus+ Programme
of the European Union

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОЛЬ РОССИИ И ЕС В КОНФЛИКТАХ И КРИЗИСАХ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КОНКУРЕНТЫ ИЛИ СОЮЗНИКИ?

МОНОГРАФИЯ

Москва
2021

УДК 327 (035.3)
ББК 66.4 (0)
Р68

Авторский коллектив:

**Н. В. Еремина (§ 1.2), Н. В. Каледин (§ 1.1), Е. М. Кузьмина (§ 2.2),
Н. М. Михеева (§ 2.3), С. А. Притчин (§ 1.3), Н. В. Шевчук (§ 2.1)**

Рецензенты:

Межевич Николай Маратович — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; главный научный сотрудник Института Европы РАН, Президент Российской ассоциации прибалтийских исследований;

Торопыгин Андрей Владимирович — доктор политических наук, профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации

Роль России и ЕС в конфликтах и кризисах на постсоветском пространстве:
P68 конкуренты или союзники? : монография / Н. В. Еремина, Н. В. Каледин, Е. М. Кузьмина ; под ред. Н. М. Михеевой, Н. В. Шевчук. — Знание-М : Москва, 2021. — 180 с.

ISBN 978-5-00187-035-7

DOI 10.38006/00187-035-7.2021.1.180

Представлены исследования, посвященные изучению подходов России и Европейского союза к урегулированию современных международных конфликтов на постсоветском пространстве. Задачей авторов данного исследования был анализ новых и трансформирующихся старых инструментов, применяемых в конфликтах ЕС и РФ, выявление областей наибольшего пересечения интересов и совпадений подходов к урегулированию. В первой главе издания приведен анализ взглядов исследователей на геополитические процессы на постсоветском пространстве. Во втором разделе эксперты на примере приднестровского и донбасского кейсов анализируют старые и новые практики урегулирования конфликтов России и ЕС на постсоветском пространстве.

Предназначена для экспертов и молодых исследователей, занимающихся проблемами урегулирования конфликтов, студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей вузов, специалистов органов государственной власти и местного самоуправления — всех, кто в научном и практическом планах интересуется проблемами урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве.

**УДК 327 (035.3)
ББК 66.4 (0)**

Издание подготовлено в рамках реализации гранта: Jean Monnet Project Reference Number: 620219-EPP-1-2020-1-RU-EPPJMO-PROJECT. Поддержка Европейской комиссией подготовки данной публикации не означает одобрения ее содержания, которое отражает исключительно взгляды авторов данного издания. Комиссия не несет ответственности за любое использование информации, представленной в данном издании.

ISBN 978-5-00187-035-7

© Коллектив авторов, 2021
© Издательство «Знание-М», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
ГЛАВА 1. Современные геополитические процессы на постсоветском пространстве	8
§ 1.1. Постсоветское пространство: исторические предпосылки, геополитическое содержание и структура.....	8
§ 1.2. Постсоветское пространство как площадка конкуренции интеграционных проектов (на примере Беларуси).....	33
§ 1.3. Роль России в формировании международно-правового статуса Каспийского моря.....	51
ГЛАВА 2. Старые и новые практики урегулирования конфликтов России и ЕС на постсоветском пространстве.....	71
§ 2.1. Проблемы приднестровского урегулирования: роль России и ЕС	71
§ 2.2. Сотрудничество РФ и ЕС с Приднестровьем: экономический аспект	123
§ 2.3. Конфликт на юго-востоке Украины: Россия и ЕС. Возможно ли сотрудничество?.....	131

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема неурегулированных затяжных конфликтов на постсоветском пространстве продолжает ставить перед исследователем сложные вопросы об инструментах эффективного воздействия на них и делает все более востребованным обобщение успешных практик переговорных процессов и опыта урегулирования.

2020 год, несмотря на общую угрозу — пандемию коронавируса, не только не стал менее конфликтным, но и актуализировал проблематику международного вмешательства в затяжные конфликты. Обострение вокруг Нагорного Карабаха, осложнение ситуации в донбасском урегулировании на фоне продолжающейся трансформации политической организации мира в очередной раз обнажили разобщенность международного сообщества в вопросах о подходах к содействию миру в конфликтных регионах.

Все новые противоречия, проявляющиеся в широкой внешнеполитической повестке Россия — ЕС, делают едва заметными предпосылки для активизации совместной работы по противодействию кризисам и конфликтам и поиску новых форматов сотрудничества этих акторов на постсоветском пространстве. При этом есть текущие форматы переговорных процессов, включая, например, Минскую группу ОБСЕ и Постоянное совещание 5 + 2, где Россия и ЕС взаимодействуют, но эффективность этих форматов, как и интенсивность работы в их рамках, все больше подвергается экспертами критике.

Одновременно, как справедливо отмечают специалисты, достаточно успешные регулярные консультации российских и европейских дипломатов, например, по иранской ядерной программе в 2021 году, продуктивное взаимодействие в рамках миротворческих операций ООН по поддержанию мира все же дают возможность извлекать весьма позитивные уроки и приумножать этот успех.

Перед авторами настоящей монографии стояла задача выявить актуальные методы влияния России и Европейского союза на уре-

гулирование современных международных конфликтов и на основе анализа появляющихся новых и трансформирующихся старых инструментов, применяемых в конфликтах этими акторами, попытаться найти пространство наибольшего пересечения интересов и совпадения подходов.

В первом разделе издания приведен анализ взглядов исследователей на геополитические процессы на постсоветском пространстве. Здесь его современное содержание предстает в видении Н. В. Каледина макрорегиональной геополитической системой «де-факто». Ее структура включает международный макрорегиональный, субрегиональный, микрорегиональный и внутригосударственный уровни, а «конфликтотенные регионы» «де-факто» подразделяются на «конфронтационные», «миротворческие» и «санкционные».

Тема конфликтности самого выбора между европейским и евразийским проектами для постсоветских государств раскрыта Н. В. Ереминой на примере Республики Беларусь. По мнению исследователя, белорусский кейс как пример взаимодействия государств постсоветского пространства и ЕС подтверждает необходимость углубления и расширения именно евразийской интеграции и доказывает конфликтный потенциал сотрудничества с ЕС.

Казус определения международно-правового статуса Каспийского моря, напротив, показывает, как за счет использования традиционно сильных сторон своей внешней политики и активизации диалога с соседями России удалось достичь адаптированных после распада СССР стратегических целей и закрепить за собой статус самого влиятельного игрока в регионе. С. А. Притчин убедительно показывает, что завершение работы над правовым статусом моря позволило сформулировать ключевые политические принципы мирного соседства в регионе и устранить риск вовлечения каспийских соседей в конфликты и враждебные действия в отношении друг друга. По мнению ученого, во многом это было достигнуто благодаря правильно выбранным приоритетам, когда упор был сделан на формирование общих подходов к урегулированию вопросов международно-правового

статуса, создания единой системы безопасности, ответственной в отношении друг друга экологической политике.

Во втором разделе монографии эксперты на примере приднестровского и донбасского кейсов анализируют старые и новые практики урегулирования конфликтов России и ЕС на постсоветском пространстве. Авторы дают обзор ролей и позиций России и ЕС в урегулировании конфликта в Приднестровье. Так, общим знаменателем в подходе ЕС и России относительно текущего состояния переговорного процесса, по мнению Н. В. Шевчук, может стать поддержанная этими участниками переговорного процесса тактика «малых шагов», позволяющая стабилизировать молдавско-приднестровские политико-дипломатические контакты и тем самым обеспечить устойчивый диалог в условиях, когда решение главного политического вопроса о статусе ПМР не просматривается.

Анализ приоритетов торгово-экономических отношений России и Приднестровья и моделей сотрудничества, которые продвигает Европейский союз в рамках экономического взаимодействия, позволяет Е. М. Кузьминой прогнозировать в перспективе возможность обсуждения вопросов экономического сотрудничества в многостороннем формате, например, ЕС — ЕАЭС.

Иначе дело обстоит с перспективой сотрудничества в рамках украинского кейса. Н. М. Михеева объясняет пессимистический сценарий относительно перспектив позитивного сотрудничества между РФ и ЕС принципиальными различиями в методах, традиционно используемых ЕС и РФ для урегулирования, и разностью оценок как причин конфликта, так и возможностей выхода из него.

По большому счету, книга, которую читатель держит в руках — это приглашение к размышлению о том, чего больше во взаимодействии России и ЕС в урегулировании конфликтов: союзничества или соперничества?

Несмотря на разность мнений, в экспертном сообществе не подвергается сомнению востребованность комплексного диалога для выработки совместных адекватных ответов на нарастающие геополитические проблемы, требующие коллективных усилий как со

стороны акторов постсоветского пространства, в том числе России, так и со стороны международных структур, в особенности вовлечённых в рассмотренные процессы в постсоветской геополитической системе.

Нина Викторовна Шевчук,
канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник,
доцент кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС,
руководитель проекта «Европейский союз и Россия: потенциал
совместных действий по урегулированию конфликтов
на постсоветском пространстве»

ГЛАВА 1.

Современные геополитические процессы на постсоветском пространстве

§ 1.1. ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА

Каледин Николай Владимирович

Понятие «постсоветское пространство» обычно интерпретируется как пространство бывшего СССР, состоящее из молодых постсоветских государств — результатов распада этого крупнейшего государства мира. Но каково его содержание с позиций наук, исследующих процессы регионализации и региональные различия (регионоведения, общественной географии, геополитики и др.)? И как оно связано и соотносится с понятием «Евразийский регион», зачастую применяемым к той же территории и используемым как синонимы?

Постараемся разобраться в этих вопросах, опираясь на междисциплинарную методологию: исторический подход, теоретические представления о процессах регионализации как результатах действия внутренних и внешних факторов, диалектики интеграционных и дезинтеграционных процессов, о геополитической самоорганизации общества и геополитических системах — регионах «де-факто» (исторически сложившихся, но не имеющих признанного юридического статуса и управленческих структур) и «де-юре» (имеющих эти свойства).¹

¹ Каледин Н. В. Деятельностно-геопространственная методология в общественной географии // Балтийский регион — регион сотрудничества. Регионы

Исторический дискурс: от Евразийского региона к постсоветскому пространству

Постсоветское пространство является естественно-историческим результатом продолжительных процессов регионализации в Евразии. Их знание — как исторических предпосылок его возникновения — необходимо для понимания современных процессов и проблем этого нового геополитического явления.

Длительное историческое взаимодействие в XVI–XX веках на стыке Европы и Азии от Балтийского и Чёрного морей до морей Тихого океана между народами и государствами восточно-христианской (славяно-православной), западной, исламской и сопредельных с ними цивилизаций привели к формированию и последующей трансформации историко-географического *Евразийского региона*, уникального в физико-географическом, геополитическом, этнокультурном и цивилизационном отношениях. Этому способствовали природные предпосылки — межконтинентальное географическое положение равнинных степных и лесных ландшафтов, насыщенных речными системами и отграниченных от соседей труднодоступными ледови-

в условиях глобальных изменений. Материалы IV международной научно-практической конференции. Отв. редактор А. А. Михайлова. Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та. 2020. С. 43–48.

Каледин Н. В. Постсоветское пространство: предпосылки и результаты регионализации // Балтийский регион, 2009. № 1. С. 32–42; Каледин Н. В., Каледин В. Н. Пространственно-временная динамика интеграционно-деинтеграционных процессов в Евразии // Россия и её регионы в полимасштабных интеграционно-деинтеграционных процессах /Материалы межд. научной конф. в рамках VIII ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (26 сентября–1 октября 2017 г.). Пермь: Изд-во Пермского государственного научно-исследовательского ун-та 2017. С. 39–44; Каледин Н. В., Каледин В. Н., Гресь Р. А. Геополитические регионы и геополитическая регионализация общества //Современные тенденции развития и приоритеты общественной географии/ Материалы межд. научной конф. в рамках IX ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Т. 2. Отв. ред. Н. И. Быков. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 2018. С.152–155.

тыми морями на севере и горными системами на юге. Они, с одной стороны, содействовали экономическому и культурному взаимодействию, взаимному проникновению проживавших здесь народов и созданных ими государств, а с другой — защищали их от воздействия внешних геополитических факторов.

Однако ключевую регионообразующую роль «интегратора» территории в этих процессах в разное историческое время играло российское государство, чьи геополитические и геоэкономические потребности, интересы и деятельность были важнейшим геополитическим фактором формирования специфики региональной идентичности, становления и развития крупнейшей в мире по охвату территории региональной общественно-геопространственной системы «де-факто» и «де-юре».²

Специфику этой историко-географической и геополитической региональной общности в разное время отмечали и использовали её для россиецентричных геополитических построений отечественные учёные — М. В. Ломоносов (середина XVIII в.), К. И. Арсеньев, Н. Я. Данилевский, В. И. Ламанский (конец XIX в.), В. П. Семёнов-Тяньшанский (первая четверть XX в.), представители движения «евразийцев» 1920–1930-х гг. (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский, Л. П. Карсавин), «неоевразийцы» и географы — обществоведы второй половины XX в. — начала XXI в. (Л. Н. Гумилёв, С. Б. Лавров, А. Г. Дугин, В. Л. Цымбурский, В. Л. Каганский, Н. В. Каледин, В. Н. Рябцев, А. Г. Дружинин и др.). Особое место отводится Евразийскому региону и российскому государству в геополитических концепциях западных учёных — Х. Маккиндера и его американских последователей (Н. Спикмена, З. Бжезинского и др.), немецкого геополитика К. Хаусхофера и др.³

² Каледин Н. В. Евразийский регион. Общая характеристика / География мира в 3 т. Т. 3. Регионы и страны мира. Учебник и практикум / Отв. ред. Н. В. Каледин, Н. М. Михеева. М.: Изд-во Юрайт. 2017. С. 13–17

³ Подробнее об этих и современных представлениях см.: Политическая география и геополитика. Учебник для вузов. Под ред. Н. В. Каледина, Н. М. Михеевой. М.: Юрайт. 2021 (главы 1–2); Каледин Н. В. Постсоветское пространство: пред-

Постепенно интегрируя этнокультурные, конфессиональные и территориально-политические системы различного ранга, Евразийский макрорегион прошёл в своём развитии *четыре геополитические эпохи* — доимперскую (словянские княжества, Московское государство), имперскую (Российская империя), советскую (СССР и социалистические страны Европы и Азии) и постсоветскую (Российская Федерация и постсоветские государства). Каждой из них соответствует специфический конкретно-исторический комплекс факторов регионализации, задаваемый ими тип регионообразующих отношений, тренд регионального развития, геополитическая структура региона, обусловленные как внутренними региональными факторами, так и комплексом внешних геополитических факторов.⁴

В *доимперскую* эпоху, особенно с конца XV в., постепенно утверждается геополитический *тренд доминирования внутренних государствообразующих и регионообразующих факторов* (военно-, религиозно-, этно-, и экономико-геополитических) над противодействовавшим им комплексом внешних геополитических факторов со стороны государств сопредельных цивилизаций — западноевропейской и исламской (Османская империя, Казанское, Астраханское, Крымское, Сибирское ханства и др.). Взаимодействие этих факторов сформировало *полицентричную структуру* Евразийского региона со славяно-православным русско-княжеским ядром (Новгородская республика, Киевское, Владимирское, Московское и другие русские княжества), западно-европейским цивилизационным фасадом — на западе (Литва, Польша, Швеция и др.), восточно-христианским (православным) фасадом — на юго-западе (Византия и др.), исламским — на востоке (Золотая орда, Казанское,

посылки и результаты регионализации // БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН, 2009. № 1. С. 32–42; Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. 268 с.

⁴ Каледин Н. В. Евразийский регион. Общая характеристика / География мира в 3 т. Т. 3 Регионы и страны мира. Учебник и практикум / Отв. ред. Н. В. Каледин, Н. М. Михеева. М.: Изд-во Юрайт. 2017. С. 13–17

Сибирское ханства и др.) и на юге (Астраханское, Крымское ханства, Османская империя, Персия и др.).

В *имперскую эпоху* (XVIII — начало XX веков) доминировал *геополитический тренд расширения российско-евразийской региональной общности*, первоначально в западном, а затем в южном и восточном направлениях за счёт колонизации Российской империей новых территорий посредством установления с ними колониально-геополитических отношений военно-политического, идеологического (триада «православие, самодержавие, соборность») и экономического характера. Они составляли комплекс внутренних геополитических факторов, действие которых прекратилось после революций 1917 г. и сопровождалось потерей части территории. Внешние геополитические факторы носили региональный характер и были представлены противодействием отмеченным интеграционным процессам со стороны Швеции, Франции, Пруссии (затем Германии), Австрии (Австро-Венгрии), Османской империи, Персии, Великобритании, Японии и их разнообразных временных коалиций. В некоторых из них участвовала и Россия, исходя из собственных геополитических интересов. В результате сложилась *моноцентрическая имперская геополитическая структура* Евразийского региона, объединявшая геополитические системы метрополии и её азиатских (Кавказское наместничество, Туркестан и др.) и европейских (Финляндия, восточная часть Польши) колоний и полукolonий (Монголия, северо-восток Китая, север Персии).

В *советскую эпоху* (1918–1991 годы) геополитическим трендом становится «собрание», расширение и укрепление евразийской региональной общности усилиями Советской России — СССР, его союзников посредством радикальной трансформации Евразийского региона под воздействием внутренних и внешних факторов формационно-геополитического (социалистического) характера.

К числу первых следует отнести такие духовно- и административно-геополитические факторы, как общегосударственная коммунистическая идеология, централизованные партийно-политическая система и мультирегиональная федеративная модель управления

на основе этногосударственной (15 союзных республик) и этнокультурной автономии (16 автономных республик, 10 автономных округов и 5 автономных областей), административно-партийно-политической системы (49 областей, 6 краёв, 2 города центрального подчинения) (в 1991 г.). Их основанием и внутренним экономико-геополитическим фактором развития стала социалистическая централизованная плановая экономика, включавшая региональную специализацию и межрегиональную кооперацию, активно осваивавшая северные, восточные и южные регионы. В результате сложились 18 крупных экономических районов (на 1966 г.) как специализированных социально-экономических регионов, по которым осуществлялось планирование экономического развития страны. Эти факторы имели своим итогом достаточно пёструю картину политической, этнокультурной и социально-экономической регионализации советско-евразийского пространства.

Внешние геополитические факторы, обеспечивавшие устойчивость советско-евразийского государства-макрорегиона, носили как глобальный, так и региональный характер. На глобальном уровне они были представлены реализацией СССР в различных формах идеологии мировой социалистической революции, его активной деятельностью в антигитлеровской и антияпонской коалициях во Второй мировой войне, в мировой социалистической системе государств, в глобальных международных организациях (Лига наций, ООН), поддержкой антиколониальных освободительных движений и стран социалистической ориентации в формирувавшемся «третьем мире», а также советской глобальной ракетно-ядерной мощью, обеспечивавшей военный и геополитический паритет с лидерами капиталистической системы в период «холодной» войны.

Региональными интегрирующими геополитическими факторами являлись система двусторонних договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с социалистическими странами; отношения лидерства СССР в социалистических международных региональных организациях (ОВД, СЭВ и др.), его противодействие региональным военно-политическим организациям стран западной цивилизации

и их союзников (НАТО, СЕНТО, СЕАТО и др.), в том числе посредством зарубежных групп советских войск в социалистических странах Восточной Европы и системы военных баз в других союзных странах. Под воздействием этих факторов пределы Евразийского региона как социалистической региональной общности и евразийской геополитической системы в 1980-е годы достигли максимальных исторических размеров, включая социалистические страны Восточной Европы и Восточной Азии.

В *постсоветскую* геополитическую эпоху главным геополитическим трендом развития Евразийского региона стало сокращение его пространства, дробление и внутренняя геополитическая регионализация в связи с распадом с конца 1980-х годов социалистической системы в Восточной Европе в результате «бархатных революций» и распада СССР в 1990–1991 годах. На его территории утверждаются молодые постсоветские государства различного типа (21 на месте СССР на 2021 г.) и Монголия. Происходит *геополитическая регионализация Евразийского региона* и формируется его *полицентричная геополитическая структура* вследствие дезинтеграционно-интеграционных процессов: дробление на государственные, межгосударственные и внутригосударственные геополитические системы различного типа.⁵ При этом новые государственные геополитические системы отличались разнонаправленными цивилизационно-геополитическими векторами развития: *Западным* (евроатлантическим) (постсоциалистические страны Восточной Европы, прибалтийские государства, а в дальнейшем Грузия, Украина, Молдавия) и *Евразийским* (россиецентричным) (первоначально государства — члены СНГ, в дальнейшем и другие международные организации, непризнанные государства, Монголия). Эти векторы стали мощными факторами регионализации де-юре постсоветского пространства и подробнее будут рассмотрены позднее.

⁵ Каледин Н. В. Постсоветское пространство: предпосылки и результаты регионализации // Балтийский регион, 2009. № 1. С. 34–35.

Главными *внутренними геополитическими факторами* этих процессов были радикальные изменения общественного строя советского государства в ходе перестройки 1985–1991 гг., стимулировавшие в сочетании с традиционными и новыми внешними факторами внутренние социально-экономические, политические и территориально-политические проблемы, в том числе этнополитические конфликты, сепаратизм и сепаратизм национальных элит в союзных и автономных республиках, идеология «нового мышления» во внешней политике.

Этому также способствовали существенные типологические различия географического, демографического, этнокультурного, цивилизационного, политического и социально-экономического характера между молодыми евразийскими. Многие из них, «консервированные» в условиях жёсткой централизации, политического и социально-экономического регулирования в СССР и социалистических странах, весомо заявили о себе как дезинтегрирующие факторы в процессе становления новой государственности.

Комплекс *новых внешних геополитических факторов*, дезинтегрировавших евразийскую региональную общность, включал распад социалистической системы в Европе в конце 1980-х — начале 1990-х годов, активизацию интеграционных процессов в Европе (расширение на восток Европейского Союза, других евроструктур, НАТО), появление сопредельных с евразийским пространством новых глобально-региональных (Китай) и региональных (Турция, Иран, Индия, Пакистан) «центров силы», а также очагов региональных конфликтов (Афганистан, Ирак, Косово, Сирия и др.). Эти изменения сопровождались активным экономическим и гуманитарным проникновением в постсоветские страны США, ЕС, Турции, Китая, попытками дестабилизации их внутривнутриполитической жизни, стимулированием «цветных» революций (Украина, Белоруссия, Молдавия, Грузия, Киргизия, Таджикистан), вовлечением молодых государств в деятельность региональных международных организаций — Организации черноморского экономического сотрудничества, Организации исламских государств, Организации

экономического сотрудничества, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и др.

Под воздействием этих факторов сложились разные темпы, тенденции и геополитические векторы реформирования обществ молодых постсоветских государств, сопровождавшиеся разрывом и сокращением традиционных взаимных экономических связей, сокращением ВВП (на 50–70% в 1990-е годы), переориентацией экономик на новых партнёров в Европе, Азии и Америке, падением уровня жизни, ростом безработицы и социального расслоения, внутривнутриполитической нестабильностью, миграциями населения. Массовая эмиграция русского и русскоязычного населения из большинства стран в Россию (только за 1990-е годы переместились около 5 млн человек из более чем двадцатимиллионной русской диаспоры) дополнилась многомиллионной нелегальной трудовой миграцией коренного населения этих государств, прежде всего в Россию.⁶

Геополитическая регионализация советского пространства и начало его трансформации в постсоветское была, как известно, скоротечной: Прибалтийские республики (Латвия, Литва, Эстония) вышли из Союза летом 1991 г., а 8 декабря 1991 г. республики-учредительницы СССР (31 декабря 1922 г.) — Белоруссия, Россия и Украина — подписали Соглашение об образовании Содружества Независимых Государств (СНГ), зафиксировав в нем ликвидацию СССР и заявив о стремлении к добровольному сотрудничеству в политической, экономической, гуманитарной и других сферах. 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате (тогда столице Казахской ССР) к ним присоединились Азербайджан (фактически с 1993 г.), Армения, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, подписавшие Декларацию о целях и принципах СНГ. В 1993 г. к ней присоединилась Грузия.⁷

⁶ Каледин Н. В. Евразийский регион. Общая характеристика / География мира в 3 т. Т.3. Регионы и страны мира. Учебник и практикум / Отв. ред. Н. В. Каледин, Н. М. Михеева. М.: Изд-во Юрайт. 2017. С. 15–16.

⁷ Каледин Н. В. Постсоветское пространство: предпосылки и результаты регионализации // Балтийский регион, 2009. № 1. С. 35.

Геополитическая дезинтеграция советско-евразийского макро-региона проявилась также в появлении в ходе межнациональных конфликтов самопровозглашённых, международно не признанных государств (Приднестровская Молдавская Республика, Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Ичкерия, Донецкая и Луганская народные республики), ставших очагами устойчивых субрегиональных конфликтов, разобщавших постсоветские государства.

Однако ещё сохранялся интеграционный потенциал уже постсоветского евразийского пространства. Он был представлен такими факторами, как общность географического (соседского) положения новых государств, длительное совместное историческое развитие их народов (и, как следствие, сложившаяся политическая, социокультурная близость, родственные связи), единая транспортная система, тесные, взаимонаправленные экономические связи, кооперация предприятий, исторически традиционная финансово-экономическая зависимость национальных субрегионов от России, интересы совместной обороны.

Также интеграцию объективно стимулировали усилившиеся глобальные и региональные вызовы и угрозы развитию молодых государств (международный терроризм, наркоторговля, нелегальная миграция и др.). Эти факторы стимулировали формирование ряда постсоветских международных региональных организаций и объединений — Содружества Независимых Государств (СНГ) в составе двенадцати стран (декабрь 1991 г. — 1993 г.), Союзного государства Белоруссии и России, Центрально-Азиатского экономического сотрудничества (ЦАЭС), военно-политической Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), ГУАМ (Организация за демократию и экономическое развитие), ЕврАзЭС, Таможенного союза, ЕАЭС (2015 г.).

СНГ по большинству аспектов многоплановой деятельности можно считать вполне состоявшейся международной региональной организацией, выполнявшей функцию регулятора и стабилизатора отношений между постсоветскими государствами. Её несомненными достижениями, особенно в начальный, наиболее сложный, кри-

зисный период их становления (1992–1997 гг.), можно отнести: сохранение в основных чертах системы культурно-исторических и экономических связей на постсоветском пространстве, беспрепятственное и мирное (в отличие от распадавшейся в это время в кровопролитных межнациональных конфликтах Югославии) становление новой государственности, проведение политических и социально-экономических реформ, режим свободной торговли в отношениях между странами, безвизовый режим общения людей, валютный союз (основой которого по 1993 г. был российский рубль), сдерживание региональных конфликтов на постсоветском пространстве, противодействие внешним угрозам.

Но постепенно эти интеграционные преимущества ослабежали, и усиливались дезинтеграционные тенденции, обусловленные действием ранее рассмотренных геополитических факторов, имевших своим результатом *углубление процессов регионализации Евразийского макрорегиона*.

Геополитическое содержание и структура постсоветского пространства

Современная картина геополитических систем как результатов регионализации, составляющих геополитическую структуру постсоветско-евразийского пространства, может быть представлена с помощью *типологии этих систем* с позиций концепции геополитической самоорганизации общества, составляющей теоретическую основу политической географии и геополитики⁸.

В соответствии с ней политико-геопространственная или *геополитическая самоорганизация общества* — это динамичная система многообразных по содержанию и формам *геополитических отношений* между политическими субъектами и географическим пространством (в том числе в форме геополитических систем),

⁸ Каледин Н. В., Елацков А. Б. Трансграничная регионализация: геополитический аспект // Региональные исследования. 2020. № 1 (67). С. 65–75.

обеспечивающих теми или иными средствами (военными, политическими, экономическими, гуманитарными и др.) контроль субъектами-акторами определенной части геопространства в их индивидуальных или коллективных геополитических интересах. С этих позиций типологизацию постсоветских геополитических систем логичнее осуществить, опираясь на два главных методических принципа: *по политическим свойствам субъектов-акторов*, формирующих геополитические отношения (в частности, геополитические системы) и *по свойствам геопространства*, контролируемого этими субъектами.

Субъектный подход позволяет классифицировать геополитические системы постсоветского пространства в функциональном отношении следующим образом:

- а) государственные: составляют большинство, независимо от их международного статуса (их 21);
- б) межгосударственные (международные региональные организации: Союзное государство России и Белоруссии (СГРБ), СНГ, ОДКБ, ГУАМ, ШОС, ЕАЭС и др.);
- в) внутригосударственные (административно-территориальные единицы государств, федеральные, военные и иные округа РФ, системы избирательных округов и участков и др.);
- г) негосударственные (этно-, партийно-, конфессионально-, экономико-, эколого-, гуманитарно-, цивилизационно-геополитические);
- д) полифункциональные, или интегральные (СГРБ, СНГ, ШОС), и монофункциональные (ОДКБ, ЕАЭС, отраслевые экономические соглашения, гуманитарные проекты и др.);
- е) по юридическому статусу и наличию управленческих структур:
 - геополитические системы *«де-юре»*, включая международно признанные (большинство государственных и межгосударственных геополитических систем — СГРБ, СНГ, ОДКБ, ГУАМ, ШОС, ЕАЭС) и непризнанные или частично признанные (самопровозглашённые ПМР, НКР, Абхазия, Южная Осетия, ДНР, ЛНР);

— исторически сложившиеся юридически не оформленные геополитические системы «*де-факто*» (цивилизационные регионы — славяно-православные, исламские, буддистские, западно-цивилизационный; Новороссия и др.).

Геопространственный подход позволяет обозначить три аспекта геополитических систем, раскрывающих их географическую специфику:

- а) по *материальной основе геопространства*: территориально-, акваториально-, аэроториально-политические, космо-ториально-политические и интегральные геопространственные. К последнему типу относится только наиболее сложная геополитическая система России. Наиболее распространены территориальные и территориально-акваториальные (Украина, Казахстан, Азербайджан, Туркмения) государственные системы;
- б) по *масштабам контролируемого геопространства*: международно-региональные (СГРБ, СНГ, ЕАЭС, ШОС и др.), государственно-региональные (например, федеральные и военные округа РФ);
- в) по *геопространственным формам*: компактные (СНГ, ЕАЭС), дисперсные (ГУАМ, ОДКБ), моноцентричные (все государственные), полицентричные (ШОС, административно-территориальные системы государств и др.).

Исходя из рассмотренной исторической эволюции Евразийского региона и представлений о геополитических системах как результатах геополитической самоорганизации общества, *постсоветское пространство можно определить как международную макрорегиональную геополитическую систему «де-факто», представляющую собой совокупность, переплетение разнотипных государственных и межгосударственных геополитических систем «де-факто» и «де-юре» различных цивилизационно-геополитических векторов ориентации и геопространственного масштаба, порождённых рассмотренными факторами и историческими геополитическими процессами.*

Сложившаяся макрорегиональная геополитическая система постсоветского пространства имеет *четырёхуровневую структуру*, включающую следующие уровни: *международный макрорегиональный, субрегиональный, международный микрорегиональный и внутригосударственный*.

1. Наиболее заметным является *международно-интеграционный уровень*, оказывающий активное воздействие на остальные. Он представлен созданными постсоветскими государствами международно-региональными геополитическими системами и другими территориальными общностями «де-юре» — региональными объединениями и международными организациями экономического, политического и интегрального (комплексного) характера с ярко выраженными управленческими функциями. При этом всё более очевидными *геополитическими векторами*, трендами развития таких международно-интеграционных процессов и геополитических систем становятся, как уже отмечалось ранее, *Западный (европоцентричный) и Евразийский (россиецентричный)*. Они стали векторами *регионализации «де-юре»* всего постсоветского пространства прежде всего на специфические субрегионы.

Западный вектор межгосударственной регионализации представлен прежде всего *европрибалтийским субрегионом* как межгосударственной геополитической системой, включающей Эстонию, Латвию, Литву, национально-политические элиты которых избрали путь интеграции в западноевропейские региональные группировки. Дальнейшими ступенями реализации западного вектора интеграции и оформления новой субрегиональной системы стали создание этими странами Балтийской Ассамблеи, вступление в Вышеградскую группу (Центрально-Европейская зона свободной торговли), Западноевропейский Союз, ОБСЕ, Совет Европы, Совет государств Балтийского моря и в другие европейские экономические структуры, наконец, выполнение необходимых условий вступления в ключевые интеграционные группировки стран Запада, завершившиеся в 2004 г. вхождением в Европейский союз и НАТО. Это заметно расширило и окончательно оформи-

ло балтийскую субрегиональную составляющую общеевропейской региональной общности — макрорегиона Европы. Она стала фактически европейским эксклавом на западе Евразийского региона, территориально соседствующим с российским эксклавом на балтийском побережье — Калининградской областью (частью «евразийской Прибалтики»).

Евразийский вектор международных интеграционных процессов для большинства постсоветских государственных систем стал главным и имел своими результатами формирование нескольких ранее названных международных региональных организаций — геополитических систем де-юре, среди которых ключевую, системообразующую, но постепенно угасающую функцию в становлении постсоветского пространства выполняло СНГ.

В настоящее время наиболее тесно связанной международной региональной общностью в постсоветском пространстве, его «ядром» и своеобразным «ново-евразийским» регионом являются Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Армения, входящие одновременно в такие международные объединения как СНГ, СБР, ОДКБ, Таможенный союз, ЕАЭС. С этой региональной общностью тесно связаны Абхазия и Южная Осетия, имеющие межгосударственные договоры и соглашения о сотрудничестве с Россией.

Кроме того, в рамках Евразийского вектора интеграционных процессов обозначились *западноазиатское и восточноазиатское* направления. Они вносят новые штрихи в регионализацию евразийской части постсоветского пространства благодаря политической, экономической и социокультурной активности Турции (возрождение идеологии «пантюркизма»), активизации деятельности Организации экономического сотрудничества, Организации черноморского экономического сотрудничества, Организации исламских государств и др.

На восточноазиатском направлении это относится прежде всего к деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС); к приграничному сотрудничеству, внешней торговле и совместным проектам России и Китая, Китая и стран СНГ. Новым фактором ак-

тивизации евразийских межгосударственных интеграционных процессов стали трансевразийские инициативы Китая, поддержанные Россией («Новый шёлковый путь» или «Один пояс — один путь» по созданию единой с соседними странами и регионами инфраструктуры транспортно-логистической сети (системы сухопутных и морских путей)). По справедливому заключению географа-обществоведа А. Г. Дружинина, «именно благодаря «фактору Китая» у Евразии появилась новая общекионтинентальная геоэкономическая доминанта и реальная интеграционная альтернатива (всё более уравнивающая «западоцентрированные» векторы глобализации и параллельно высвечивающая маломощность, зыбкость, лимитированность как тюрко-, так и россиеориентированных евразийских форматов).⁹

2. С позиций факторов регионализации «де-факто» — физико-географического, цивилизационного, этнокультурного, исторического и внешнеэкономического, не менее очевиден и *субрегиональный международный уровень регионализации* постсоветского пространства на четыре историко-культурных субрегиона — *Европрибалтийский* (Эстония, Латвия, Литва), *Балтийско-Черноморский* (Россия, Белоруссия, Украина, Молдавия, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, непризнанные государства «де-факто» ДНР и ЛНР), *Центрально-Азиатский* (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан) и *Кавказский* (Азербайджан, Армения, Нагорный Карабах, Грузия). Эти региональные общности «де-факто», формировавшиеся более трёх столетий, не имеют собственной международной управленческой функции, но пока достаточно устойчивы, хотя очевидны и дезинтеграционные тенденции, особенно на межгосударственном уровне.

Внутренние (в пределах этих субрегионов) этнокультурные, цивилизационные, социально-экономические и политические различия и сходства, разнообразные связи стран, их противоречия и привязанности позволяют говорить в рамках субрегионального об ещё одном,

⁹ Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2020. С. 39–40.

более детальном уровне регионализации «де-факто» — *внутрисубрегиональном*. К нему можно отнести следующие двух- и трёхполюсные региональные общности стран: Литва и Латвия — Эстония, Белоруссия–Россия, Россия — Абхазия — Южная Осетия, Украина — Приднестровье — Молдавия, Казахстан — Среднеазиатская группа стран, Армения — Нагорный Карабах и Грузия–Азербайджан. Впрочем, внутривластные и межгосударственные процессы могут внести в них существенные коррективы. Это продемонстрировали военно-политические процессы конца 2020 — начала 2021 гг. между Азербайджаном, Арменией и Россией в Карабахской проблеме, фактически приведшие к возникновению Южно-Кавказского «миротворческого» геополитического субрегиона, сложившегося на основе трёхстороннего соглашения о миротворческой миссии России.

3. Под воздействием тех же рассмотренных выше причин в некоторых государственных геополитических системах (Россия, Украина, Молдавия, Грузия, Азербайджан, Киргизия, Таджикистан, Казахстан) обозначился *внутригосударственный, обычно двухполюсный уровень регионализации* — в различных формах (этнополитической, электоральной, геополитической и др.). В этих странах реализуется политико-географическая регионализация на основе исторически сложившихся в них этнокультурных областей.

Так, *Украина* на уровне электоральных процессов в первые десятилетия своего существования продемонстрировала территориально-политическую дифференциацию страны на два региона «де-факто» — Западно-Центральный и Юго-Восточный. Её продолжением в 2014 г. стала драматическая геополитическая регионализация государства на территории вошедших в состав России в качестве её субъектов (Севастополь, Республика Крым) и ставших самопровозглашёнными, непризнанными республиками (ДНР и ЛНР).

В Киргизии отчётливо обозначились как социально-экономические, так и политические различия между Севером и Югом, без учёта которых невозможно устойчивое развитие страны, что подтвердили неоднократные смены президентской власти в результате революционных событий (последние произошли в 2020 г.).

Не менее очевидными были процессы «двухполюсной» внутренней регионализации в Молдавии, Таджикистане, Азербайджане, Грузии, Узбекистане и Казахстане.

В России первоначальная (в 1990-е гг.) тенденция автономизации субъектов федерации и сепаратизма (с созданием и ликвидацией государства Ичкерия) сменилась с начала 2000-х гг. их внутренней геополитической интеграцией в федеральные округа (их восемь), сопровождавшейся также укрупнением ряда субъектов федерации и появлением новых (Республика Крым, Севастополь).

4. *Микромеждународный* уровень регионализации постсоветского пространства представлен следующими формами:

а) регионами приграничного сотрудничества сопредельных административных единиц соседних государств, среди которых в первую очередь следует назвать «еврорегионы» (особенно вдоль российских границ в Калининградской области — «Неман», «Балтика», «Сауле», а также с Финляндией — «Карелия», с Белоруссией и Украиной — «Днепр», «Слобожанщина», «Донбасс», с Латвией и Эстонией — «Псков–Ливония»; между Белоруссией, Украиной и Польшей — «Буг», между Белоруссией и Польшей — «Беловежская пуца», между Украиной и Молдавией — «Днестр», между Украиной, Молдавией и Румынией — «Нижний Дунай»). С 2014 г. вследствие политического кризиса на Украине и введения санкций ЕС против России деятельность большинства «еврорегионов» резко сократилась или стала номинальной.

б) зонами приграничного экономического сотрудничества с КНР (Маньчжурия, Суйфэньхэ, Хунчунь, Хэйхэ) и двумя транспортно-экономическими коридорами от портов Находка и Зарубино в китайские провинции Хэйлуньцзян и Цзилинь.

Внутригосударственные и межгосударственные конфликтные ситуации в постсоветском пространстве и усилия по их урегулированию стимулировали формирование с начала 1990-х гг. региональных геополитических общностей нового типа на основе конфликтных геополитических отношений. Они интегрируют разнообразных акторов

(государства, международные структуры и др.) в «*конфликтотенные регионы*» «де-факто» различного геопространственного масштаба, порой выходящие далеко за пределы постсоветского пространства. Их можно подразделить на три подтипа: *конфронтационные*, *миротворческие* и *санкционные* с тенденцией эволюции первого типа во второй. Рассмотрим эти новые региональные общности подробнее.

а) *Конфронтационные регионы* — геополитические регионы с конфронтационным, неустойчивым типом геополитических отношений между акторами, с сохранением противостояния между ними (в том числе военно-политического), несмотря на международные усилия.

Одним из наиболее ранних и долгих примеров является *Южно-Кавказский регион*, в который конфронтационные отношения надолго связали Армению, Азербайджан, самопровозглашённую Нагорно-Карабахскую республику и территорию Азербайджана, оккупированную в конце 1980-х годов (по начало 2021 г.) сопредельной Арменией для обеспечения связей с Нагорным Карабахом. После прекращения огня в 1994 г. миротворческую миссию в урегулировании конфликта взяла на себя Минская группа ОБСЕ (сопредседатели — Россия, США, Франция, при участии Белоруссии, Германии, Италии, Турции, Финляндии, Швеции, а также Азербайджана и Армении), работа которой не привела к взаимоприемлемому компромиссу, но на долгие годы (до 2020 г.) позволила «заморозить» ситуацию. С конца 2020 г. трансформируется в миротворческий регион.

Грузино-Абхазский — сложился в результате грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., завершившейся в 1994 Соглашением о прекращении огня и разъединении сил, выработанным в рамках Женевских переговоров по урегулированию конфликта под эгидой ООН и решения Совета глав государств СНГ. В соответствии с ним в зоне конфликта с июня 1994 года были размещены Коллективные силы СНГ по поддержанию мира (российский контингент). Для наблюдения за осуществлением Соглашения и деятельностью миротворческих сил СНГ на территории Абхазии была развёрнута Миссия ООН по наблюдению в Грузии. Прекратила существование в 2008 г. после

завершения южноосетинского конфликта между Россией и Грузией, трансформировавшись в миротворческий регион.

Грузино-южноосетинский — его основой стали геополитические отношения, сложившиеся на базе Сочинского соглашения о прекращении этнополитического конфликта 1991–1992 годов и деятельности Совместной контрольной комиссии по разрешению грузино-осетинского конфликта и миротворческого контингента в составе российских, грузинских и осетинских войск. После Южноосетинского конфликта между Россией и Грузией трансформировался в миротворческий регион.

Грузино-российский — сложился на основе конфронтационных геополитических отношений после завершения южноосетинского конфликта 2008 г., приведшего к утрате Грузией Южной Осетии и Абхазии, разрыву дипломатических отношений с Россией, выходу из СНГ и евро-атлантическому вектору внешней политики.

Украино-российско-европейский — сформировался как система геополитических отношений между Украиной, Россией и европейскими структурами и непризнанными государствами в результате украинского кризиса 2014 г. и потери Украиной Крыма (вошедшего в состав России), а также контроля над частью территории Донецкой и Луганской областей, где были провозглашены Донецкая и Луганская народные республики, ставшие объектом военной операции со стороны Украины и поддержанные Россией. Правовой основой этих регионообразующих отношений являются Минские соглашения — комплекс документов, нацеленных на деэскалацию вооружённого конфликта на востоке Украины. В 2014–2015 годах они были согласованы в формате «нормандской четвёрки» (руководители Германии, Франции, России, Украины) и подписаны трёхсторонней Минской контактной группой по мирному урегулированию на востоке Украины, состоящей из представителей Украины, России, ОБСЕ, с участием в её работе также непризнанных ДНР и ЛНР.

б) *Миротворческие регионы* — геополитические регионы с устойчивым типом геополитических отношений, опирающихся на документы миротворческой деятельности международных организаций

(ООН, ЕС, СНГ, ОБСЕ и др.) или отдельных государств, их групп, одобренные и принятые к исполнению сторонами конфликта. К таким регионам можно отнести следующие (в порядке их возникновения):

Приднестровский, сложившийся на основе соглашения между Молдавией и Россией в 1992 г. и переговорного процесса в формате «5+2» (Россия, Молдавия, Приднестровье, Украина, ОБСЕ и как наблюдатели ЕС и США).

Российско-абхазский и российско-южноосетинский регионы. Их новые регионообразующие геополитические отношения базируются на Договорах о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Россией и молодыми государствами (2008 г.), а также опирающихся на них соглашениях и договорах. Гарантами военной безопасности являются подразделения российского воинского контингента.

Южно-Кавказский — формирующийся в результате завершения азербайджано-армянской войны 2020 г. за возвращение Нагорного Карабаха и освобождение оккупированных Арменией территорий. Новые регионообразующие геополитические отношения базируются на трёхстороннем межгосударственном соглашении Армении, Азербайджана, России и заявлении о прекращении огня от 09.11.2020 г., в которых зафиксированы главные принципы урегулирования: возвращение оккупированных территорий Азербайджану; сохранение Лачинского коридора, связывающего через территорию Азербайджана Армению и Нагорно-Карабахскую республику, сохраняющую свой статус; возвращение беженцев; введение российского миротворческого контингента для разделения участников конфликта и обеспечения безопасности транспортного коридора. С участием Турции действует совместный Мониторинговый центр по Нагорному Карабаху для контроля выполнения трёхстороннего соглашения.

Новым геополитическим явлением, типом конфликтогенных регионов в постсоветском пространстве (как и фактором международно-интеграционных процессов в нём) стало появление особенно активно с 2014 г. «санкционных регионов» — международных геополитических систем «де-юре» (то есть опирающихся на международ-

ные юридические акты) различного функционального содержания и геопро пространственного масштаба. Иницируемые отдельными государствами или их союзами *санкционно-геополитические отношения* охватывают группы стран на субрегиональном, региональном и на глобальном уровнях. Они трансформируют и разрушают взаимосвязи государств и их сопредельных территорий в традиционных регионах трансграничного сотрудничества, преобразуя их по сути в *санкционно-геополитические регионы*. Каждый из них представляет собой систему регионообразующих конфликтных геополитических отношений, связывающих объект разнообразных санкций (государство или иной субъект общественной деятельности) и государство или их объединение, выступающих инициатором санкций с целью воздействия на нежелательную деятельность объекта санкций в той или иной сфере (экономической, политической, социальной, духовной, спортивной и др.). Как правило, санкционная геополитика сопровождается ответными антисанкционными мерами. Складывается сложная система конфликтных геополитических отношений с биполярной и мультиполярной структурой, связывающих инициаторов и реципиентов санкций (государств или иных общественных субъектов). Исторический опыт таких международных регионов хорошо известен, хотя бы на примерах (по нацеленности, адресности санкций) «кубиноцентричного», «советскоцентричного», «ираноцентричного», «северокорейскоцентричного», «венесуэлоцентричного», а также антидопинговых, олимпийских и иных геополитических регионов.

Наиболее яркими примерами таких регионов, в разной степени охватывающих современную постсоветскую макро-геополитическую систему и уходящих за её пределы, являются «россиецентричный», «белорусоцентричный» и «украиноцентричный» регионы, инициированные с 2014 г. санкционной политикой США, НАТО, ЕС, Украины в отношении России, а с 2020 г. и Белоруссии.

Одними из наиболее пострадавших на постсоветском пространстве от «санкционной геополитики» являются ранее сложившиеся успешные приграничные и трансграничные регионы двухстороннего и многостороннего сотрудничества (прежде всего «еврорегионы»)

в бассейне Балтийского моря, прочно связавшие прибрежные государства, а также приграничные территории Украины и России. Очевиден и эффект «санкционного бумеранга»: санкции и контрсанкции привели к заметному сокращению экономической активности, взаимной торговли и других форм взаимодействия в сопредельных с Россией странах Евросоюза и Украины — инициаторов санкций.

В заключение можно резюмировать, что комплекс внешних и внутренних геополитических факторов трёх последних десятилетий — «цветные» революции (Украина, Киргизия, Грузия, Молдавия, Армения), как и их неудачные попытки (Таджикистан, Белоруссия), военно-политическое и экономическое противостояние «коллективного Запада» (США–НАТО–ЕС) и России, информационно-геополитические и санкционные попытки дестабилизировать внутривосточную ситуацию в этой крупнейшей стране постсоветского пространства, в сочетании с постоянной внутривосточной нестабильностью большинства постсоветских государств, с процессами сепаратизма, сепаратизма и угрозами международного терроризма — позволяет говорить о формировании в глобальной геополитической системе *«евразийско-постсоветской дуги нестабильности»* как нового макро-геополитического региона «де-факто», включающего разнотипные по видам деятельности и геопространственному масштабу региональные геополитические системы «де-юре» и «де-факто», представленные выше.

В современной системе международных отношений решение нарастающих геополитических проблем этого конфликтного макрорегиона вряд ли по силам одному государству или международной организации, а требует коллективных усилий как со стороны акторов постсоветского пространства (в том числе России), так и со стороны международных структур, в особенности вовлечённых в рассмотренные процессы в постсоветской геополитической системе. Об этом свидетельствует положительный опыт Приднестровья с 1992 г., Минских соглашений 2014–2015 гг. по Украине и трёхстороннего соглашения по миротворческой миссии России на Южном Кавказе (2020–2021 гг.). Этот опыт может быть использован для ре-

шения проблем и трансформации рассмотренных конфронтационных регионов в миротворческие.

Список литературы

1. Дружинин, А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). — Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2020. — 268 с.
2. Каледин, Н. В. Деятельностно-геопространственная методология в общественной географии // Балтийский регион — регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений. Материалы IV международной научно-практической конференции. Отв. редактор А. А. Михайлова. — Калининград : Изд-во Балтийского федерального ун-та. — 2020. — С. 43–48.
3. Каледин, Н. В. Евразийский регион. Общая характеристика // География мира в 3 т. Т. 3 Регионы и страны мира. Учебник и практикум / Отв. ред. Н. В. Каледин, Н. М. Михеева. — М.: Изд-во Юрайт, 2017. — С. 13–17.
4. Каледин, Н. В. Постсоветское пространство: предпосылки и результаты регионализации // БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН. — 2009. — № 1. — С. 32–42
5. Каледин, Н. В., Елацков А. Б. Трансграничная регионализация: геополитический аспект // Региональные исследования. — 2020. — №1 (67). — С. 65–75.
6. Каледин, Н. В., Каледин, В. Н. Пространственно-временная динамика интеграционно-деинтеграционных процессов в Евразии // Россия и её регионы в полимасштабных интеграционно-деинтеграционных процессах // Материалы межд. научной конф. в рамках VIII ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (26 сентября — 1 октября 2017 г.). — Пермь, 2017. — С. 39–44.
7. Каледин, Н. В., Каледин, В. Н., Гресь, Р. А. Геополитические регионы и геополитическая регионализация общества // Современные тенденции развития и приоритеты общественной географии /

Материалы межд. научной конф. в рамках IX ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Т. 2. Отв. ред. Н. И. Быков. — Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2018. — С. 152–155.

8. Политическая география и геополитика. Учебник для вузов / Под ред. Н. В. Каледина, Н. М. Михеевой. — М. : Юрайт. 2021.

§ 1.2. ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ПЛОЩАДКА КОНКУРЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛАРУСИ)

Еремина Наталья Валерьевна

Постсоветское пространство создавалось благодаря взаимодействию бывших республик СССР, причем между ними как воспроизводились старые проблемы и конфликты, уходящие корнями в более ранние исторические периоды, так и возникали новые, сформированные отношениями в процессе становления новых независимых государств. В условиях отсутствия конкуренции со стороны рухнувшего СССР Европейский союз получил беспрепятственный вход в обширный евразийский регион. Как раз в это время появились первые стратегии ЕС в отношении Центральной Азии, а также ближайших географических соседей (Украина, Беларусь, Молдова и т.д.). Самым продвинутым проектом взаимодействия ЕС со странами постсоветского пространства стал проект Восточное партнерство, действующий с 2009 г. Его неоднозначность с политической, геостратегической и с геоэкономической точек зрения породила конфликты нового уровня, связанные с выбором исторического пути развития новых государств (условно «европейский путь» или «движение вместе с Россией»). Очевидный пример этому — украинский кризис. Однако выработанный ЕС подход и ответная политика постсоветских стран уже заложили определённые тренды на межгосударственную конфликтность и неизбежный раскол общества в государствах, столкнувшихся с развилкой выбора. Сейчас мы наблюдаем эти процессы в Республике Беларусь, которой активно навязывают выбор «или-или» (евразийский versus, европейский проект).

Обращение исследователей к проблеме фактора Беларуси во взаимодействии России и ЕС объясняется конкуренцией разных интеграционных блоков, а не только государств, столкновением евразийских стратегий разных участников (и здесь мы говорим не только

о России, ЕАЭС и ЕС, но и о США и Китае), а также наличием конфликта на Донбассе, который и возник в результате этой конкуренции и прямого давления со стороны Брюсселя. Кроме того, именно Беларусь многие эксперты прочили на роль новой Украины. Также учтем, что Беларусь, которая длительное время говорила о многовекторной внешней политике, в текущих условиях превратила сама себя в яблоко раздора, давая шансы ЕС и его отдельным странам, прежде всего в лице Польши и Литвы, влиять на ситуацию. Не менее важно держать в голове и исторические обстоятельства, ведь все мы помним, что в свое время на территориях Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой (земли западной Беларуси), целенаправленно проводился раскол общества, с точки зрения отношения к Московскому царству, Российской империи, для чего чаще всего использовался религиозный и языковой факторы. К тому же на Украине именно они в очередной раз стали инструментами влияния на общественное сознание. Кроме того, для Российской Федерации важно понимать, в чем состоит сущность политики ЕС по отношению к Беларуси, чтобы строить свои собственные отношения с ЕС. Для России Беларусь — основной стратегический партнер, поэтому ее позиция и характер сотрудничества как со странами ЕАЭС, так и странами ЕС важны для понимания более обширных трендов в регионе постсоветского пространства.

В предлагаемой главе будет проведен сравнительный анализ участия Беларуси в евразийской интеграции и ее взаимодействии с ЕС.

ЕС на постсоветском пространстве: нормативная сила

Отношение Европейского союза к интеграции на постсоветском пространстве остается исключительно негативным. Брюссель длительное время вообще не замечал и не желал слышать и обсуждать процессы экономической интеграции на пространстве СНГ, поэтому любые перспективы диалога между Россией и брюссельскими чиновниками, действующими на основании мандата государств —

членов ЕС, отрицались напрочь. Эта позиция объясняется не только интересами конкретных государств ЕС и Брюсселя, но и апелляцией Брюсселя к т. н. «ценностным различиям» с Россией, которые препятствуют равноправным отношениям и требуют делать в отношении России «авторитарную поправку». Ее смысл в том, что уже на этапе планирования своей политики в отношении России Брюссель отдаст предпочтение «кондициональности», т.е. обусловленной разными факторами политики и отказу от учета российских интересов.¹⁰

Кондициональность заключается и в том, что Брюссель основывается на идее демократичности ЕС и отказывается считать демократическими государства за пределами интеграционной группы, за исключением союзников. Представление о собственной демократичности лежит в основании требований от всех партнеров ЕС следовать именно правовым подходам ЕС¹¹. Это серьезно ограничивает возможности политического диалога стран с Брюсселем. А в качестве условия диалога и финансовой поддержки с его стороны необходимо внедрять нормы и стандарты ЕС в разных сферах жизнедеятельности. Благодаря программе «Восточного партнерства» ряд государств СНГ уже применил некоторые технические нормы европейского права на своей территории в качестве неременного условия расширения торгово-экономических и социально-культурных связей с ЕС.

Во-первых, очевидно, что развал СССР сам по себе послужил основанием, что именно западноевропейская экономическая и политическая модель является наилучшей, притом что бездумное копирование ее норм и стандартов странами СНГ не привело ни к чему, кроме как к краху иллюзий. Для теоретического обоснования этой деятельности сторонники ЕС использовали ставшую популярной в начале XXI в. политико-правовую «теорию нормативной силы»¹²,

¹⁰ Заславская Н.Г. Проблема институционального баланса в Европейском союзе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7. № 3. С. 35.

¹¹ Еремина Н.В., Середенко С. Двойная жизнь международных преступлений: постановка проблемы и терминология // Международное право. 2015. № 2. С.1-52.

¹² Manners, Ian. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40. No. 2. pp. 235-258.

объясняющую, почему нормы и право Европейского союза должны приниматься к исполнению во всех государствах — соседях Евросоюза и какие блага получают те государства, которые в «нормативную силу» европейской интеграции поверят. Во-вторых, основанная на «мягкой силе» европейская сверхдержава сейчас переживает экзистенциальный кризис, но не способна выработать решение проблемы, часто осуществляя совершенно полярные мероприятия. Более того, нынешнее поколение лидеров ЕС, вероятно, не готово к трансформации Союза, но стремится законсервировать его привилегированный правовой и политический статус.

Примечательно, что распад СССР не только создал новые возможности для ЕС на постсоветском (евразийском) пространстве, но и привел внутри ЕС к возникновению разнообразных центробежных сил, так как предыдущее скрепляющее идентификационное начало (против СССР) оказалось не у дел. Однако сейчас мы видим возвращение этой же конфронтационной логики в отношении России. По этой причине участникам интеграционного проекта на евразийском пространстве необходимо выработать собственную идентификационную матрицу, объясняющую, почему всем государствам постсоветского пространства важно быть вместе. И мы окажемся в лучшей позиции, нежели страны ЕС, которые изначально формировали ее под влиянием идеологических воззрений США¹³. При этом проамериканские государства Восточной Европы, вошедшие в состав ЕС, создали барьер между государствами СНГ и ведущими странами Западной Европы. Во многих случаях вина за разрыв диалога Брюсселя и Москвы лежит на странах Прибалтики и Польши. Более того, такой барьер, с точки зрения США, является исключительно буферной зоной между привилегированными членами европейско-атлантического пространства и Россией. Преодоление этого барьера — неперемное условие для установления прочных правовых и политических отношений между ЕАЭС и Европейским союзом. Однако, если, например,

¹³ Eremina N. Advent of a new civilization project: Eurasia in — U.S. out? // Journal of Eurasian Studies. 2016 (July). Vol. 7. Issue 2. PP. 162-171.

страны Прибалтики полагают свое положение в качестве буферной зоны единственно верным сценарием собственного государственного развития, это делает решение проблемы невероятно затруднительной. Кроме того, в этом же формате затруднений стоит оценить и фактор санкций, которые были введены Брюсселем против Москвы в большей степени под влиянием США, хотя страны-члены ЕС категорически отказываются признавать данное давление¹⁴.

ЕС и Беларусь: формы взаимодействия

Европейский союз фактически сразу после образования новых независимых государств на постсоветском пространстве начал формировать разные линии взаимодействия с ними. Безусловно, среди таких стран выделяются участницы Восточного партнерства, которое с 2009 года стало определяющим проектом во внешней политике ЕС на постсоветском пространстве. Среди этих стран особое место занимает Беларусь по причине сложившегося у Брюсселя негативного мнения о лидере государства. Очевидно, что тесное взаимодействие Беларуси с Россией также во многом влияло и влияет на интерпретацию представителями ЕС действий белорусской власти, ее политики во всех направлениях. Первые попытки выстроить диалог ЕС-Беларусь относятся к 6 марта 1995 г., когда было подписано Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве между ЕС и Беларусью. Однако ратификация его странами-членами ЕС до сих пор не завершена¹⁵. Поэтому с 2009 г. и на сегодняшний день программы Восточного партнерства и проекты, финансируемые ЕС в рамках Европейской политики соседства, являются основными финансовыми и политическими инструментами и сотрудничества с Беларусью, и влияния на нее. И, несмотря на то, что в условиях украинского кризиса Беларусь зарекомендовала себя как государство-миротворец,

¹⁴ Еремина Н.В., Середенко С. Двойная жизнь международных преступлений: постановка проблемы и терминология // Международное право. 2015. № 2. С.1–52.

¹⁵ EU-Belarus relations. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/4014/eu-belarus-relations_en

позиция Брюсселя остается неизменной, хотя и несколько откорректированной.

Но благодаря, с одной стороны, своему участию в проекте Восточного партнерства, а с другой — в интеграционных проектах на постсоветском пространстве, Беларусь с каждым годом до августовских президентских выборов в 2020 г. вызывала все больший интерес у Брюсселя. При этом для ЕС сохраняется цель включить территорию Беларуси в зону свободной торговли¹⁶.

Европейский союз к настоящему времени сформировал несколько площадок для взаимодействия с белорусскими партнерами в рамках тематических программ по следующим направлениям: зеленая энергетика и экология; энергетика; частный сектор; региональное развитие; здравоохранение; культура, наука, образование, молодежь; гражданское общество и права человека; реформа судебной системы; миграции, убежище, беженцы; мир и безопасность; нормы и стандарты. Все они объединены в три крупных направления: социальная интеграция, окружающая среда и местное региональное экономическое развитие.

И количество этих программ растет год от года. В настоящий момент их более двухсот. Особое внимание среди всех программ традиционно уделяется программам, направленным на взаимодействие с молодежью, а также правам человека. Все они финансируются в рамках Европейского инструмента соседства, причем суммы выделяются достаточные. Так, в программный период 2014–2020 гг. ЕС выделил на все проекты в Беларуси сумму в размере, превышающем 91 млн евро, при этом большая часть средств была направлена на социальные проекты.

Беларусь уже длительное время участвует в нескольких региональных проектах совместно с Литвой, Латвией и Польшей, финансируемых ЕС, в области пограничного контроля, экологии, энергетики, транспорта. Также ЕС запустил специальные программы, которые

¹⁶ Council conclusions on Belarus. 2016. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/02/15-fac-belarus-conclusions/>

вовлекают белорусов в сотрудничество с ним на личном, индивидуальном уровне: Эразмус +, МОСТ, Проект технической помощи и обмена информацией, Горизонт 2020 и др. По оценкам Брюсселя, ежегодно фонды ЕС выделяют Беларуси почти 30 млн евро на конкретные программы, например на проекты «Поддержка локального и регионального развития Беларуси», «Поддержка территориального сотрудничества», «Программа регионального развития»¹⁷. Помимо стипендий и субсидий, значительное внимание ЕС уделяет вопросам интернационализации белорусского образования, например, в рамках проекта «Гармония», в который вложил около 9 млн евро¹⁸.

Программы поддержки конкретным организациям и представителям гражданского общества в Беларуси развиваются и финансируются не только по линии политики соседства, но и Европейского инструмента поддержки демократии и прав человека. Более того, для Брюсселя важнее всего продолжать взаимодействовать с оппозицией и общественностью в целом. Подобные проекты также частично финансируют Европейский инвестиционный банк и Европейский банк реконструкции и развития. Как правило, данные финансовые инструменты поддерживают проекты роста частной инициативы и развития гражданского общества. При этом даже взаимодействие ЕС и Беларуси в гуманитарной сфере «кондиционально». Так, есть вопросы, которые ЕС традиционно упоминает в диалоге с Беларусью: о необходимости ввести мораторий в отношении смертной казни, выполнить все рекомендации ОБСЕ и других институтов в отношении прав человека, обеспечить свободную деятельность всех оппозиционеров. Интересно и показательно, что ЕС не только настаивает на решении этих вопросов, но и активно предлагает свою помощь в демократизации страны, через инструменты поддержки граждан-

¹⁷ EU relations with the region. 2016. URL: <https://eeas.europa.eu/topics/eastern-partnership/>

¹⁸ Проекты в Беларуси при финансовой поддержке Европейского союза. 2020. URL: <https://euprojects.by/ru/projects/Culture-Science-Educationand-Young-People/development-of-approaches-to-harmonization-of-comprehensive-internationalization-strategies-in-higher/>

ского общества, забота о котором, по словам ЕС, является ценной частью в его диалоге с Беларусью. При этом ЕС приписывает себе огромную роль в демократизации Беларуси. Например, в 2012 г. Европейская Комиссия запустила «Европейский диалог по модернизации с белорусским сообществом», в 2014 г. — проект РЕФОРУМ, реализуемый белорусским институтом стратегических исследований, ввела новый формат сотрудничества с белорусскими чиновниками, известный как «промежуточный» подход или «консультации по модернизации», что сама и оценила весьма положительно. Еще одним институтом демократизации и влияния ЕС на повестку прав человека в Беларуси стала Координационная группа ЕС–Беларусь, созданная в 2016 году.

Показательно, что в текущее время ЕС все же сделал реверанс в сторону Беларуси, похвалив ее за подвижки в ряде вопросов: в переговорах по облегчению визового режима, в соглашении о реадмиссии по программе мобильного партнёрства, в восстановлении диалога с ЕС о правах человека, в подписании договоренностей в энергетическом секторе, в активной позиции в программах Восточного партнёрства и в конструктивной роли в регионе.

Надо отметить, что ЕС высоко оценивает значение собственных грантовых программ в Беларуси, прежде всего, в области различных стандартов и норм. Например, он указывает, что финансирует программу стоимостью 1,4 млн евро для приведения лабораторий Беларуси в соответствие требованиям ЕС в области контроля над качеством лекарственных средств. Или другой пример. В рамках проекта «Горизонт 2020» Беларуси было выделено более 12 млн евро на различные научно-общественные мероприятия на период 2002–2017 годов¹⁹.

Помимо взаимодействия в гуманитарной сфере, ЕС является важнейшим торговым партнером Беларуси (вторым после России). Экспорт Беларуси в ЕС — это в основном минеральное топли-

¹⁹ EU Projects with Belarus. 2017. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/belarus/947/eu-projects-belarus_en

во, а также химическая, сельскохозяйственная продукция, машины и текстиль, но уже в значительно меньшей степени. В это же время ЕС экспортирует в Беларусь транспортное оборудование и химическую продукцию²⁰.

Однако торгово-экономические отношения Минска и Брюсселя подчинены стратегии проникновения ЕС на постсоветское пространство, реализуемой посредством проектов Восточного партнерства, и подтверждают селективный подход Брюсселя к выстраиванию экономического взаимодействия с Беларусью. Поэтому данное взаимодействие неровное и нестабильное, помимо того что оно находится и под влиянием многочисленных внешних факторов. Например, в 2007 г. ЕС отменил торговые преференции для Беларуси, объяснив это нарушением ею принципов Международной организации труда в отношении профсоюзной деятельности. Также ЕС ввел защитные меры в виде антидемпинговых пошлин на продукцию химической отрасли. Однако в 2009 г. ЕС включил Беларусь в проекты Восточного партнерства, а в 2010 г. ввел односторонние квоты на импорт белорусских текстильных товаров. Тем не менее в 2016 г. Брюссель проявил готовность к постоянному диалогу по вопросам торговли в рамках экспертных совещаний, которые проходят дважды в год, и в 2017 г. снял квоты на экспорт текстиля²¹. Более того, по мнению чиновников ЕС, именно благодаря их программам в Беларуси были созданы 4000 новых рабочих мест, прежде всего в сфере малого и среднего бизнеса²². Несмотря на периодическое сокращение торговых взаимоотноше-

²⁰ Belarus. 2020. URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/belarus/>

²¹ Отношения ЕС-Беларусь в фактах и цифрах. 2020. URL: https://ceas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/35851/%D0%9E%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%95%D0%A1-%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%81%D1%8C

²² Facts and figures about EU-Belarus relations. 2020. URL: https://ceas.europa.eu/sites/ceas/files/eap_factsheet_belarus_eng.pdf

ний сторон, торговый баланс складывался в пользу Беларуси, составляя в среднем 7–8 млрд долларов²³.

Основными торговыми партнерами Беларуси со стороны ЕС являются такие страны, как Нидерланды, Германия, Польша, Литва, Латвия, Бельгия, Эстония. Среди этих стран высокую активность во взаимодействии проявляет Германия. Интересно, что инвестиционная привлекательность Беларуси связывается немецкими партнерами с ее положением, так как Беларусь является одновременно соседом ЕС, а также России и участвует как в Восточном партнерстве, так и в ЕАЭС. Интерес ФРГ был зафиксирован в 2018 г., когда товарооборот стран вырос до 3 млрд долларов, а объем немецких инвестиций — до 400 млн долларов (ФРГ занимает четвертое место как страна инвестор в Беларусь). В качестве негативных черт белорусской экономики немецкая сторона отмечает зависимость экономики Беларуси от России и доминирование госсектора²⁴.

Основная финансовая поддержка ЕС Беларуси в настоящее время выражена в двух проектах: «Экономическое развитие регионов в Республике Беларусь», одобренном в январе 2019 г. на срок до 31 января 2022 года; и «Развитие малого бизнеса». Вместе они составляют масштабную программу «Стимулирование развития частной инициативы в Беларуси» (SPRING). Она финансируется в рамках Европейского инструмента соседства с бюджетом в 9,5 млн долл. Ее цель — создание конкурентной среды на национальном и региональном уровне. Однако инструментом реализации служит по большей части разработка типовых рекомендаций и методологий, а также консультирование. Основные денежные средства Программы направлены на создание кластеров и стартапов (около 3 млн долларов)²⁵.

²³ Facts and figures about EU-Belarus relations. 2020. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eap_factsheet_belarus_eng.pdf

²⁴ До конца года товарооборот Беларуси и Германии может достигнуть \$3 млрд. 2018. URL: <https://sputnik.by/economy/20180716/1036583184/belarus-germaniya-tovarooborot-3-mlrd.html>

²⁵ Беларусь. Цели устойчивого развития. 2020. URL: http://www.by.undp.org/content/belarus/ru/home/operations/projects/poverty_reduction/spring.html

Глава представительства ЕС в Беларуси также заявила о готовности Союза поддержать развитие частного сектора, для чего при участии ЕС уже была разработана соответствующая дорожная карта²⁶.

Таким образом, очевидно, что как ЕС в целом, так и отдельные страны-члены избирательно подходят к торгово-экономическому диалогу с Беларусью. Вопрос отношений с Россией остается одним из важных факторов в его развитии. С точки зрения инвестиций, страны ЕС далеко отстают от вклада России. Основной торговый партнер Беларуси — это все-таки именно Россия. Например, на ее долю в первом полугодии 2019 г. приходилось 40,3% белорусского экспорта и 55,6% импорта, в то время как на долю ЕС — 27,1% белорусского экспорта и пятая часть импорта²⁷. Экономическое сотрудничество продолжается и в коронавирусный период. Так, в конце августа Посол Беларуси в России В. Семашко 24–29 августа совершил рабочие поездки в Кемеровскую область (Кузбасс) и на Сахалин. Во время визита в Беловском районе Кемеровской области был открыт крупнейший в России Центр технической поддержки БЕЛАЗ. С участием министра промышленности Беларуси П. Пархомчика прошли переговоры с руководителями горнорудных и добывающих компаний по текущим и перспективным поставкам карьерной техники в российский регион. На Сахалине белорусская делегация посетила Солнцевский угольный разрез, где недавно приступили к работе 14 новых белорусских карьерных самосвалов грузоподъемностью 220 т. Особое внимание было уделено проблематике агропромышленного сотрудничества.

Безусловно, для Минска важен стабильный выход белорусских товаров в ЕС, однако технические регламенты, нормы и стандарты, предлагаемые законодателями ЕС, серьезно ограничивают такие возможности. Кроме того, Беларусь — участник ЕАЭС, поэтому по-

²⁶ ЕС готов оказывать Беларуси поддержку по развитию частного сектора экономики. 2018. URL: <https://www.belta.by/economics/view/es-gotov-okazyvat-belarusi-podderzhku-po-razvitiyu-chastnogo-sektora-ekonomiki-324524-2018/>

²⁷ Экспорт: общие положения, экспортный потенциал, товаропроводящая сеть. 2021. URL: <https://mfa.gov.by/export/export/general/>

добные вопросы корректнее прорабатывать совместно с партнёрами по Евразийскому экономическому союзу, а не в одиночку.

Сотрудничество ЕС с Беларусью буксует часто по причине неготовности самого ЕС к полноценному и полноправному сотрудничеству со странами постсоветского пространства, включая Беларусь. ЕС не меняет своей основной позиции по Беларуси, лишь периодически смягчая ее. Главные претензии по-прежнему относятся к режиму А. Г. Лукашенко. И эта критика обострилась после августовских событий. ЕС полагает, что именно он не допускает полнокровного участия Беларуси в программах Восточного партнерства и удерживает ЕС от того, чтобы сделать ей подобные предложения. В частности, Брюссель напоминает Минску о политзаключенных, о выборах, которые ЕС не признает, о положении журналистов и т.п. А уровень участия Беларуси в программах Восточного партнерства, по мнению Брюсселя, зависит от того, как в принципе развиваются отношения Беларуси с ЕС в контексте прав человека²⁸.

И здесь перед ЕС стоят сложные задачи научиться признавать интересы партнеров. Например, если он хочет развивать диалог с Беларусью, ему придется признавать значимость для Беларуси интеграции на постсоветском пространстве, а также то, что в Восточном партнерстве Минск предпочитает многосторонние форматы двусторонним соглашениям. И, естественно, что этот диалог также предполагает выстраивание конструктивных отношений и с Россией, поскольку Беларусь и Россия осуществляют глубокую интеграцию в рамках Союзного государства. Но способен ли ЕС с громоздкой бюрократией и непрагматичным подходом во внешней политике к такому диалогу? Текущая ситуация подсказывает, что, скорее, нет, чем да. А Беларусь в современных условиях склонна проявлять осторожность в отношении обещаний Брюсселя. Более того, официальный диалог после выборов президента Беларуси, когда санкции были наложены на белорусских чиновников, включая президента и его бли-

²⁸ EU relations with Belarus. 2020. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/policies/eastern-partnership/belarus/>

жайшее окружение, сейчас фактически не ведется. Конфликтность взаимоотношений только растет, особенно в контексте формирования площадки Люблинского треугольника в составе Польши, Литвы и Украины, на совещания в котором приглашают в качестве представителя Беларуси С. Тихановскую.

Минск всегда высказывал необходимость снять все существующие ограничения в отношении Беларуси и придерживаться равноправных партнерских отношений в диалоге, развивая многообразные программы, не сконцентрированные исключительно на гуманитарном измерении. Минск призывал Брюссель уважать интересы партнеров, суверенитет Беларуси и ее внешнеполитическую стратегию. Не менее важным является признание интеграции Беларуси и России в рамках Союзного государства. Более того, президент Беларуси, как и российский президент, говорил о необходимости развивать сотрудничество ЕС и ЕАЭС.

Беларусь + Россия = Союзное государство?

Идея единства Беларуси и России развивается с 1992 г., когда был подписан Договор об образовании Сообщества Беларуси и России. Именно с этого и начались интеграционные процессы на постсоветском пространстве, в которых ключевую символическую роль играет союз России и Беларуси. 8 декабря 1999 г. стороны подписали Договор о создании Союзного государства. И с этих пор Союз двух стран стал ядром евразийских интеграционных процессов, выраженных в формате ЕАЭС. В этом контексте Беларусь рассматривается в тесной связке с Россией, так как взаимодействует с ней и в других форматах, например ОДКБ. Создание ЕАЭС во многом стало возможным благодаря Союзному государству, и его можно считать прорывом в развитии политико-экономических процессов на постсоветском пространстве. Постепенно сформировались наднациональные институты, прежде всего Евразийская экономическая комиссия, контролирующая уже порядка 200 функций.

При этом внутри евразийских интеграционных процессов экономические связи Беларуси с Россией оцениваются сторонами как важнейшие и необходимые для стабильного развития обоих государств. Товарооборот между странами и регионами стабильно растет, а российский рынок остаётся приоритетным для Беларуси²⁹. Здесь примечательно, что не так давно А. Лукашенко даже заявил: «Россия — это и наша Россия. Россия — это больше, чем страна, для Беларуси тем более. Это идеология, и ее из меня не выбить»³⁰. Кроме того, белорусский президент подчеркнул, что участие Беларуси в ЕАЭС — основной вектор в политике страны, невзирая на все сложности переговорного процесса («Это наше общее Отечество, где живут два народа от одного корня. Это Отечество от Бреста до Владивостока»)³¹.

Помимо взаимодействия сторон друг с другом и в евразийских процессах, Беларуси выгодно быть во взаимосвязи с Россией, так как благодаря этому сотрудничеству она участвует в более масштабном глобальном диалоге. Например, с БРИКС. Так, на саммит 2015 г., который проходил в Уфе, были приглашены делегации из Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана. Соответственно, состоялась важнейшая встреча с лидерами стран, входящих в ЕАЭС, ШОС. На данной встрече поднимались вопросы сопряжения интеграционных процессов на всем евразийском пространстве. Это позволяет государствам на постсоветском пространстве формировать и устанавливать контакт с новыми центрами силы³². При этом БРИКС также заинтересован в сотрудничестве с го-

²⁹ Встреча с губернатором Новгородской области России Андреем Никитиным. 2019. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-gubernatorom-novgorodskoj-oblasti-rossii-andreem-nikitinyim-22224/

³⁰ Встреча с губернатором Новгородской области России Андреем Никитиным. 2019. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-gubernatorom-novgorodskoj-oblasti-rossii-andreem-nikitinyim-22224/

³¹ Союзное государство в зеркале СМИ за 1 сентября. Информационно-аналитический портал Союзного государства. 2020. URL: <https://soyuz.by/obzorsmi/soyuznoe-gosudarstvo-v-zerkale-smi-za-1-sentyabrya>

³² БРИКС. 2019. URL: <https://fas.gov.ru/pages/international-partnership/briks/>

сударствами, не входящими в его состав. Для закрепления сотрудничества даже предлагаются соответствующие форматы БРИКС+.

Не менее важное значение для сотрудничества России и Беларуси имеют программы в сфере культурной политики, образования, исторической памяти. Они носят двусторонний формат, предполагают равное участие и позволяют обеим сторонам сохранять общую идентичность и ментальность³³.

Таким образом, взаимодействия России и Беларуси остаются ключевым фактором для развития интеграции на постсоветском пространстве. Несмотря на то, что Союзное государство развивается рывками и существуют периоды спада интеграционного движения, их следует воспринимать спокойно. Оба государства осознают привлекательность сокращения торгово-экономических барьеров при сохранении суверенитета. Перспектива объединения интеграционных процессов на постсоветском пространстве зависит от активного взаимодействия России с ключевыми игроками. Поэтому для успеха интеграционных процессов так важна позиция Беларуси.

Политика ЕС по отношению к Беларуси основана на принципах кондициональности, что препятствует глубокому и полноформатному сотрудничеству сторон. Более того, в условиях непризнания Брюсселем выборов президента, прошедших в Беларуси в августе 2020 года, диалог на высшем уровне фактически остановлен, что повышает конфликтный потенциал на постсоветском пространстве в целом. По всей видимости, Брюссель сделал выбор в пользу поддержки белорусских общественных образований и гуманитарных инициатив.

С одной стороны, это подтверждает общую стратегию ЕС на постсоветском пространстве, основанную на идее продвижения демократии. С другой, по мнению Брюсселя, прямо демонстрирует его возможности в продвижении своих стандартов, норм и регламентов и позволяет ему встать вровень с США в освоении мира. Тем не ме-

³³ Хасанова М.С. Культурное сотрудничество России и Беларуси на постсоветском пространстве// Genesis: исторические исследования. 2017. № 7. С. 68-77.

нее Беларусь остаётся важной стороной для ЕС, так как позволяет расширять присутствие Союза на постсоветском пространстве, выстраивать новые логистические цепочки, влиять на вопросы безопасности и энергетики. Более того, Беларусь остается важнейшим объектом приложения усилий ЕС по демократизации постсоветского пространства. Беларусь вслед за Украиной является важнейшей страной для подтверждения позиций ЕС в Евразии и в диалоге Брюсселя и Москвы. При этом Брюссель продолжает игнорировать фактор Союзного государства и значение российско-белорусского сотрудничества. Взаимодействия Беларуси и ЕС во многом связаны с отношениями между Брюсселем и Москвой.

Сложившаяся ситуация подтверждает необходимость углубления взаимодействия Беларуси и России, что уже выразилось в принятых решениях на уровне Союзного государства, связанных с расширением партнерства в образовательной сфере, в рамках инфраструктурных и инновационных проектов. Белорусский кейс о взаимодействиях государства постсоветского пространства и Брюсселя в очередной раз доказал конфликтный потенциал такого сотрудничества и подтвердил необходимость углубления и расширения евразийской интеграции.

Список литературы

1. Беларусь. Цели устойчивого развития. 2020. URL: http://www.by.undp.org/content/belarus/ru/home/operations/projects/poverty_reduction/spring.html (дата доступа: 25.01.2021)
2. БРИКС. 2019. URL: <https://fas.gov.ru/pages/international-partnership/briks/> (дата доступа: 25.01.2021)
3. Встреча с губернатором Новгородской области России Андреем Никитиным. 2019. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-gubernatorom-novgorodskoj-oblasti-rossii-andreem-nikitinym-22224/ (дата доступа: 25.01.2021)
4. До конца года товарооборот Беларуси и Германии может достигнуть \$3 млрд. 2018. URL: <https://sputnik.by/economy/>

- 20180716/1036583184/belarus-germaniya-tovarooborot-3-mlrd.html (дата доступа: 25.01.2021)
5. Еремина, Н. В., Середенко С. Двойная жизнь международных преступлений: постановка проблемы и терминология // *Международное право*. — 2015. — № 2. — С. 1–52.
 6. ЕС готов оказывать Беларуси поддержку по развитию частного сектора экономики. 2018. URL: <https://www.belta.by/economics/view/es-gotov-okazyvat-belarusi-podderzhku-po-razvitiju-chastnogo-sektora-ekonomiki-324524-2018/> (дата доступа: 25.01.2021)
 7. Заславская, Н. Г. Проблема институционального баланса в Европейском союзе // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. — 2011. — Т. 7. — № 3. — С. 35.
 8. Отношения ЕС-Беларусь в фактах и цифрах. 2020. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/35851/%D0%9E%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%95%D0%A1-%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%81%D1%8C (дата доступа: 25.01.2021)
 9. Проекты в Беларуси при финансовой поддержке Европейского союза. 2020. URL: <https://euprojects.by/ru/projects/Culture-Science-Educationand-Young-People/development-of-approaches-to-harmonization-of-comprehensive-internationalization-strategies-in-highe/> (дата доступа: 12.01.2021)
 10. Союзное государство в зеркале СМИ за 1 сентября. Информационно-аналитический портал Союзного государства. 2020. URL: <https://soyuz.by/obzor-smi/soyuznoe-gosudarstvo-v-zerkale-smi-za-1-sentyabrya>
 11. Хасанова, М. С. Культурное сотрудничество России и Беларуси на постсоветском пространстве // *Genesis: исторические исследования*. — 2017. — № 7. — С. 68–77.
 12. Экспорт: общие положения, экспортный потенциал, товаропроводящая сеть. 2021. URL: <https://mfa.gov.by/export/export/general/> (дата доступа: 17.01.2021)

13. Belarus. 2020. URL: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/belarus/> (дата доступа: 24.01.2021)
14. Council conclusions on Belarus. 2016. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/02/15-fac-belarus-conclusions> (дата доступа: 17.01.2021)
15. Eremina N. Advent of a new civilization project: Eurasia in — U.S. out? // *Journal of Eurasian Studies*. 2016 (July). Vol. 7. Issue 2. PP. 162-171.
16. EU-Belarus relations. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/4014/eu-belarus-relations_en (дата доступа: 25.01.2021)
17. EU Projects with Belarus. 2017. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/belarus/947/eu-projects-belarus_en (дата доступа: 09.01.2021)
18. EU relations with the region. 2016. URL: <https://eeas.europa.eu/topics/eastern-partnership/> (дата доступа: 25.01.2021)
19. EU relations with Belarus. 2020. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/policies/eastern-partnership/belarus/> (дата доступа: 25.01.2021)
20. Facts and figures about EU-Belarus relations. 2020. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eap_factsheet_belarus_eng.pdf (дата доступа: 25.01.2021)
21. Manners, Ian. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40. No. 2. pp. 235-258.

§ 1.3. РОЛЬ РОССИИ В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Притчин Станислав Александрович

Каспийское море исторически и географически является важным регионом для внешней и внутренней политики России. Распад СССР кардинальным образом изменил геополитическую ситуацию в регионе Каспия. Россия как правопреемница СССР вместе с Ираном потеряли эксклюзивные права на военное, политическое и экономическое присутствие в регионе ввиду появления трех новых независимых игроков: Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, которые заявили о своих правах на использование ресурсов моря, а западные страны заявили о своих интересах в регионе.

Россия начала поиск оптимальной стратегии в отношении моря в новых условиях. Ввиду наличия многочисленных внутренних проблем, экономической и политической слабости РФ в 90-х, российская политика в отношении моря носила, скорее, второстепенный, догоняющий характер. Москва адаптировалась под меняющиеся обстоятельства.

На современном этапе российская политика в отношении Каспия начала носить более системный, проактивный характер. Москва активизировала работу над завершением переговоров о международном правовом статусе моря. Москва начала поиск оптимальных форматов сотрудничества со странами региона через интеграционные организации и на двусторонней основе. Началась работа по серьезному укреплению мощностей и возможностей военной группировки в регионе, ответственность которой ограничивается не только региональными рамками.

Оценивая итоги российской внешней политики за первые четверть века, можно констатировать следующее. Москве не удалось отстоять принцип кондоминиума, но при этом она разрешила территори-

альные вопросы с соседями по компромиссному варианту. При этом Россия добилась завершения работы над правовым статусом моря, который позволил сформулировать ключевые политические принципы мирного соседства в регионе и устранить риск вовлечения каспийских соседей в конфликты и вражеские действия в отношении друг друга.

Россия на Каспии до 1991 года: правовые аспекты

Каспийское море исторически и географически является важным регионом для внешней и внутренней политики России. Две русско-персидские войны в начале XIX окончательно закрепили за Российской империей статус доминирующего геополитического игрока в регионе. Итогом первой войны 1804–1813 гг. стал Гюлистанский мирный договор³⁴. Документ ознаменовал переход под контроль России Дагестана, Грузии, Мегрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии и ханств: Бакинского, Карабахского, Гянджинского, Ширванского, Текинского, Дербентского, Кубинского, Талышского. России получала эксклюзивные права на владение военным флотом на море. Итогом второй войны 1826–1828 гг. стал Туркманчайский трактат³⁵, закрепивший территориальные итоги Гюлистанского договора, подтвердивший исключительное право России держать военный флот на Каспийском море, что Ирану было запрещено. Российские купцы, согласно мирному договору, получили преференции по свободной торговле в Иране³⁶. Таким образом, к первой четверти XVIII века Россия прочно закрепилась на Каспийском море.

Следующей важной вехой закрепления влияния России в регионе стали советско-иранские договоренности, достигнутые после распада Российской империи. Для молодой советской республики, находящейся в изоляции, важно было добиться признания на меж-

³⁴ Юзефович Т.П. Договоры России в Востоком. Политические и торговые. СПб.: Типография О.И. Бакста, 1869.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

дународной арене, результатом стал комплекс соглашений с южными пограничными странами: Афганистаном, Турцией и Ираном. Договор о дружбе и сотрудничестве с Ираном, подписанный 26 февраля 1921 года, с одной стороны, провозглашал потерю законной силы всех предыдущих двусторонних договоренностей, которые, по мнению советской стороны, «ущемляли права иранского народа»³⁷. Договор прописывал отношения сторон на Каспии, в частности закреплял границу на море (без указания географических координат), пересматривал режим рыболовства (иранская сторона также получала право на рыбную ловлю). Ключевым пунктом соглашения стал вопрос региональной безопасности. Россия, согласно договору, получала право ввести войска в Персию, если третьи страны будут использовать территорию Персии для агрессивных действий против России³⁸. В 1940 году был подписан договор, который подтверждал и развивал принципы, согласованные в 1921 году. Каспий объявлялся как море советское и иранское³⁹.

Советско-иранские соглашения, по сути, закрепили за Каспийским морем закрытый характер для третьих стран в военном и экономическом плане. При этом соглашения 1921–1940 гг. не регламентировали размежевание и территориальную целостность моря, помимо 10-мильной рыболовной зоны, указанные документы не содержали важнейших компонентов правового режима международных водоемов, которые бы регламентировали судоходство, использование недр.

Важно отметить, что в силу разности военного и политического потенциала СССР и Ирана Москва стала на Каспии доминирующим игроком. Так, СССР, согласно утвержденному закрытому приказу НКВД от 1934 г., контролировала большую часть акватории моря до условной границы по линии Астара-Гасан-Кули⁴⁰. В рамках обеспечения

³⁷ Алиев С.М. История Ирана XX век. М.: Институт востоковедения РАН: Крафт+, 2004.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2003.

безопасности южных границ в условиях начавшейся Второй мировой войны СССР, используя существующие договорённости с Ираном, совместно с Великобританией реализовала операцию «Согласие» по демилитаризации Ирана⁴¹. Несмотря на скорый вывод войск из Ирана в связи с решением тактических задач операции, доминирование СССР в регионе Каспия сохранилось вплоть до 1991 года.

Распад СССР. Кардинальное изменение геополитической ситуации

1991 год ознаменовал кардинальную геополитическую перестройку в мире в целом и в регионе в частности. Распался СССР, закончилась холодная война между западным и социалистическим лагерями. В регионе Каспийского моря данные изменения оказали серьезнейшую перестройку. Вместо двух игроков СССР и Исламской республики Иран появилось сразу пять игроков. К двум правопреемникам существующих соглашений добавились три новых независимых государств на Каспии — Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. Новые игроки с самого начала обретения самостоятельности начали заявлять о своих правах на Каспийское море, поэтому для региональной повестки дня сразу же стал актуальным вопрос — как делить море среди уже пяти игроков. Проблема оказалась не только в юридических тонкостях. Дело в том, что в силу обширных природных ресурсов моря вопрос их раздела быстро превратился в политических. В интересах новых игроков и их тактических союзников в лице западных правительств и нефтяных компаний было получение суверенных прав на прилегающие сектора моря с возможностью самостоятельного освоения запасов нефти и газа. Позиция России и Ирана строилась изначально на совместном использовании моря и его ресурсов, в юридической практике такой подход называется кондоминиум. Линия противостояния — страны-правопреемницы против новых не-

⁴¹ Бутаев А. М. Каспий: зачем он Западу? Режим доступа: <http://www.caspiy.net/dir3/west/index.html> Дата обращения: 20.07.2020.

зависимых государств — стала ключевой на первом этапе противостояния за влияние на Каспии.

С появлением новых игроков возник вопрос, каким образом делить акваторию моря, его дно, природные и биологические ресурсы, в ситуации, когда освоение недр стало жизненно важным условием для существования и независимости новых государств. Именно поэтому вопрос разделения Каспийского моря (и, соответственно, его ресурсов) из плоскости юридической очень скоро перешел в политическую.

Это впоследствии и стало главным сдерживающим фактором в процессе определения правового статуса Каспийского моря. Другой сложностью было то, что действующие договоры о статусе Каспийского моря не предусматривают секторального или иного территориального деления моря. Кроме того, на Каспийское море не распространяются положения Конвенции Морского права ООН от 10 декабря 1982⁴² г. ввиду того, что оно не является частью Мирового океана. Кроме того, эта Конвенция не учитывает уникальности моря и его геофизических параметров.

Мировая юридическая практика показывает, что в любых спорных ситуациях со временем удастся найти компромиссный вариант разделения морского шельфа, месторождений, расположенных на нем. Рассмотрим ряд примеров. В настоящее время в мировой практике существует два основных подхода к разграничению морских пространств. В середине XX века в мире наиболее популярным был способ срединной линии (линия равноудаленных точек; ввиду сложной геометрии морских берегов используется модифицированная срединная линия).

Наиболее активную позицию среди новых независимых государств занял Азербайджан. Во многом такой подход Баку определялся характером экономической модели республики с доминированием нефтегазового сектора. В новых условиях с привлечением запад-

⁴² Конвенция ООН по морскому праву от 1982 года // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/russian/documen/convents/lawsea.html> (дата обращения 20.03.2007).

ных инвесторов для Баку появилась возможность перезапустить нефтегазовый сектор, сделать его флагманом экономики республики и залогом суверенитета и независимости от России. Это можно было осуществить, лишь обеспечив политический и юридический контроль над ресурсами прилегающего к Азербайджану сектора моря. Но азербайджанское руководство решило действовать на опережение. Не дожидаясь подписания каких-либо международных документов по разделению моря, Баку пошло на подписание так называемого «Контракта века» об освоении трех крупных офшорных месторождений нефти и газа, расположенных в Каспийском море — 90 км к востоку от Баку. 20 сентября 1994 году в бакинском дворце «Гюлистан» было подписано соглашение между правительством республики и консорциумом нефтяных зарубежных компаний⁴³

Проактивная позиция Баку в отношении Каспия во многом совпала с интересами западных стран, которые впервые с начала XX века получили доступ к морю и его ресурсам. Открытие региона и потребность новых независимых государств в иностранных инвестициях и политической поддержке в отношениях с Россией и Ираном запустили новый виток геополитической борьбы между ведущими мировыми и региональными державами.

Для Запада на Каспии стояли следующие стратегические задачи. Первое — открытие крупного нефтегазового региона для обеспечения энергетической безопасности Европейского союза. Второе — для геополитических конкурентов России было важно не допустить реинтеграцию СССР и обеспечить независимость стран региона от России⁴⁴. В данном контексте, помимо инвестиций и политической поддерж-

⁴³ В консорциум вошли компании BP (35,78%) — оператор, ChevronTexaco (11,27%), SOCAR Azerbaijan (11,65%), INPEX (10,96%), Statoil (8,5633%), ExxonMobil (8,006%), ТРАО (6,75%), Itochu (3,9205%), ONGC (2,7213%).

⁴⁴ Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря // Бюллетень международных договоров. N 8, 2004. С. 60–62. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. С.166.

ки, необходимо было обеспечить строительство альтернативных российским нефте- и газопроводов, так как к моменту распада СССР все добываемые в регионе энергоресурсы доставлялись на мировой рынок через российские трубопроводы. Лоббистская, политическая работа над разными вариантами маршрутов велась в течение всех 90-х годов прошлого века, пока в октябре 1998 г. не был подписан меморандум между Азербайджаном, Грузией, Казахстаном, Турцией и США о строительстве нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан. Строительство проекта мощностью 50 млн тонн нефти было завершено в 2006 г. и позволило поставлять нефть с каспийских месторождений Азербайджана, Казахстана и Туркменистана в глубоководный порт Джейхан в Средиземном море⁴⁵. Несколько позже был запущен газопровод Баку–Тбилиси–Эрзурум, позволивший поставлять природный газ с месторождения «Шах-Дениз» на Каспии в Грузию и Турцию⁴⁶ [9].

Но не все планы западных стран в отношении региона удалось реализовать. Одним из наиболее приоритетных проектов для США и ЕС в регионе Каспия был Транскаспийский газопровод. Проект предполагал строительство 300-километрового трубопровода по дну Каспийского моря, который бы соединил Туркменистан с его четвертыми в мире запасами газа в мире с азербайджанской газотранспортной. Основной целью проекта было обеспечение поставок туркменского газа в обход России в ЕС, чтобы кардинальным образом снизить зависимость от российского газа. Проект был предложен и продвигался с середины 1990-х. В итоге, несмотря на крайнюю заинтересованность участников проекта, его так и не удалось перевести в стадию реализации. Причиной стали как позиция России и Ирана, которые пролоббировали необходимость согласования любых трансграничных проектов на море в международно-правовые договоры о статусе моря, так и вну-

⁴⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. С.166.

⁴⁶ Нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан им. Гейдара Алиева. Справка // РИА Новости 17.04.2009. Режим доступа: <https://ria.ru/20090417/168381928.html> Дата обращения: 10.11.2020.

тренние противоречия участников потенциального газопровода и неочевидная экономическая целесообразность проекта [10].

Таким образом, новым независимым государствам и их западным партнерам на первом этапе геополитического противостояния удалось заметно снизить влияние России за счет разрушения монополии России на транспортировку энергоресурсов из региона, лишить Москву возможности отстаивать принцип кондоминиума по освоению ресурсов моря.

Если в геоэкономической сфере противникам России удалось достичь серьезных результатов, то в военной сфере регион Каспия, несмотря на все попытки, так и остался закрытым для западных стран. Так, через программы сотрудничества НАТО западные страны сразу после получения независимости новых независимых стран постарались втянуть их в орбиту своего влияния и таким образом оторвать от тесных связей в военной сфере с РФ⁴⁷. В отношении непосредственно Каспийского региона США предложили создание региональной военной группировки «Каспийский страж» с участием Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, которая предполагала формирование секторального альянса с участием США, но без вовлечения России и Ирана⁴⁸. В случае реализации инициатива могла бы стать основой для появления американских военных в регионе на постоянной основе. Благодаря дипломатическим усилиям, России и Ирану удалось остановить реализацию американской стратегии.

Позиция России и ее эволюция в меняющихся геополитических условиях

Многие российские специалисты, обосновывая позицию России при определении статуса Каспийского моря в начале 90-х годов про-

⁴⁷ Чумаков Д. Перспективы Транскаспийского газопровода. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 8, сс. 47-54. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-47-54>

⁴⁸ Партнерство во имя мира // НАТО.РФ. Режим доступа: https://нато.рф/ru/partnership_for_peace.html Дата обращения: 10.11.2020

шлого века, ссылались на норму международного права, согласно которой при появлении в том или ином регионе новых государств статус и режим пространств общего пользования не могут подвергаться одностороннему пересмотру по воле одной или нескольких сторон. Необходимо учесть и то, что Россия стала прямым правопреемником СССР и, следовательно, участником договоров 1921 и 1940 годов с Ираном. Исходя из этих соображений, позиция России после распада СССР заключалась в том, что Каспийское море являлось закрытым морем. Фактически это означало, что новые независимые государства до заключения нового договора не могли бы осуществлять никакой деятельности на Каспии без согласования с Россией и Ираном, что закрепляло за ними статус ключевых политических игроков в регионе⁴⁹.

Подтверждало эту позицию и то, что правопреемство РФ в отношении Каспийского моря Азербайджан, Казахстан и Туркменистан подтвердили в Алмаатинской декларации от 21 декабря 1991 г. Но в дальнейшем активные действия новых государств (прежде всего Азербайджана) по привлечению иностранных инвесторов, разведке и освоению природных ресурсов, разрушили первоначальные планы РФ по определению правового статуса моря.

Важно отметить, что политика России к середине 90-х годов не была в необходимой степени последовательной и жесткой на каспийском направлении. Данное утверждение доказывает отсутствие каких-либо реальных шагов в ответ на подписание 20 сентября 1994 года Азербайджаном контракта с крупными западными нефтяными компаниями о разработке месторождений на шельфе Каспийского моря. МИД РФ направил Генеральной Ассамблее ООН документ с жестким предупреждением, что «односторонние действия в отношении Каспия являются незаконными и не будут признаваться РФ». Но в итоге заявления России остались лишь словами. В то же время российская компания «ЛУКОЙЛ» стала участником «контракта века».

⁴⁹ Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. М. : Международные отношения, 2003. С.68.

Причиной столь странного шага, вероятнее всего, является либо уступка Азербайджана России в ответ на ее жесткую позицию в отношении секторального разделения, либо попытка России не остаться за бортом крупного нефтяного контракта. В любом случае участие «ЛУКОЙЛа» в проекте стало для азербайджанской стороны неофициальным признанием Россией суверенных прав на республиканский сектор Каспия.

Как бы там ни было, практические шаги Азербайджана в деле освоения ресурсов Каспия кардинальным образом изменили исходную для определения статуса моря ситуацию. Это серьезно повлияло на позицию России. Она была вынуждена корректировать свою политику, чтобы окончательно не упустить возможность влияния на процесс разграничения моря и его ресурсов.

В 1995 году основной позицией российского МИДа было требование о признании ресурсов Каспийского моря объектом совместного использования (кондоминиумом). Согласно этому требованию, все вопросы деятельности на море должны решаться с участием всех прикаспийских государств. Механизмом реализации этой идеи должна была стать региональная организация по сотрудничеству. Кондоминиум предусматривал свободное судоходство, за исключением 10-мильной прибрежной зоны. Кроме того, предполагалось, что будет создана акционерная компания с участием пяти прикаспийских государств, которая бы занималась разведкой и добычей минеральных ресурсов моря. Но данная идея не была востребована у партнеров России (за исключением Ирана), так как главной целью новых государств было стремление к независимости, отстаивание суверенитета, скорейшее обогащение за счет привлечения иностранных инвестиций и начала освоения недр Каспия.

В 1996 году Россия предложила компромиссный вариант о новых принципах определения правового статуса Каспия. Он заключался в том, что Россия готова признать юрисдикцию каждого прикаспийского государства не только в прибрежных зонах шириной до 45 миль, но и в отношении уже разрабатываемых месторождений, не входящих в прибрежные зоны. Кроме того, было предложено

создать организацию регионального сотрудничества на Каспийском море. Но и на этот раз предложения России были проигнорированы Азербайджаном, Казахстаном и Туркменистаном, которые стремились реализовывать свои проекты освоения природных ресурсов⁵⁰.

Одним из первых практических шагов, предпринятых РФ в вопросе раздела Каспия, стало подписание 6 июня 1998 года Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан «О разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование»⁵¹. В данном соглашении использовано понятие «модифицированной срединной линии», которое подразумевает разграничение дна северной части Каспийского моря по равноудаленной от берегов двух стран линии. Кроме того, в рамках этого документа предусмотрено совместное освоение месторождений «Хвалынское», «Центральное» и «Курмангазы». Соглашение де-юре не разделяет Каспийское море на сектора, а лишь разграничивает дно с целью определения прав на недропользование.

Подписав соглашение с Казахстаном, Россия, по сути, признала недействительность всех предыдущих договоров, определявших правовой статус Каспийского моря, и продемонстрировала готовность идти если не на секторальное разделение моря, то, по крайней мере, на признание прав на недропользование государствами в рамках разграниченных зон.

23 сентября 2002 года в Москве между РФ и Республикой Азербайджан было подписано Соглашение о разграничении сопре-

⁵⁰ Верхотуров Д. Как поделят Каспий? // интернет-портал Время Востока. URL: <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/30.html> (дата обращения: 14.05.2007).

⁵¹ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование // Бюллетень международных договоров. № 1, 2004. С. 68–71.; Протокол к Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 года (Вместе с «Каталогом географических координат...») // Бюллетень международных договоров. 2004. № 1. С. 71–77.

дельных участков дна Каспийского моря. Данный документ также подразумевает использование понятия «модифицированной серединной линии», но не регламентирует разделения водной поверхности моря⁵².

14 мая 2003 года в Алма-Ате было подписано Соглашение между РФ, Республикой Азербайджан и Республикой Казахстан о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря⁵³. Ранее, в феврале 2003 года, между Азербайджаном и Казахстаном было подписано Соглашение о разграничении дна Каспийского моря. Таким образом, к маю 2003 года между тремя прибрежными государствами было разделено дно и, соответственно, природные ресурсы, северной части Каспийского моря. Но достигнутые договоренности определяют лишь малую часть необходимых для регламентации сфер, касающихся Каспийского моря.

Россия адаптирует свою стратегию в отношении региона

Параллельно Россия выступила одним из инициаторов запуска пятистороннего переговорного формата по выработке международно-правового статуса Каспийского моря. Была создана Специальная рабочая группа (СРГ) на уровне профильных заместителей министров иностранных дел, которая и стала ключевым инструментом работы над Конвенцией о статусе моря. Всего за 22 года переговоров до момента подписания Конвенции о международно-правовом

⁵² Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря // Бюллетень международных договоров. N 8, 2004. С. 60–62.

⁵³ Соглашение между Российской Федерацией, Азербайджанской Республикой и Республикой Казахстан о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря от 14 мая 2003 года // Портал информационной поддержки инноваций и бизнеса Инновации и предпринимательство. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_86604.html (дата обращения: 14.01.2007).

статусе Каспийского моря 12 августа 2018 года прикаспийские страны провели 51 заседание Специальной рабочей группы на уровне заместителей министров иностранных дел, 10 встреч министров иностранных дел и пять президентских саммита в 2002 году в Ашхабаде, в 2007 году в Тегеране, в 2010 год в Баку, в Астрахани в 2014 году и в Актау в 2018 году.

Каждая из встреч президентов продвигала переговорный процесс. Наиболее значимые договоренности для стратегических интересов России в регионе были достигнуты в Тегеране в 2007 году. По итогам встречи была подписана Декларация, содержащая 25 пунктов⁵⁴, которая признавала Каспий «морем мира», то есть стороны обязались решать все спорные вопросы путем переговоров. Помимо этого, участники переговоров обязались не предоставлять свою территорию третьим странам для любых агрессивных действий в отношении каспийских соседей и размещать военные объекты третьих стран. Таким образом, с военной точки зрения регион Каспийского моря сохранил закрытый статус для внешних игроков.

Финальный документ, ставший итогом 22 лет переговоров, Конвенция о международно-правовом статусе Каспийского моря, была подписанная президентами каспийских стран в Актау 12 августа 2018 года. Конвенция, по сути, представляет собой «Конституцию Каспия», регламентирующую ключевые сферы жизнедеятельности и сотрудничества прибрежных стран. Россия изначально выступала в качестве ключевого сторонника скорейшего завершения переговоров по Конвенции, так как она позволяла с геополитической точки зрения создать юридическую и политическую базу для добрососедства и конструктивного сотрудничества в регионе вопреки попыткам внешних игроков, играя на противоречиях региональных стран, раска-

⁵⁴ Соглашение между Российской Федерацией, Азербайджанской Республикой и Республикой Казахстан о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря от 14 мая 2003 года// Портал информационной поддержки инноваций и бизнеса Инновации и предпринимательство. Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_86604.html
Дата обращения: 10.11.2020.

чать ситуацию. Так, на московской министерской встрече, которая была организована в декабре 2017 года после двухлетнего перерыва в переговорах, глава МИД РФ Сергей Лавров заявил, что стороны завершили согласование основных проблемных вопросов и уже в первой половине 2018 года состоится заключительный саммит, где будет подписана Конвенция о статусе моря⁵⁵. За несколько недель до саммита в казахстанском Актау на сайте правовой информации правительства РФ было опубликовано решение об одобрении российским кабинетом министров проекта Конвенции и что документ был представлен МИД РФ после согласования с Азербайджаном, Ираном, Казахстаном и Туркменистаном⁵⁶. Активные действия российской дипломатии в конечном итоге позволили завершить работу над проектом и добиться подписания Конвенции на саммите в Актау.

Подписание Конвенции стало серьезным успехом российской дипломатии, так как документ максимально отвечает российским интересам на Каспии. Так, акватория моря остается в общем пользовании, за исключением 25 миль прибрежной полосы, остающейся под юрисдикцией прибрежных стран. Это позволяет оставшуюся центральную часть акватории свободно использовать для судоходства, рыболовства и обеспечения безопасности⁵⁷. Второй важный момент, Конвенция включила в себя итоги саммита в Тегеране и подтверждает запрет на размещение в регионе военных объектов третьих стран в регионе, что в целом повышает уровень региональ-

⁵⁵ Итоговая Декларация саммита прикаспийских государств в Тегеране // Вести.Ру, 16.10.2007. Режим доступа: <http://cdnmg.vesti.ru/doc.html?id=143024&tid=49593> Дата обращения: 9.11.2020

⁵⁶ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам Совещания министров иностранных дел прикаспийских государств, Москва, 5 декабря 2017 года // Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2978643 Дата обращения: 7.11.2020.

⁵⁷ Каспийский вектор внешней политики США // Война и мир, 24.02.16. Режим доступа: <https://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/109509/> Дата обращения: 10.11.2020.

ной безопасности и рисков втягивания стран региона в геополитические противостояния⁵⁸.

Еще одним важным успехом РФ стало подписание в рамках подготовки Концепции специального Протокола по оценке воздействия на окружающую среду (ОВОС)⁵⁹. Данный документ создает эффективную нормативно-правовую базу, регламентирующую строительство и реализацию любых трансграничных промышленных, энергетических инфраструктурных проектов, реализация которых может нанести вред экологии моря. При этом Протокол прописывает процедуры согласования и обеспечения максимальной прозрачности любых крупных проектов на море, включая строительство, например, транскаспийских трубопроводных проектов.

На фоне решения правовых вопросов статуса моря и закрытости его для военных третьих стран Россия продолжила системную работу по закреплению своего лидерства в этой сфере в регионе. Каспийская флотилия — на сегодняшний день наиболее боеспособная и лучшая по оснащению современным оружием, ее флагманом является современный сторожевой корабль проекта 11661 «Гепард» — «Татарстан», вошедший в состав флота в 2002 году, а также малый артиллеристский корабль «Астрахань». Несмотря на свою сравнительную ограниченную численность и мощности в системе российской ВМФ, Каспийская флотилия за счет ударов ракетами «Калибр» в октябре 2015 года показала, что ее возможности и сфера ответственности не ограничивается Каспийским регионом. Заметным усилением возможностей и оперативности флотилии можно считать перевод мета

⁵⁸ ПОСТАНОВЛЕНИЕ Правительства РФ от 21.06.2018 № 714 «О ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ПОДПИСАНИИ КОНВЕНЦИИ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ». Режим доступа: https://government.consultant.ru/documents/3726319?item_s=1&page=1 Дата обращения: 10.11.2020.

⁵⁹ Караваев А. Правовой статус Каспия и проблема КАСФОР // Агентство политических новостей — Казахстан. URL: <http://www.apn.kz/publications/article270.htm> Дата обращения: 11.11.2020.

базирования флотилии из Астрахани в Каспийск (Дагестан) с усилением наземной инфраструктуры⁶⁰.

Сфера транспортировки энергоресурсов из Каспийского региона также изначально представлялась как наиболее проигрышная для России после распада СССР. Москва потеряла статус монопольного транзитера нефти и газа из региона, что снизило политическое влияние, а также заметным образом сократило поступления в бюджет от транспортировки энергоресурсов из региона. Вместе с тем, благодаря реализации ряда проектов, ориентированных на новые месторождения на Каспии России, удалось сохранить статус одного из ключевых транзитеров в регионе. Крупнейшим трубопроводным проектом, построенным после распада СССР, стал маршрут Тенгиз-Новороссийск, реализованный Каспийским трубопроводным консорциумом (КТК). Данный транспортный коридор имеет кратчайшую длину и оптимальное с точки зрения политической стабильности направление (через Астраханскую область, Калмыкию и Краснодарский край)⁶¹. Протяженность данного маршрута составила 1580 км. Мощность первой очереди — 28 млн. тонн в год, в последствии пропускная способность маршрута была доведена до 67 млн. тонн в год. Первый танкер с нефтью с черноморского нефтеналивного терминала отчалил в октябре 2001 года. Проект КТК с расширенной мощностью, несмотря на наличие альтернативного маршрута через Азербайджан Баку-Тбилиси-Джейхан, является важнейшим направлением для экспорта нефти с казахстанского месторождения Тенгиз, а в перспективе станет главным направлением для крупнейшего на Каспии месторождения Кашаган.

Анализ результатов российской внешней политики на отдельно взятом каспийском региональном направлении дает основания утвер-

⁶⁰ Протокол по оценке воздействия на окружающую среду// Официальный сайт Тегеранской конвенции. Режим доступа: www.tehranconvention.org/IMG/doc/4_Rev.1_Note_on_EIA_Protocol_ru.doc Дата обращения: 12.11.2020.

⁶¹ Каспийский вектор внешней политики США// Война и мир, 24.02.16. Режим доступа: <https://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/109509/> Дата обращения: 10.11.2020

ждать, что несмотря на изначально не самые благоприятные стартовые условия для борьбы в регионе с геополитическими конкурентами, России удалось достаточно успешно защитить свои стратегические интересы на Каспии. Во многом это было достигнуто благодаря правильно выбранным приоритетам. Упор был сделан на формирование общих подходов к урегулированию вопросов международно-правового статуса, создания единой системы безопасности, ответственной в отношении друг другу экологической политике.

Россия вынуждена была исходить из складывающихся условий и искать сильные стороны в новых условиях. Москва, используя заинтересованность Казахстана и Азербайджана в юридическом закреплении их прав на ресурсы прилегающих секторов, чтобы решить территориальные вопросы на севере моря, первая к 2003 году закрыла пограничные вопросы на Каспии. Перейдя к более гибкой системе строительства нефтепроводов, Россия в условиях финансовых сложностей за счет привлечения иностранных инвесторов построила крупнейший нефтепровод Тенгиз–Новороссийск, который стал главным противовесом Баку–Тбилиси–Джейхан. Благодаря активной внешнеэкономической политике Москве удалось на двустороннем и многостороннем форматах установить прагматичные отношения со всеми каспийскими соседями, тем самым создать базу для долгосрочного влияния в регионе. Наконец, благодаря системной работе по формированию международно-правового статуса России в тесной кооперации с остальными странами региона удалось согласовать и принять Конвенцию о статусе моря, которая станет долгосрочным фундаментом добрососедских отношений в регионе.

Список литературы

1. Юзефович Т.П. Договоры России в Востоком. Политические и торговые. СПб.: Типография О.И. Бакста, 1869. 296 с
2. Алиев С.М. История Ирана XX век. М.: Институт востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С.129.

3. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2003. С.398.
4. Бутаев А. М. Каспий: зачем он Западу? Режим доступа: <http://www.caspiy.net/dir3/west/index.html> Дата обращения: 20.07.2020.
5. Грищенко Н. Операция «Согласие»: как СССР и Великобритания заняли Иран в 1941 году // «Российская газета», 25.08.2020. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/08/25/operaciia-soglasie-kak-sssr-i-velikobritaniia-zaniali-iran-v-1941-godu.html> Дата обращения: 20.10.2020.
6. Гусейнов В. Каспийская нефть: экономика и геополитика». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С.69.
7. Конституция Азербайджанской Республики // Официальный сайт Президента АР Ильхама Алиева. Режим доступа: <http://www.president.az/azerbaijan/constitution?locale=ru> Дата обращения: 12.11.2020.
8. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. С.166.
9. Нефтепровод Баку–Тбилиси– Джейхан им. Гейдара Алиева. Справка // РИА Новости 17.04.2009. Режим доступа: <https://ria.ru/20090417/168381928.html> Дата обращения: 10.11.2020.
10. Южно Кавказский газопровод (ЮКТ), БакуТбилиси Эрзурум// Нефтегаз.Ру 15.06.2014. Режим доступа: <https://neftegaz.ru/tech-library/trans> Дата обращения: 10.11.2020.
11. Чумаков Д. Перспективы Транскаспийского газопровода. Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 8, сс. 47_54. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-47-54>.
12. Партнерство во имя мира// НАТО.РФ. Режим доступа: https://nato.ru/partnership_for_peace.html Дата обращения: 10.11.2020.
13. Каспийский вектор внешней политики США// Война и мир, 24.02.16. Режим доступа: <https://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/109509/> Дата обращения: 10.11.2020.
14. Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. М. : Международные отношения, 2003. С.68.

15. Верхотуров Д. Как поделят Каспий? // интернет-портал Время Востока. Режим доступа: <http://www.easttime.ru/reganalitic/1/30.html> Дата обращения: 10.11.2020.
16. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование // Бюллетень международных договоров. N 1, 2004. С. 68–71.; Протокол к Соглашению между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 года (Вместе с «Каталогом географических координат...») // Бюллетень международных договоров. 2004. N 1. С. 71 - 77.
17. Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря // Бюллетень международных договоров. № 8, 2004. С. 60 — 62.
18. Соглашение между Российской Федерацией, Азербайджанской Республикой и Республикой Казахстан о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря от 14 мая 2003 года// Портал информационной поддержки инноваций и бизнеса Инновации и предпринимательство. Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_86604.html Дата обращения: 10.11.2020.
19. Итоговая Декларация саммита прикаспийских государств в Тегеране// Вести.Ру, 16.10.2007. Режим доступа: <http://cdnmg.vesti.ru/doc.html?id=143024&tid=49593> Дата обращения: 9.11.2020.
20. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам Совещания министров иностранных дел прикаспийских государств, Москва, 5 декабря 2017 года // Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2978643 Дата обращения: 7.11.2020.

21. ПОСТАНОВЛЕНИЕ Правительства РФ от 21.06.2018 № 714 «О ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ПОДПИСАНИИ КОНВЕНЦИИ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ КАСПИЙСКОГО МОРЯ». Режим доступа: <https://government.consultant.ru/documents/3726319?items=1&page=1> Дата обращения: 10.11.2020.
22. Караваяев А. Правовой статус Каспия и проблема КАСФОР // Агентство политических новостей — Казахстан. URL: <http://www.apn.kz/publications/article270.htm> Дата обращения: 11.11.2020.
23. Протокол по оценке воздействия на окружающую среду// Официальный сайт Тегеранской конвенции. Режим доступа: www.tehranconvention.org/IMG/doc/4_Rev.1_Note_on_EIA_Protocol_ru.doc Дата обращения: 12.11.2020.
24. Зақвасин А. Из Астрахани в Дагестан: почему Каспийская флотилия меняет прописку// RT.ru 2.04.18. Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/article/499196-kaspiiskaya-flotiliya-bazadagestan> Дата обращения: 10.11.2020.

ГЛАВА 2.

Старые и новые практики урегулирования конфликтов России и ЕС на постсоветском пространстве

§ 2.1. ПРОБЛЕМЫ ПРИДНЕСТРОВСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ: РОЛЬ РОССИИ И ЕС

Шевчук Нина Викторовна

С момента провозглашения независимости Приднестровья прошло три десятилетия, но непризнанная республика так и не обрела международного признания.

За годы урегулирования расширился формат переговорного процесса по нормализации взаимоотношений между Приднестровьем и Республикой Молдова. В его состав, помимо сторон конфликта — Приднестровья и Республики Молдова, включены страны-гаранты — Россия и Украина, посредник — ОБСЕ, а с 2005 года со статусом наблюдателей — ЕС и США.

Широкая интернационализация переговорного процесса не сделала переговоры эффективней. «Замороженный» молдавско-приднестровский конфликт не урегулирован, несмотря на множество планов, предложенных на разных этапах как сторонами конфликта, так и посредниками, хотя предлагались инициативы и о построении асимметричной федерации, и о создании широкой автономии, и об ассоциированном членстве в союзе государств.⁶² Свод достиг-

⁶² Об образовании Молдавской Конфедерации: Постановление Верховного Совета ПМР от 6 января 1993 года № 276 // Сборник актов законодательства ПМР. — 1993. — №1. — С.12.; Договор о разграничении полномочий между субъектами конфедерации. Приложение к Постановлению Верховного Совета ПМР от 6 января 1993 года № 276 // Там же; О некоторых принципах механизма разработки

нутых в ходе переговорного процесса при участии стран-гарантов, посредников и наблюдателей двусторонних договоренностей на сегодняшний день не только не систематизирован и не представляет собой некую единую переговорную основу, но и нарушен в одностороннем порядке Молдовой по подавляющему числу положений, будучи не подкрепленным действенной системой гарантий. Данное обстоятельство существенно снижает статус участников переговорного формата в глазах конфликтующих сторон.

В условиях длительной неурегулированности конфликта и малой эффективности переговоров основной величиной в отношениях сторон стала неопределенность. Последняя, как известно, возникая в международных отношениях, ведет к потере взаимного доверия и заставляет всех готовиться к худшему варианту развития событий⁶³. В атмосфере недоверия и отсутствия веры в возможный прогресс мирного процесса стороны продолжают политику конфронтации, а значит повышается враждебность, и конфликт обрастает новыми проблемами и противоречиями, не лежавшими в его основе изначально.

и утверждения проекта Конституции Федеративного Государства, образуемого Приднестровской Молдавской Республикой и Республикой Молдова на договорной основе: Постановление Верховного Совета ПМР №1029 от 09 апреля 2003 года // Сборник актов законодательства ПМР. — 2003. — №17. — С.24; Об основных положениях особого правового статуса населенных пунктов Левобережья Днестра: Закон РМ от 22 июля 2005 года // [Электронный ресурс] официальный сайт Парламента РМ www.parlament.md; Декларация об основах государственно-правовых отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем. —2002 // [Электронный ресурс] официальный сайт МИД ПМР www.mfa-pmr.org; Проект Киевского плана о федерации 2002 года // [Электронный ресурс] официальный сайт МИД ПМР www.mfa-pmr.org; Шевчук Е.В. Ответы на вопросы в ходе пресс-конференции в ВС ПМР, 14 июля, 2006г./ Е.В.Шевчук // [Электронный ресурс] www.obnovlenie.info

⁶³ Алексеева, Т.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ : учебное пособие / Т.А. Алексеева, А.А. Казанцев. — Москва : Аспект Пресс, 2012. С.157& — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=104334> (дата обращения: 18.03.2021). . — М., 2005. — № 4(25) — С.99.

Немаловажным фактором для процесса урегулирования является и изменение отношений между посредниками — Россией и Украиной. Справедливыми представляются мнения о том, что после событий 2014 года Приднестровье стало одной из главных, хотя и забытых, жертв растущей конкуренции между Россией и Западом⁶⁴, а сама логика молдавско-приднестровского конфликта теперь реконфигурировалась, превратив его в один из элементов геополитического противостояния России и Запада⁶⁵. При этом очевидно, что и на Украине, и далеко за ее пределами Приднестровье стало рассматриваться как угроза национальной безопасности Украины и как плацдарм для российского вторжения на юг Украины.⁶⁶

Таким образом, в рамках переговорного процесса в Приднестровье сталкиваются и взаимодействуют интересы государств, отношения которых друг с другом порой обременены немалым грузом реальных и потенциальных разногласий, тем более с учетом наметившихся изменений в румыно-украинских и украино-молдавских отношениях.

⁶⁴ Igor Istomin & Irina Bolgova (2016) Transnistrian strategy in the context of Russian–Ukrainian relations: the rise and failure of ‘dual alignment’, *Southeast European and Black Sea Studies*, 16:1, 169-194, DOI: 10.1080/14683857.2016.1148412

⁶⁵ Andrei A. Kazantsev, Peter Rutland, Svetlana M. Medvedeva & Ivan A. Safranchuk (2020) Russia’s policy in the “frozen conflicts” of the post-Soviet space: from ethno-politics to geopolitics, *Caucasus Survey*, 8:2, 142-162, DOI: 10.1080/23761199.2020.1728499; John Beyer & Stefan Wolff (2016) Linkage and leverage effects on Moldova’s Transnistria problem, *East European Politics*, 32:3, 335-354, DOI: 10.1080/21599165.2015.1124092

⁶⁶ Brown, Stephen. 2014. “EU must ensure Moldova isn’t the next Crimea, Juncker says.” *Reuters* (March 22), at www.reuters.com/article/us-ukraine-crisis-moldova-idUSBREA2L0JN20140322, accessed August 18, 2016; Buckley, Neil, and Christian Oliver. 2014. “Moldova warns against Russia grab for Trans Dnestr.” *Financial Times* (March 18), at www.ft.com/cms/s/0/e4b57648-aec2-11e3-aaa6-00144feab7de.html, accessed August 18, 2016; Rogstad, Adrian. 2012. “Imperialistisk plan eller post-imperialistisk refleks? Russlands Transnistriapolitikk revurdert” (Imperialist plan or post-imperialist reflex? Re-assessing Russia’s Transnistria policy); Wilson, Andrew. 2014. *Ukraine Crisis: What it Means for the West*. New Haven: Yale University Press. *Nordisk Østforum* 26, no. 1: 31–52.

На этом фоне все чаще в последние годы звучат предложения о смене формата миротворческой операции, осуществляемой в настоящее время в данном регионе силами российских миротворцев.⁶⁷ Справедливыми представляются оценки исследователей, связывающих такие инициативы с попыткой нивелирования роли Российской Федерации в процессе молдо-приднестровского урегулирования⁶⁸ путем консолидации усилий Молдовы и Украины, ориентированных на евроинтеграцию, с одной стороны, Румынии, принятой в 2007 году в ЕС, и США — с другой стороны.⁶⁹

Истоки конфликта: территориальный и этнический факторы

Многие исследования об истории возникновения конфликта в Приднестровье выстраиваются вокруг этнической компоненты как причины сопротивления русских строительству молодого национального молдавского государства и исходят из представлений о «руке Москвы», вбившей клин между конфликтующими сторонами. При этом написано критически мало работ о внутреннем измерении этого конфликта. Анализ исторических и правовых аргументов, к которым неустанно апеллирует Приднестровье, теперь совсем отодвинут на задний план. Но, как справедливо отмечает Н. Арбатова в своей

⁶⁷ Трехсторонний план разрешения приднестровского вопроса. Аналитический документ. — Бухарест-Кишинев-Киев, Фонд Карнеги за международный мир, 2006. С. 40.

⁶⁸ В дипломатических документах встречается также термин «процесс урегулирования отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем». В документах государственных органов Российской Федерации и Приднестровской Молдавской Республики, а также в научной и публицистической литературе термин «процесс молдо-приднестровского урегулирования» получил наибольшее распространение. Для целей настоящего исследования будут употребляться оба указанных термина.

⁶⁹ Колосов В. Приднестровский конфликт и Россия. — Ростов-на-Дону: Издательство Южно-федерального университета, 2007, с.19; Мельниченко В. Зачем нам другие? // Газета «Приднестровье», 2007, № 220, С. 2.

работе, посвященной различным измерениям конфликтов на постсоветском пространстве, внутреннее измерение замороженных конфликтов тесно переплетено с их истоками⁷⁰. Сложно не согласиться с тем, что внешние игроки не могли бы вбивать клинья между сторонами, вовлеченными в эти конфликты, если бы для раздора между ними не было оснований⁷¹.

В сконцентрированном виде в приднестровском конфликте присутствуют практически все черты, свойственные другим конфликтам на территории бывшего СССР⁷², но ключевыми здесь стали социальные и идеологические факторы. Важнейшую роль с самого начала играли идентичностный и исторический элементы.

Что касается территориального аспекта, то традиционно в современных исследованиях Приднестровье описывается как территория, отколовшаяся от бывшей советской Молдавии, исходя из чего конфликт относят к сепаратистским. Такой подход представляется ошибочным по целому ряду причин и прежде всего потому, что Приднестровье, преимущественно расположенное на левом берегу реки Днестр, никогда не входило в состав Молдавского государства. Формирование этнотерриториальной группы «молдаване» на этой земле началось в 16-м веке в результате миграции молдаван из-за Днестра и Прута. Они стали проживать на этой, не исконной для них территории компактными группами, долгое время не составляя большинства населения. Молдаван нельзя отнести к таким устойчивым в современной науке категориям, как «народы на своей родной земле» (home-land peoples)⁷³ или «национальные народы»

⁷⁰ Арбатова Н. К. Три измерения постсоветских «замороженных» конфликтов / Н. К. Арбатова // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63, № 5. — С. 88–100.

⁷¹ Там же.

⁷² Штански Н.В. Особенности урегулирования «конфликтов идентичности»: казус Приднестровья. // Международные процессы. — 2014. — № 1–2.

⁷³ Esman M.J. International Organizations and Ethnic Conflict. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994.

(national peoples)⁷⁴, в том числе потому, что эта пограничная территория всегда была контактной зоной, где смешивались, ассимилировались многие племена и этносы. В результате ни один из проживающих на территории Приднестровья народов не может считать эту землю своей «исконной территорией», а себя — ее «хозяином»⁷⁵.

Когда в 1940 году вследствие подписания Пакта Молотова-Риббентропа, разделившего Румынию и часть других государств на различные сферы влияния, часть Румынии (Бессарабия) была передана СССР и в 1940 году присоединена к Приднестровью (МАССР), этому полиэтничному краю были отведены важные роли. Неконфликтное Приднестровье должно была сыграть роль магнита для Бессарабии, с одной стороны,⁷⁶ и роль ядра в построении титульной молдавской государственной единицы в составе СССР — с другой⁷⁷. В такой конфигурации создание МССР решало важную задачу. Молдаване должны были не только стать одной из социалистических советских наций, легитимизируя таким образом отрыв Молдавии от Румынии, но и нацией, как можно более отличной от румынской и как можно менее ощущающей свою близость к румынам (и наоборот, как можно более ощущающей свою близость с русскими)⁷⁸.

⁷⁴ Gurr T.R. *Minorities at Risk: Global View of Ethnolitical Conflicts*. Washington, DC: USIP Press, 2003.

⁷⁵ Бабилунга Н.В. Берил С.И., Бомешко Б.Г., Галинский И.Н., Губогло Е.М., Окушко В.Р., Шорников П.М. Феномен Приднестровья. — Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. С.11.

⁷⁶ Бомешко Б.Г. Первая государственность в Приднестровье // Феномен Приднестровья. Тирасполь. 2000. С.51.

⁷⁷ Колосов В. Приднестровский конфликт: сражение идентичностей. Урегулирование будет долгим и трудным / В.Колосов, Д.Заяц // Официальный сайт «Независимой газеты»: http://cis.ng.ru/opinions/2000-11-29/5_konflikt.html (05.11.19)

⁷⁸ Фурман Д. Е., Багог К. Молдова: молдаване или румыны? // Современная Европа. 2007. №3 (31). [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/moldova-moldavane-ili-rumyny> (дата обращения: 11.08.2020).

Почти не упоминается в статьях о проблемах молдавско-приднестровских отношений то, что для бывшей советской Молдавии, называемой сегодня Приднестровье сепаратистской территорией, именно Приднестровье является материнской территорией, к которой сегодняшняя современная Молдова была присоединена. За редким исключением⁷⁹ не упоминается и то, что территория Приднестровья никогда до послевоенного периода не входила в Молдавское государство, а границы Молдавского княжества никогда не включали земли на левом берегу реки Днестр.

Фактом, пусть и непопулярным, остается то, что, в угоду интересам советского «центра» и в рамках широко применявшейся тогда практики произвольных территориальных изменений, территория современной Молдовы присоединялась к Приднестровью, а не наоборот. Еще тогда была заложена территориальная предпосылка конфликта, ставшая «миной замедленного действия» для кризиса, разразившегося на осколках распадавшегося Советского Союза.

Существует немало заблуждений и об этническом компоненте этого приднестровского конфликта. Нередко в исследованиях, основанных на социологическом подходе, встречается отнесение приднестровской проблемы к межэтническим конфликтам. В действительности, состав населения Приднестровья всегда был полиэтничным, что связано с порубежным экономико-географическим положением, длительной принадлежностью края Российской империи, расположением здесь крупных промышленных объектов всесоюзного значения и значитель-

⁷⁹ Девятков А.В. Политика России в отношении Приднестровской Молдавской Республики: 1992–2009 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Нижний Новгород, 2010; Харитоновна Н.И. Международно-политическое измерение приднестровского конфликта: стратегические подходы к урегулированию. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва, 2019; Штански Н.В. Становление «новой» постсоветской идентичности в ... на примере Приднестровья // Безопасность Евразии. 2008. № 2; Штански Н.В. Особенности урегулирования «конфликтов идентичности»: казус Приднестровья. // Международные процессы. — 2014. — № 1–2.

ной иммиграцией советских военнослужащих, в связи с дислокацией на территории Приднестровья 14-й армии⁸⁰.

К моменту начала дезинтеграционных процессов в конце восьмидесятых Приднестровье было аграрно-промышленным центром Молдавии. Здесь располагались предприятия, больше связанные с Москвой и Киевом, чем с Кишиневом. Этим можно объяснить тот факт, что местная элита в основном состояла из русских и украинцев, причем чаще всего не уроженцев Приднестровья, а переехавших сюда из других республик.

Заблуждения, связанные с этнической составляющей этого конфликта, проще всего объяснить путаницей с понятиями «русские» и «русскоязычные», которая иногда возникает у исследователей. Русскоязычность населения Приднестровья легко объяснить традиционной полиэтничностью этой территории, где в семьях, созданных, например, местными украинцами, болгарами и молдаванами, русский (а не молдавский или украинский) становился языком межнационального общения. Важно понимать, что русские как этнос никогда не были здесь большинством. Равно как и молдаване никогда не являлись в Приднестровье меньшинством, ведь согласно переписи 1989 года доля молдаван в Приднестровье составляла 39,9%, а русских — 30,5%. Однако, поскольку украинцы составляли третью по численности крупную диаспору — 28,3%, около 60% населения были не молдаванами. Такая пропорция в совокупности с всесоюзной ориентацией местного промышленного комплекса и делала этот полиэтничный регион русскоязычным.

Поэтому, когда мы говорим об этнической составляющей конфликта в Приднестровье, акцент смещается с проблемы русских как этнического меньшинства в масштабах советской Молдавии в сторону проблемы русского языка как средства общения приднестровского большинства, включающего и приднестровских молдаван. Именно языковой и связанный с ним идентичностный фактор имели ключевое значение для динамики конфликта в Приднестровье.

⁸⁰ Бурла М.П. Население Приднестровской Молдавской Республики: научно-справочное пособие / М.П. Бурла. Тирасполь. 2009. С.3.

Конфликт идентичности

Сложно анализировать конфликт в Приднестровье без учета фактора идентичности. С конца восемнадцатого века на территории Приднестровья не велось войн. За это время сформировалась уникальная полиэтничная социокультурная общность — приднестровцы, основу которой, по мнению приднестровских историков, составляло славянство⁸¹.

Вызовом для такой идентичности стала политическая ситуация, сложившаяся в Молдавии в связи с кризисом СССР и запущенным им процессом самоопределения бывших советских республик. То, что молдавская культурная элита выступила с идеями приоритета «интересов основной нации», в тех условиях было предсказуемо. Но для распространения таких идей были подключены специфические инструменты, начиная с пропаганды превосходства титульной нации в сочетании с идеями патриотизма, заканчивая призывами к этнической мести и национального реванша за голод 1946–1947 годов, сталинскую коллективизацию, высылку части населения в 1949. Это создало благоприятную почву для активного продвижения радикальных идей этнического превосходства румын⁸², изгнания немолдаван, запрета на официальное использование русского языка и восстановления «исторической справедливости» — воссоединения с Румынией.

Уже в августе 1989 года молдавский парламент принял законы о языке, провозгласив румынский язык государственным. Как угрозу на левом берегу Днестра восприняли положения этого закона,

⁸¹ Бабилунга Н.В. Берил С.И., Бомешко Б.Г., Галинский И.Н., Губогло Е.М., Окушко В.Р., Шорников П.М. Феномен Приднестровья. — Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. С.11.

⁸² Ожиганов Э.Н. Приднестровская Молдавская Республика: до и после референдума 17 сентября 2006 года // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. — 2006. — № 20 (308). [Электронный ресурс]: официальный сайт Совета Федерации Российской Федерации: — Режим доступа: http://www.council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/268/index.html (дата обращения 28.04.2019)

устанавливавшие не только переход языка с кириллицы на латинскую графику, но и требование использовать его «во всех сферах жизнедеятельности», а также учреждение института обязательной аттестации работающих граждан на предмет владения «государственным языком». Так «языковой вопрос» стал триггером процесса гражданского и этнического размежевания молдавского общества.

Конструированию новой для молдаван «румынской идентичности» были подчинены важные государственные решения: принятие в качестве государственного флага триколора, идентичного румынскому, учреждение в качестве государственного румынского гимна и официальные заявления руководства страны о том, что государственность Молдавии — «явление сугубо временное, на переходный период», за которым наступит единение с Румынией.

В основу разлома молдавского общества был положен отказ от концепции формирования национальной государственности на основе идеологии молдовенизма, а действия властей означали дрейф на уровне идентичности в сторону румынского образования, культуры, заимствования других категорий ценностного ряда. Для обоснования преимущества для представителей титульной национальности в продвижении по службе, в доступе к престижным должностям и высокооплачиваемым рабочим местам были необходимы исторические и этногенетические аргументы, которыми стали свидетельства принадлежности молдаван к крупной европейской этнической группе — румынской нации⁸³. Это, в свою очередь, усиливало политический ресурс прогрессирующей румынизации, с одной стороны, и служило мобилизационным и протестным фактором в руках приднестровских элит — с другой. Последние, выступая от лица полиэтничной общности, в своем сопротивлении идеям румынизации не могли противопоставить этнический фактор.

⁸³ Колосов В. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта / В.Колосов, Д. Заяц // Вестник Евразии. — 2001. — № 1.

Объединяющей ценностью здесь стала «советскость» как сохранение такого состояния, при котором ни одна из этнических групп не была ущемлена, и никому не угрожала перспектива стать меньшинством в чужом государстве — Румынии. Признаки «советскости» в Приднестровье отмечены многими исследователями⁸⁴. «Советскость» и ориентация на исторические аргументы легла в основу конструкции для такой новой многонациональной приднестровской идентичности, которая не требовала изобретения национальной идеи и исключала угрозы межэтнического разобщения между тремя крупными диаспорами Приднестровья — молдаванами, русскими и украинцами. В то же время в Молдове колебания между румынской и молдавской идеологиями не только не уменьшались, но и усложнялись идеей «европеизации»⁸⁵. Страхи румынизации все более усиливали ностальгию приднестровцев по советским временам, что привлекало большее число сторонников в ряды движения

⁸⁴ Колосов В. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта / В. Колосов, Д. Заяц // Вестник Евразии. — 2001. — №1; Колосов В. А. СССР, Российская Федерация и приднестровский конфликт. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2007; Перепелица Г.Н. Конфликт в Приднестровье: причины, проблемы, прогноз развития / Г.Н. Перепелица [Электронный ресурс]: официальный сайт национального института стратегических исследований Украины. Киев. — 2001. С. 12. — Режим доступа: <http://old.niss.gov.ua/book/Perer/index.htm> (дата обращения 28.04.2019); Харитоновна Н.И. Международно-политическое измерение приднестровского конфликта: стратегические подходы к урегулированию. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва, 2019; Шевчук Н. В. Приднестровье и Молдова: европеизация урегулирования // Проблемы стран постсоветского пространства, Центральной и Юго-Восточной Европы: сборник научных статей. Вып. 2. — Воронеж: ИД ВГУ, 2018.

⁸⁵ Грек И. Европейский вектор / И. Грек // Независимая Молдова. — 2002. — 18 декабря. [Электронный ресурс]: официальный сайт газеты «Независимая Молдова». — Режим доступа: <http://www.nm.md/daily/article/2002/12/18/0101.html> (дата обращения 28.04.2019).

сначала за приднестровскую автономию, а после за независимость Приднестровья. Очевидно то, что построение приднестровской государственности стало ответом на десоветизацию и румынизацию Молдавии.

Приднестровцы сегодня идентифицируют себя одновременно и как российские соотечественники, и как граждане Приднестровья или приднестровский народ, и как представители разных национальностей. Сегодня, при всей разности подходов к определению типа конфликта, существует относительное единство во мнениях исследователей о том, что факторы идентичности и группового статуса являются фундаментальными, что отказ в признании и дискриминация вызывают неизбежный и непреодолимый протест и что такие конфликты являются особенно трудными для переговоров и компромисса⁸⁶.

На момент возникновения приднестровского конфликта основными его сторонами являлись этнонациональный режим образовавшегося после распада СССР национального государства Республика Молдова с преобладанием титульного этноса — молдаван, и приднестровский регион бывшей МССР со сложным этническим составом. Таким образом, получил развитие конфликт молдавской (этнической) идентичности (с учетом ее кризиса в связи с процессами румынизации и формированием румынской идентичности у большей части населения Молдавии⁸⁷), с одной стороны, и советской (т. е. надэтнической) идентичности полиэтничного населения Приднестровья, с другой.

Данный «конфликт идентичности» существенно отличается от иных подобных конфликтов на постсоветском пространстве, в ко-

⁸⁶ Тишков В. Конфликт в сложных обществах. Введение к русскому изданию / Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергховского центра / пер. с англ. яз.; ред. В. Тишков, М. Устинова. — М.: Наука, 2007. — С.15.

⁸⁷ Колосов В. А. СССР, Российская Федерация и приднестровский конфликт. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2007.

торых, как, например, в грузино-абхазском, произошло столкновение двух и более этнических идентичностей.

Без адекватного анализа предпосылок возникновения конфликта сложно корректно его классифицировать. В свою очередь, правильная типологизация конфликта важна для выработки инструментария его урегулирования.

Конечно, существует необходимость учета всех элементов конфликта — как имевшихся в основе, так и возникших в ходе его урегулирования, ведь идентичность приднестровцев продолжала конструироваться на протяжении всех лет существования непризнанной республики. Непризнанность теперь тоже стала важным элементом этой идентичности. Приднестровский конфликт является этнополитическим, относимым к категории «конфликта идентичности», порожденным в результате правовой неурегулированности выхода бывших советских республик из СССР, угрозой румынизации Молдовы, стремлением населения Приднестровья, объединенного общей системой ценностей, к самоопределению в форме создания независимого государственного образования. Игнорирование и тем более отрицание значения идентичности в этом конфликте, как и исключение из дискурса исторических реалий, связанных с территориальными аспектами, вряд ли приблизит исследователей, дипломатов и политиков к выработке стратегических моделей эффективного урегулирования этого застарелого конфликта.

Фундамент переговорного процесса

За годы процесса урегулирования сторонами конфликта при участии посредников и гарантов было заключено значительное количество соглашений, ни одно из которых не подкреплено действенной системой гарантийных механизмов. Результатом такого положения стало закрепление инструментального подхода к переговорам, который описывал в своих работах М. А. Хрусталева⁸⁸. Уже к 2006 году отношения

⁸⁸ Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: МГИМО-НОФМО. С. 32.

фактически деградировали до уровня квазипереговоров с использованием имитационной стратегии, а затем и вовсе были «заморожены» практически до 2012 года, когда после перезапуска переговорного процесса стороны избрали тактику «малых шагов», с разной степенью интенсивности реализуемую по сей день. За это время произошла статусная стратификация переговоров, которые, начавшись на высшем политическом уровне, были переведены на дипломатический уровень Постоянного совещания и, по большому счету, сошли до экспертного уровня (совместных рабочих групп по предметным областям в рамках мер по укреплению доверия), представ, таким образом, в виде классической трехзвенной переговорной иерархии⁸⁹, но с асимметричным преобладанием нижних уровней.

Для адекватного анализа переговорного процесса представляется необходимым определить, какие основы закладывались в фундамент мирного процесса в период его становления.

Начало процесса по урегулированию конфликта в Приднестровье было положено 21 июля 1992 года, когда президент Российской Федерации Б. Ельцин и президент Республики Молдова М. Снегур в присутствии президента Приднестровской Молдавской Республики И. Смирнова подписали Соглашение «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова». В соответствии с данным Соглашением были созданы совместные трехсторонние миротворческие силы, а также Объединенная контрольная комиссия (ОКК), учреждена Зона безопасности вдоль административной границы Приднестровья и Молдовы по обе стороны Днестра. ОКК была сформирована из представителей России, Приднестровья и Молдовы. Ей в подчинение передавались воинские контингенты трех сторон для обеспечения режима прекращения огня и безопасности в регионе (от России шесть батальонов, от каждой из сторон конфликта — по три).⁹⁰ В Соглашении 1992 года

⁸⁹ Там же. С. 31

⁹⁰ Майоров М.В. Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве / М.В. Майоров. — М.: Международные отношения. — 2007. С. 81

также впервые были определены принципы урегулирования конфликта, обязывающие стороны не применять вооруженное насилие. В документе упоминались «обе стороны» конфликта, а также «три стороны, участвующие в урегулировании».

Заключение Соглашения 1992 года, без сомнения, являлось событием высокой исторической значимости. Оно юридически установило окончание войны, положило начало миротворческой миссии на берегах Днестра и создало условия для переговорного процесса, а также впервые зафиксировало международное измерение урегулирования конфликта в Приднестровье. Так впервые был установлен трехсторонний формат урегулирования: две стороны конфликта и Россия.

Несколько лет понадобилось сторонам конфликта, чтобы приступить к прямым переговорам. 28 апреля 1994 года было принято совместное заявление лидеров конфликтующих сторон — Молдовы и Приднестровья, согласовавших базовые параметры переговорного процесса.

Тогда стороны договорились безотлагательно и без предварительных условий начать переговорный процесс по всему комплексу вопросов, представляющих взаимный интерес, а также устранить все барьеры, препятствующие нормальному осуществлению хозяйственно-экономических и социально-культурных связей и наладить взаимовыгодные связи в экономической, торговой, кредитно-финансовой и других сферах.

Заявлением зафиксировано и согласие сторон создать систему взаимных и международных гарантий по полному и безусловному выполнению достигнутых договорённостей.

В том же году 21 октября в развитие договоренности о начале переговоров был подписан ряд документов о способах и сроках вывода российских войск, обеспечивающих проведение миротворческой операции на Днестре. Стороны согласовали синхронизацию вывода российских войск с политическим урегулированием конфликта, которое, по мнению разработчиков и подписантов могло быть достигнуто в трехлетний срок, названный ими переходным. Принцип такой

синхронизации в своих документах зафиксировала и ОБСЕ, с самого начала игравшая в урегулировании активную посредническую роль.

Первым практическим результатом переговоров можно считать подписанное 5 июля 1995 года на высшем уровне Соглашение «О поддержании мира и гарантиях безопасности между Республикой Молдова и Приднестровьем», которым стороны приняли на себя обязательство не применять во взаимных отношениях военную силу и не оказывать политическое, экономическое или иные формы давления друг на друга. Тогда же стороны конфликта обратились к России, Украине и ОБСЕ с просьбой быть гарантами соблюдения договоренностей. Так началось украинское посредничество в процессе урегулирования конфликта в Приднестровье, а сам переговорный формат расширился до пятистороннего.

При активном посредничестве России, Украины и ОБСЕ стороны искали формулы будущего политического урегулирования и накапливали переговорный потенциал. Но в 2001 году на фоне разгоревшегося в регионе конфликта таможенного кризиса, когда Молдова в одностороннем порядке предприняла меры по ограничению внешнеэкономической деятельности приднестровских предприятий, переговоры были прекращены. Гарантам и посредникам пришлось в сжатые сроки создавать новый формат — вспомогательный переговорный механизм, который позволил бы сохранить диалог между конфликтующими сторонами на уровне политических представителей сторон. С этой целью и было инициировано создание «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках процесса по приднестровскому урегулированию» (далее по тексту исследования — Постоянное совещание). Соответствующая договоренность была достигнута в феврале 2002 года в ходе встречи в Братиславе политических представителей стран-гарантов и посредников урегулирования — Российской Федерации, Украины и ОБСЕ, и одной из сторон конфликта — Приднестровья. Вскоре к ней присоединилась и Молдова. В дипломатических кругах новый переговорный механизм был назван «Братиславским форматом», который являл собой консультационный орган, не предполагающий непосредствен-

ного участия глав государств в своей деятельности. Как отмечали эксперты, механизм переговорного процесса стал более громоздким, но главное, что сам он был сохранен.⁹¹

Лидерами сторон был подписан документ «Об организации переговорного процесса по приднестровскому урегулированию». Документ представлял собой своего рода регламент переговоров. Так, было указано, что цель создаваемого механизма — это отработка, согласование и фиксирование в письменном виде договоренностей для доклада на утверждение политическому руководству сторон конкретных параметров итогового документа о всеобъемлющем разрешении приднестровской проблемы. Предполагалось, что достигаемые в таком процессе договоренности станут слагаемыми итогового документа по приднестровскому урегулированию.

В 2005 году к переговорам в качестве наблюдателей подключились ЕС и США. Тогда был подписан предложенный ОБСЕ Протокол «Права и обязанности наблюдателей в переговорном процессе».⁹² Документ ограничивал участие наблюдателей в переговорах, устанавливая их право принимать участие во встречах в пятистороннем формате, выступать на них, задавать и отвечать на вопросы. Вместе с тем, согласно протоколу, они не имеют права подписывать документы, не принимают участие в принятии решений переговорного процесса, но имеют право на комментарий; не имеют права созывать собрания, но имеют право инициативы; не имеют права председательствовать на собраниях.

Поскольку различные мирные инициативы чередовались с блокадными мерами и санкциями в отношении Приднестровья, в 2006 году, как уже упоминалось выше, официальные переговоры были полностью «заморожены». Контакты конфликтующих сторон осуществля-

⁹¹ Гаранты, посредники и наблюдатели в международном формате «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию»: особенности статуса и современные позиции // Дипломатический вестник Приднестровья. — 2010. — № 2. С. 44.

⁹² Права и обязанности наблюдателей в переговорном процессе: Протокол от 26.09.2005 // Переговорный процесс между... С. 150.

лись в основном на уровне экспертов, а редкие встречи политических представителей и лидеров сторон проходили исключительно в неофициальном формате.

Решение о возобновлении переговоров удалось принять лишь к концу 2011 года⁹³. К тому времени фундамент переговорного процесса базировался на следующих составляющих:

- миротворческая операция, являющаяся неотъемлемой частью урегулирования;
- отказ от силы, давления и мер, способных ухудшить положение друг друга;
- устранение взаимных барьеров и налаживание хозяйственно-экономических связей;
- выработка система гарантий;
- объединение международных усилий путем широкой интернационализации переговоров.

Активно переговорный процесс возобновил работу в 2012 году. Новый импульс ему придала проведенная по инициативе украинской стороны в Одессе встреча лидеров Модовы и Приднестровья Е. Шевчука и В. Филата. На встрече была подтверждена готовность продолжить переговоры в формате «5+2» и необходимость улучшения экономической ситуации, качества жизни и расширения реального торгово-экономического и социально-гуманитарного взаимодействия⁹⁴. Кроме того, было принято решение активизировать деятельность рабочих экспертных групп по мерам укрепления доверия. Приднестровская сторона предложила начать с решения наименее конфликтных и политизированных вопросов с тем, чтобы взаимодей-

⁹³ Официальный пресс-релиз по итогам вильнюсского раунда переговоров. МИД ПМР [Электронный ресурс]. URL: <http://mfa-pmr.org/index.php?newsid=1416> (дата обращения 29.04.2020)

⁹⁴ Совместный пресс-релиз по итогам встречи Главы Приднестровья Евгения Шевчука и Премьер-министра Республики Молдова Владимира Филата. Информационно-аналитическое издание МИД ПМР «Дипломатический вестник» [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.mfa-pmr.org/index.php?newsid=176> (дата обращения 29.04.2020)

ствие было результативным и позволяло, в первую очередь, улучшать благосостояние людей. «Малые шаги» должны были способствовать формированию атмосферы доверия между сторонами, крайне необходимой для нормализации отношений. Такая тактика была поддержана и молдавским лидером, и впоследствии — посредниками урегулирования.

В апреле 2012 г. сторонам удалось согласовать принципы и процедуры ведения переговоров⁹⁵. В итоговом документе отмечены все участники переговорного процесса с уточнением их статуса в переговорах, определенного Братиславским документом 2002 года и Одесским документом 2005 года. Помимо согласованных ранее принципов, политическим представителям Приднестровья и Молдовы удалось договориться о том, что переговоры ведутся на основе равенства и взаимного уважения, а в договоренностях должны быть определены механизмы, обеспечивающие их реализацию.

Отдельной задачей дипломатов стало согласование повестки для официального переговорного процесса. В результате было решено разделить ее на следующие разделы (условно именуемые «корзинами»)⁹⁶:

- 1) социально-экономические вопросы;
- 2) общеправовые и гуманитарные вопросы и права человека;
- 3) всеобъемлющее урегулирование, включая институциональные, политические вопросы и вопросы безопасности.

При кажущейся согласованности общего для сторон приоритета в переговорах — социально-экономического взаимодействия (что

⁹⁵ Принципы и процедуры ведения переговоров в рамках «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию». МИД ПМР [Электронный ресурс]. URL: <http://mfa-pmr.org/index.php?newsid=1945> (дата обращения 29.04.2020)

⁹⁶ Повестка дня переговоров в рамках «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию». МИД ПМР [Электронный ресурс]. URL: <http://mfa-pmr.org/index.php?newsid=1947> (дата обращения 29.04.2020).

было подтверждено и на высшем уровне в ходе упомянутой выше одесской встречи руководителей сторон) — прийти к согласию относительно переговорного пространства сторонам было непросто. В рамках первой темы закреплены такие важные направления, как свобода передвижения населения, таможенные процедуры, вопросы банковской сферы, здравоохранения, образования и другие. В рамках второй — деятельность гражданского общества, СМИ, общие правовые вопросы (включая реализацию ранее достигнутых договоренностей) и другие меры по укреплению доверия.

Трудности возникли с определением конкретного наполнения каждой из корзин, и в особенности третьей. В ходе обмена мнениями и соответствующими проектами выяснилось, что молдавская сторона намерена начать обсуждение вопросов, связанных с безопасностью в целом, включая вопросы миротворчества и демилитаризации. Такой подход делал согласование итоговой повестки дня практически невозможным. В результате было принято предложение приднестровской стороны оставить эту «корзину» пустой и вернуться к ее согласованному наполнению, когда иные этапы переговорного процесса будут реализованы и сформированное в результате успешного социально-экономического и гуманитарного взаимодействия пространство доверия позволит сторонам перейти к обсуждению более сложных политических вопросов, составляющих предмет всеобъемлющего урегулирования⁹⁷. Таким образом, на столе переговоров оказался проект, отвечающий идее тактики «малых шагов» и разделенный на три блока, только два из которых представляют согласованное переговорное поле, создававшее взаимоприемлемые рамки для работы, начиная с 2012, и по сей день.

Тактика «малых шагов» была поддержана всеми участниками переговоров (Молдова, Приднестровье, ОБСЕ, Россия, Украина, ЕС

⁹⁷ «Третья корзина» в повестке молдо-приднестровских переговоров есть, но она закрыта. Интервью министра иностранных дел ПМР Н.Штански [Электронный ресурс]. URL: <http://AVA.md/politics/016747-nina-shtanski-tret-ya-korzina-v-povestke-moldo-pridnestrovskih-peregovorov-est-no-ona-zakrita.html> (дата обращения 29.04.2020).

и США), а теперь, после 2012 года, и документально закреплена в согласованной сторонами повестке — рамочном документе, определившем «красные линии» содержания переговорных заседаний.

Выступая в 2014 году на Ежегодной конференции ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности, глава российской делегации в «5+2», Посол по особым поручениям МИД России Сергей Губарев назвал тактику «малых шагов» единственно верной в условиях, когда проблемы во взаимоотношениях между двумя частями некогда единой советской Молдавской Республики накапливались десятилетиями и шестилетняя пауза в контактах — с 2006 по 2012 г. — не способствовала углублению взаимопонимания»⁹⁸. А по мнению Спецпредставителя Действующего председателя ОБСЕ в 2012–2013 годах, ирландского дипломата Э. Фурэра, всего за два года после возобновления переговоров в рамках этой тактики удалось достичь большего прогресса, чем за предыдущие двадцать лет вместе взятые⁹⁹.

В 2019 году на очередном заседании «5+2» в Братиславе молдавская сторона попытался сломать оговоренный подход и потребовала приступить к обсуждению политического статуса Приднестровья. Такой демарш привел к срыву заседания и к очередной паузе в переговорах, которые теперь вновь сошли на уровень «челночной дипломатии», встреч экспертных групп и редких встреч молдавских и приднестровских дипломатов в формате «1+1». В Обзоре внешнеполитической деятельности России, который ежегодно публикуется МИД РФ, указано, что в условиях, когда в приднестровском урегулировании диалог между Кишиневом и Тирасполем осложнился, Россия как страна-гарант и посредник активно добивалась восста-

⁹⁸ Выступление Посла по особым поручениям С.Н.Губарева на Ежегодной конференции ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности (Вена, 25 июня 2014 года). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/a/c/120259.pdf> (дата обращения 29.04.2020).

⁹⁹ Fouere Erwan. OSCE's efforts to resolve the conflict. p. 57. "Frozen conflicts" in Europe. Anton Bebler (ed.). [Электронный ресурс]. URL: https://www.jstor.org/stable/j.ctvdf0bmg.8?seq=1#metadata_info_tab_contents

новления полноценного переговорного процесса, отдавая приоритет тактике «малых шагов» в отношениях между берегами Днестра¹⁰⁰. На заседании СМВД ОБСЕ (Братислава, декабрь) было принято министерское заявление в поддержку процесса приднестровского урегулирования¹⁰¹. О перспективах продвижения тактики «малых шагов» во взаимодействии между Кишиневом и Тирасполем говорили и на состоявшейся в феврале 2021 года в МИД России встрече со спецпредставителем по приднестровскому урегулированию Действующего председателя ОБСЕ Томаса Майр-Хартинга¹⁰².

Роль России в приднестровском урегулировании

Статус России как посредника урегулирования конфликта был впервые закреплен в Соглашении о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова от 21 июля 1992 г. Спустя три года, в июле 1995 года, в ходе переговорного процесса конфликтующие стороны выразили стремление подкрепить и усилить статус посредников. Принятым Соглашением о поддержании мира и гарантиях безопасности между Республикой Молдова и Приднестровьем стороны обратились к Российской Федерации, Украине и ОБСЕ с просьбой стать гарантами данного соглашения. Российская Федерация и Украина выразили свою готовность выступить в процессе урегу-

¹⁰⁰ Обзор внешней политики Российской Федерации. С. 18. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/documents/10180/4479000/%D0%9E%D0%91%D0%97%D0%9E%D0%A0+2019.docx/8de68b7b-b4a0-443a-ab73-14e5483be11c> (дата обращения 20.03.2021).

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² О встрече заместителя Министра иностранных дел России А.Ю.Руденко со спецпредставителем Действующего председателя ОБСЕ по приднестровскому урегулированию Т.Майр-Хартингом. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4597768 (дата обращения 20.03.2021).

лирования в качестве государств-гарантов и президенты этих стран подписали Совместное заявление в Москве 19 января 1996 года.¹⁰³

Россия является ключевым игроком в деле урегулирования, что обусловлено целым рядом геополитических факторов, а также тем обстоятельством, что на территории Приднестровья проживает около 200 тысяч граждан России.

В академических и политических кругах существует серьезный «разброс» подходов к оценке позиций России. Чаще всего Приднестровье обозначается в качестве одного из важных полей, на котором ведутся политические игры вокруг национальных интересов России, ее участия в Европе как цивилизационном поле¹⁰⁴.

Достаточно распространена и такая точка зрения на российскую политику в регионе конфликта, согласно которой Россия стремится любым путём реализовать свои геополитические интересы в этой части мира¹⁰⁵. Так, существует мнение, что приоритетным для России является сохранение своего военного присутствия в регионе для уве-

¹⁰³ Статус России и Украины как стран-гарантов и посредников, а ОБСЕ как посредника «в достижении прочной и всеобъемлющей нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем» был закреплен также в Московском меморандуме «Об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем» от 8 мая 1997 г., а также в ходе Одесской встречи 20 марта 1998 г. и встречи в Киеве 16 июля 1999 г.

¹⁰⁴ Девятков А. В. Приднестровский вопрос в политической практике России и Запада / А. В. Девятков // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 3 (79). С. 111–118; Нарочницкая Н. Приднестровье — ключ к восточноевропейскому региону / Н. Нарочницкая // Столетие : интернет-газ. URL: http://www.stoletie.ru/tekuschiiy_moment/nataliya_narochnickaya_pridnestrove_kljuch_k_vostochnoevropeskomu_regionu.htm

¹⁰⁵ См., например: King Ch. Post-Soviet Moldova: A Borderland in Transition / Charles King / Post-Soviet Business Forum. London : Russian and CIS Programme, Royal Inst. of International Affairs, 1995. 118 p.; Кюхлер Ф. Приднестровье может стать разменной монетой в споре ЕС и России / Флориан Кюхлер // Материк : информ.-аналит. интернет-сайт. URL: http://www.materik.ru/pda/rubric/detail.php?ID=7904&SECTION_ID=10.

личения давления на страны СНГ и — как противовес попыткам вытеснить её из системы европейской безопасности¹⁰⁶.

Следует отметить, что целесообразность сохранения российского военного присутствия в регионе конфликта уже много лет является предметом широких дискуссий как на Западе, так и в России. Еще десять лет назад, когда активно обсуждалась российско-германская идея о создании комитета Россия–ЕС по вопросам внешней политики и безопасности как один из шагов навстречу строительству новой архитектуры безопасности в Европе, наличие российских войск в Приднестровье называлось экспертами одним из потенциальных предметов возможного торга, в результате которого в качестве компромисса российские войска могли бы быть подчинены совместному мандату ЕС–РФ.¹⁰⁷ Российский профессор А.Г. Задохин, считая упущенным момент, когда можно было поддержать Приднестровье, полагал, что необходимо договариваться с Европой относительно включения международных сил в миротворческое подразделение и решения вопроса демилитаризации этой территории.

Встречались в тот период и мнения о необходимости согласования российских позиций в регионе конфликта с западными партнерами¹⁰⁸, а также о том, что участие ЕС и НАТО в урегулировании в качестве посредников не нужно рассматривать как ущемление интересов России, поскольку их задачей является не снижение влияния России на постсоветском пространстве, а уменьшение нестабильности на границах единой Европы, что отвечает и интересам России.¹⁰⁹

¹⁰⁶ Девятков А. В. Политика России в отношении Приднестровской Молдавской Республики (1992–2009 гг.). Антропология советскости: философский анализ : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 : ист. междунар. отношений и внешней политики / А. В. Девятков ; ТГУ. Н. Новгород, 2010. 31 с.

¹⁰⁷ Например, такое мнение было озвучено Директором программы «Россия-Евразия» Германского совета по внешней политике А. Пар. Терехов А. Приднестровский гамбит Ангелы Меркель // Независимая газета 22.06.2010

¹⁰⁸ Маркедонов С. Стратегическая ошибка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chaskor.ru/article/strategicheskaya_oshibka_12710

¹⁰⁹ Никитина Ю.А. Урегулирование «Замороженных региональных кризисов» // Мир и согласие. — М., 2005. — № 4(25) — С.99.

Важность приднестровского фактора в контексте военно-стратегического значения этого региона исследователи отмечали и в связи с операциями НАТО в Косово.¹¹⁰ Многие обращали внимание на значимость для России Приднестровья как военного плацдарма, владея которым, Россия может оказывать значительное военно-политическое влияние на всю Восточную Европу.¹¹¹ Довольно распространенной до сих пор является такая точка зрения, согласно которой военное присутствие России в зоне конфликта удерживает поглощение Приднестровья Молдовой, лишая ее дополнительных стимулов для присоединения к Румынии и последующего вступления обеих в НАТО.

Между тем официальная политика России по приднестровскому вопросу остается последовательной и неизменной. Москва ни разу не ставила под сомнение территориальную целостность Республики Молдова, но неизменно остается приверженной политическому урегулированию приднестровского конфликта и выступает в переговорном процессе за сохранение механизмов обеспечения стабильности в регионе, включая действующую миротворческую операцию, а также бережное отношение ко всему фонду идей урегулирования.

С приходом к власти в 2020 году президента Молдовы Майи Санду риторика о выводе российских миротворцев из региона конфликта существенно усилилась. Но несмотря на объективные сложности, с которыми сталкивается этот миротворческий формат (например, отказ Украины и Молдовы от предоставления условий для материального обеспечения миротворческих сил и пропуска грузов, препятствование ротации контингента, депортацию российских членов ОКК), его базовые механизмы остаются дееспособными, поскольку военнослужащие несут службу в штатном режиме.

Сегодня операция объединяет не только военные контингенты конфликтующих сторон — Молдовы и Приднестровья, которые

¹¹⁰ Мартынов Б.Ф. Суверенитет развития и проблемы «неудавшихся» государств / Б.Ф. Мартынов // Мир после Косово... Указ.соч. С.69.

¹¹¹ Харитонова Н.И. Приднестровский конфликт и проблема непризнанных государств на постсоветском пространстве в конце XX — начале XXI вв. : дис. канд. ист. наук : 07.00.00, 07.00.03 / МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 2008. С.216.

несут службу в составе Совместных миротворческих сил вместе с Россией, но и с 1998 года включает в себя институт наблюдателей от Украины и ОБСЕ. Примечательно, что и Украина, несмотря на призывы о демонтаже миротворческой операции, не прерывает своего участия в ней. Последняя ротация украинских военных наблюдателей осуществлена в 2019 году.

Успешность этой миротворческой миссии принято рассматривать в контексте соблюдения режима прекращения огня, укрепления мира и предупреждения повторной эскалации. Недооцененным при этом представляется одно из наиболее важных измерений этой операции, а именно то, что она играет роль «подушки безопасности» для всего процесса урегулирования, нередко осложненного длительными паузами в официальных переговорах. Такое предназначение миссии вытекает и из положений Соглашения 1992 года, в котором проведение миротворческой операции признано мерой, являющейся важной составной частью процесса урегулирования конфликта мирными политическими средствами. Именно учреждение миротворческой операции и позволило создать фон для дипломатических переговоров, начавшихся спустя два года после формирования совместных миротворческих сил, в 1994 году.

Кроме того, важно учитывать, что вопросы безопасности не обсуждаются в рамках переговоров в формате «5+2». И если на некоторых этапах переговорного процесса попытки включения вопросов безопасности в повестку дня и имели место, то после 2012 года, когда переговоры были возобновлены после длительной шестилетней паузы, согласованное переговорное пространство исключает их обсуждение. Как было указано выше, «третья корзина» согласованной повестки получила «отложенный статус» и до сих пор не вскрыта и не наполнена содержанием. Не обсуждаются вопросы безопасности и в рамках вспомогательного механизма переговорного процесса — экспертных (рабочих) групп сторон.

Таким образом, площадка контрольного органа миротворческой операции — Объединенная контрольная комиссия остается единственной для обсуждения вопросов безопасности в регионе конфлик-

та. На переговоры в комиссию «сгружаются» самые конфликтные вопросы, а «5+2», благодаря этому, остается местом конструктивного общения.

Говоря о миротворческой операции как части процесса урегулирования молдавско-приднестровского конфликта, следует обратить внимание на непрерывность работы миротворческого формата. Так, как уже было отмечено, «5+2» не раз «замораживался», не функционировал с 2006 по 2012 год, и с 2012 по сей день формат пережил несколько периодов «заморозки» регулярных встреч. График встреч в формате «1+1» еще менее систематизирован, они не регулярны. История приднестровского урегулирования знает семилетний перерыв в контактах высшего политического руководства сторон, он длился с 2001 по 2008 годы. Работа же миротворцев не прерывалась, не прекращалась деятельность ни одного из составных компонентов миротворческой операции.

Активно продвигаемые сегодня Молдовой и рядом ее международных партнеров идеи замены действующей миротворческой операции на гражданскую наблюдательную миссию тоже не нова. Молдавские власти артикулируют такой подход, ссылаясь на то, что приднестровский конфликт «заморожен» и необходимости в военных гарантиях мира больше нет. Чаще всего в этом контексте применяются осторожные формулировки «международная миссия гражданских наблюдателей» или «миссия гражданского наблюдения с международным мандатом». Хотя однажды речь шла и о мандате ОБСЕ. Украина в 2005 году даже пыталась встроить положение о трансформации миротворческой операции в проект плана по урегулированию, имевший, по мнению украинских дипломатов, большие шансы на принятие сторонами конфликта. Так называемым «Планом Ющенко», озвученным в 2005 году на кишинёвском саммите ГУАМ (тогда — ГУУАМ), среди других положений предлагалось создать международный механизм военных и гражданских наблюдателей под эгидой ОБСЕ. Инициатива, впрочем, не нашла поддержки ни в Молдавии, ни в Приднестровье.

Что же касается опыта гражданского наблюдения, то в Приднестровье такой опыт уже есть. Ещё до начала вооружённого нападения

на Бендеры весной 1992 г. в Кишиневе, в ходе четырёхсторонних переговоров министров иностранных дел Молдавии, России, Румынии и Украины был учреждён наблюдательный механизм, подобный тому, о котором говорит сегодня молдавский президент Санду. Следует отметить, что в том формате были не гражданские, а военные наблюдатели, и не от ОБСЕ, а от вышеуказанных государств.

Мониторинговая миссия — «четырёхсторонняя группа военных наблюдателей» 8 мая 1992 г. была введена в зону конфликта, где уже имели место спорадические вооружённые столкновения. Наблюдатели дислоцировались в городе Бендеры. Поскольку на апрельской встрече министров было достигнуто согласие об общем прекращении огня с 9 июня 1992 г., на миссию наблюдателей возлагался контроль за соблюдением соглашения и мониторинг постов сторон. Сегодня об этой миссии предпочитают не вспоминать, ведь она не только не смогла предотвратить стремительную эскалацию, но и не сумела предупредить мирное население о нападении 19 июня 1992 г. молдавских вооружённых сил на город, в котором сама же расположилась. По воспоминаниям местных жителей, часть наблюдателей организованно выехала из города ещё за неделю до обострения. В экспертных отчётах указывается, что отдельные наблюдатели покинули город за несколько часов до обстрелов, большинство — ретировались в первые же часы войны, а некоторые были эвакуированы из зоны боевых действий чуть позже при содействии приднестровской стороны.

Таким образом на данный момент нахождение в регионе конфликта российских войск в целом, как и взаимодействие в рамках трёхсторонней миротворческой операции в частности, является важной составной частью процесса урегулирования конфликта мирными, политическими средствами. Кроме того, Россия на деле так и осталась единственным гарантом мира в регионе конфликта.

Сегодня в условиях осложнения отношений России и ЕС возможность налаживания ими комплексного взаимодействия в мирных процессах на постсоветском пространстве оказывается отложенной в сторону. Хотя при этом очевидно остается востребованным актив-

ный диалог этих акторов, основанный на массиве общих интересов и переводящих сотрудничество с имевшей место ранее консультативной стадии на координационную, при которой задействованные в урегулировании Россия и ЕС не только обменивались бы информацией, но и пытались бы согласовывать свои позиции во избежание конфронтации или политики «параллельных действий». Еще в ходе обсуждения инициативы по договору о европейской безопасности, в разделе об урегулировании конфликтов Москва делала акцент на том, что нужно опираться на принципы уважения имеющихся договорённостей, переговорных и миротворческих форматов, и чтобы все страны подходили к любому конфликту именно с этих позиций. Спустя много лет этот подход все еще видится достаточно взвешенным и верным.

Позиции ЕС в приднестровском урегулировании

ЕС стал проявлять интерес к приднестровскому урегулированию лишь в начале двухтысячных. Нужно отметить, что в тот период Евросоюз выражал свою приверженность предотвращению конфликтов всего в нескольких документах. Так, кроме некоторых положений об антикризисной дипломатии в Маастрихтском договоре и в целях Общей внешней и оборонной политики ЕС об этом говорилось в «Программе ЕС по предотвращению насильственных конфликтов» (2001 год)¹¹² в «Выводах председательства Севильского Европейского Совета: осуществление программы ЕС по предотвращению насильственных конфликтов»¹¹³. Затем в высокой степени этому были посвящены положения Европейской стратегии безопасности «Безопасная Европа в улучшающемся мире», указывавшей на принципы ответственности ЕС как актора мировой политики за обеспечение миро-

¹¹² The EU Programme for the Prevention of Violent Conflicts (2001)<https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2001:0211:FIN:EN:PDF>

¹¹³ Presidency Conclusions of the Seville European Council: Implementation of the EU Programme for the Prevention of Violent Conflicts <https://www.consilium.europa.eu/media/20928/72638.pdf>

вой безопасности.¹¹⁴ Эти положения развивались в разработанной в 2004 году Европейской политике соседства, в которой среди целей сотрудничества с соседями заявлялось предупреждение перетекания рисков нестабильности через границы ЕС,¹¹⁵ и в Плане действий ЕС-Молдова, включавшем раздел по приднестровской проблеме¹¹⁶. Также позже приверженность предотвращению конфликтов нашла отражение в документе «Европейский консенсус по вопросам развития» (2005 год)¹¹⁷. Но тем не менее урегулирование конфликта в Приднестровье в самом начале двухтысячных находилось в зоне ответственности ОБСЕ.

ОБСЕ вовлечена в урегулирование молдо-приднестровского конфликта с апреля 1993 года, когда в Республике Молдова была учреждена Миссия СБСЕ (позже в 1994 году переименована в ОБСЕ). Обладая соответствующим мандатом, Миссия была призвана содействовать сторонам на переговорах по урегулированию и по выводу иностранных войск, а также консультированию по вопросам прав человека, меньшинств и возвращению беженцев¹¹⁸. Незадолго до учреждения Миссии, в 1992 году, Россия предпринимала попытку вовлечения этой организации в урегулирование конфликта в Приднестровье. В ООН и ОБСЕ были направлены обращения с просьбами о частичной замене миротворческих сил на постсоветском пространстве, в том числе и в Приднестровье, во всяком случае

¹¹⁴ European Security Strategy “A Secure Europe In a Better World” ([http://www. 33 consilium.europa.eu](http://www.33consilium.europa.eu))

¹¹⁵ European Neighbourhood Policy https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/2004_communication_from_the_commission_-_european_neighbourhood_policy_-_strategy_paper.pdf

¹¹⁶ EU/Moldova action plan URL: https://web.archive.org/web/20070712035306/http://www.delmda.ec.europa.eu/eu_and_moldova/pdf/moldova_enp_ap_en.pdf (дата обращения: 15.06.2020).

¹¹⁷ The European Consensus on Development (2005) <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Ar12544>

¹¹⁸ Mandate of the OSCE mission to Moldova. Decision №329 [Электронный ресурс]: официальный сайт ОБСЕ. — Режим доступа: <http://www.osce.org/moldova/43359> (дата обращения 29.04.2011)

их российского компонента, на силы ООН или ОБСЕ.¹¹⁹ На римской встрече министров иностранных дел 53 страны-участницы СБСЕ, состоявшейся в начале декабря 1993 года, было решительно отказано предоставить российским войскам в «горячих точках» бывшего СССР статус миротворческих сил ОБСЕ.

Позже влияние ОБСЕ сильно ослабло из-за срыва подписания так называемого «Плана Козака» или «русского плана». «План Козака» был ближе всех к успеху из многочисленных планов по урегулированию. Документ, ставший продуктом «челночной дипломатии», был не только согласован со сторонами конфликта, но и парафирован руководителями Молдовы и Приднестровья, которые в те годы избегали личных контактов. Когда молдавский президент в последний момент отказался от уже запланированной церемонии подписания, ОБСЕ «приняла удар» на себя, объявив, что «План Козака» не поддерживают государства-члены ОБСЕ¹²⁰. Позже, спустя годы, люди из окружения Владимира Воронина расскажут, что отказ от подписания русского плана связан с отсутствием поддержки этой инициативы со стороны ЕС и США¹²¹. Эксперты Международной группы предотвращения кризисов (МГПК) в своих отчетах сообщали, что консультации с молдавским президентом вели и нидерландское председательство в ОБСЕ, и ЕС через офис Хавьера Солана, который в день предстоящего подписания документа недвусмысленно предупредил главу Молдовы в телефонной беседе о том, что этот шаг не продвинет европейские устремления страны¹²². Недавно в телеэфире украинский

¹¹⁹ Майоров М.В. Указ. соч. С.86.

¹²⁰ OSCE does not endorse Russian plan on Moldova. OSCE Press Release. 24.11.2003 <https://www.osce.org/cio/55827>

¹²¹ «Рука Москвы» не получила от России никакой помощи. Советник президента Молдавии ответил Дмитрию Козаку Газета «Коммерсантъ» №227 от 02.12.2005, стр. 1

¹²² Moldova: Regional Tensions over Transdnistria / ICG Europe Report N°157. 2004. URL: <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/157-moldova-regional-tensions-over-transdnistria.pdf> (дата обращения: 15.06.2020).

дипломат Александр Чалый¹²³, близкий к процессу приднестровского урегулирования в те годы, рассказал, что главное, чего хотели противники подписания русского плана — это изоляция Молдовы от России. По его словам, этот импульс в тот момент исходил из ЕС и передавался через посольство Германии в Кишиневе¹²⁴. Как бы то ни было, фактом остается то, что провал «Плана Козака» впервые открыто обнажил соперничество России и ЕС в этом регионе Европы.

В тот момент роль ОБСЕ как структуры, имевшей ранее в переговорах позиции, сопоставимые с российскими, стала сводиться к организации серии контактов на экспертном уровне, а также экспертной и мониторинговой помощи по утилизации и выводу отдельных видов российского вооружения, остававшегося в зоне конфликта. Деятельность официального пятистороннего переговорного формата по урегулированию конфликта в Приднестровье — Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию (Постоянное совещание)¹²⁵, в котором ОБСЕ играла роль посредника и организатора заседаний, была приостановлена.

¹²³ Чалый А. А. в 2002–2003 годах занимал пост первого заместителя Министра иностранных дел Украины по вопросам европейской интеграции.

¹²⁴ Выпуск программа «Полярный мир с Владимиром Рубаном». Выпуск №4. URL: <https://youtu.be/ivQC2E6s6u0?fbclid=IwAR2Xiee9PFLRgKvopB213uooLQCdfU2TAEJTA4b4sMtKW8QKVz36P6sGN-M> (дата обращения: 15.06.2020).

¹²⁵ Действующий на тот момент пятисторонний переговорный формат, известный как «2+3» или «братиславский формат», был учрежден 20 февраля 2002 года в г.Братислава, где политическими представителями Молдовы, Приднестровья России, Украины и ОБСЕ было подписано решение «Об организации переговорного процесса по приднестровскому урегулированию» и создании формата — «Постоянное совещание по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию». В Решении и других документах переговорного процесса нередко используется сокращенное название «Постоянное совещание».

См., например: URL: [http://mid.gospmr.org/misc/docs_pproc/2002/2002-02-20-\(Ru\)-Об%20организации%20переговорного%20процесса%20по%20приднестровскому%20урегулированию.pdf](http://mid.gospmr.org/misc/docs_pproc/2002/2002-02-20-(Ru)-Об%20организации%20переговорного%20процесса%20по%20приднестровскому%20урегулированию.pdf) (дата обращения: 15.06.2020).

Расширение ЕС тем временем приближало конфликт к его границам. Уже весной 2003 была провозглашена Европейская политика соседства, в контексте которой заявлялось стремление ЕС играть более активную роль в урегулировании конфликта в Приднестровье, включая применение финансовых инструментов для постконфликтного восстановления¹²⁶.

Деятельность Европейского союза на молдавско-приднестровском направлении в тот период запомнилась жесткой инициативой, которая, по всей видимости, должна была дать эффект предупредительного выстрела в воздух. Речь о санкциях ЕС против приднестровских лидеров. 27 февраля 2003 ЕС ввел санкции, которыми запретил членам приднестровского руководства въезд в страны Союза. ЕС заявил, что такие меры направлены на поддержку более активного участия ЕС в политическом процессе и должны простимулировать попавших под санкции лиц к сотрудничеству в целях содействия политическому урегулированию конфликта. Возможность пересмотра таких ограничений увязывалась с оценкой шагов, предпринятых руководством Приднестровья для достижения существенного прогресса в переговорах¹²⁷. Европейские эксперты называли санкции ранней попыткой применения специальных инструментов ЕС в отношении приднестровского урегулирования и «вывернутой наизнанку перспективой ЕС», направленной на устранение симптомов, а не на устранение причин конфликта¹²⁸.

¹²⁶ Communication from The Commission to The Council and The European Parliament «Wider Europe — Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours», Brussels, 11.3.2003 COM (2003) 104 final URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf (дата обращения: 15.06.2020). ерий Лямы РМ и Приднестровья, 2005, г. Одесса егулировании от а и Приднестровья е название “иктовгут быть полезны в процессе

¹²⁷ Council Common Position 2003/139/CFSP of 27 February 2003 concerning restrictive measures against the leadership of the Transnistrian region of the Moldovan Republic URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32003E0139> (дата обращения: 15.06.2020).

¹²⁸ Cristescu, R. & Matveev, D. Peacebuilding and Conflict Prevention in Moldova: the role of the EU (2011). <http://www.eplo.org/assets/files/2>

В таких действиях ЕС Приднестровье увидело молдавский след. В приднестровских экспертных кругах санкции воспринимали как действия, призванные преодолеть сопротивление представителей приднестровских властных структур выводу российских войск. А в таком случае европейская мера практически повторяла содержание молдавской инициативы о санкциях в отношении Приднестровья, которую еще в 2000 году отверг Постоянный Совет ОБСЕ и которая не нашла поддержки у американской стороны, несмотря на обсуждение вопроса на встрече «Воронин-Буш».

Проявление такой «дипломатии принуждения» породило серьезное недоверие приднестровской стороны к ЕС как к возможному актору урегулирования. Санкции воспринимали как «объявление войны» Приднестровью и как сигнал для всех заинтересованных сторон о том, что ЕС решил стать активным участником политического противостояния вокруг конфликта — с другой¹²⁹. Об этом почти нигде не упоминается, но ЕС сохраняет эти санкции и сегодня. Санкционный список обнулен, в нем больше нет лиц, к которым применяется запрет. Но сами санкции, как это не парадоксально, формально сохраняются и соответствующий документ об их продлении принимается каждый год¹³⁰. Так ЕС сохраняет этот апробированный инструмент.

Анализируя начальный этап европейского вовлечения ЕС в приднестровское урегулирование, нельзя обойти вниманием и попытку включения ЕС в сферу безопасности в регионе конфликта. Так, ле-

¹²⁹ Михайлов С.А. Политика Европейского союза в отношении Молдавии и приднестровского урегулирования: институциональный и национальный аспекты. Проблемы национальной стратегии No 2 (17) 2013. С.62.

¹³⁰ См., например, документ о продлении санкций на 2020: Declaration by the High Representative on behalf of the EU on the alignment of certain countries concerning restrictive measures against the leadership of the Transnistrian region of the Republic of Moldova, On 24 October 2019, the Council adopted Decision (CFSP) 2019/1789 URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/11/28/declaration-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-eu-on-the-alignment-of-certain-countries-concerning-restrictive-measures-against-the-leadership-of-the-transnistrian-region-of-the-republic-of-moldova/> (дата обращения: 15.06.2020).

том 2003 председательствующие в ОБСЕ Нидерланды выступили с инициативой реформатирования проводимой на берегах Днестра под эгидой России миротворческой операции, в которой взаимодействуют контингенты конфликтующих сторон. Предлагалось заменить контингенты Молдовы и Приднестровья силами ОБСЕ, а управление операцией передать ЕС¹³¹. И хотя формально эту инициативу нельзя отнести к предложению Европейского союза, она широко обсуждалась там и не нашла поддержки, прежде всего, со стороны Франции, Германии и Италии, не желавших ухудшения отношений с Россией. А голландский дипломат А. Якобовиц де Сегед, выдвигавший эту инициативу, был позже, в 2005 г., назначен на призванную стать еще одним европейским инструментом позицию — Специального представителя ЕС по Молдове, ответственного за направление приднестровского урегулирования. Такой шаг оценивался российскими экспертами как намерение ЕС усилить своё влияние в Молдове и в конфликте вокруг Приднестровья¹³².

К слову, встречаются мнения о том, что в начале двухтысячных Россия была готова к обстоятельным переговорам о расширении интернационализации миротворческой операции за счет ее проведения под эгидой ОБСЕ¹³³. Предлагалось разработать соответствующую международно-правовую базу для совместных миротворческих операций Европейского союза и Российской Федерации¹³⁴. Инициатива не получила ни развития, ни широкой поддержки. Нужно сказать, что спустя годы, уже когда ЕС будет участником переговоров, в 2010 году, в период активного обсуждения российско-германской инициативы о создании Комитета Россия–ЕС по вопросам внешней политики и безопасности как одного из шагов в строительстве новой архитектуры безопасности, похожие идеи высказывались экспертами

¹³¹ Михайлов С.А. Там же. С.62.

¹³² Там же. С.74.

¹³³ Lynch, D. Russia's strategic partnership with Europe. *The Washington Quarterly*. 2004. № 27. P. 99-118. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1162/016366004773097731?needAccess=true>

¹³⁴ Там же.

вновь¹³⁵. Например, предлагалось подчинить российские войска совместному мандату РФ и ЕС¹³⁶.

Официальная институционализация европейского участия в переговорном процессе состоялась в 2005. Пожалуй, ключевую роль в этом сыграла Украина и ее инициатива «7 шагов». Документ содержал предложение о включении в переговоры ЕС и США и, хотя он не был поддержан Молдовой из-за содержащихся в нем идей о проведении в Приднестровье демократических процедур под патронатом международных организаций, но все же придавал серьезный импульс переговорному процессу.

ЕС наращивал свое взаимодействие с Молдовой, Украиной и Россией, в том числе, благодаря налаживанию политического диалога по линии назначенного весной 2005 года Специального представителя ЕС для Молдовы (EUSR) с мандатом усиления вклада ЕС в урегулирование приднестровского конфликта и представления ЕС на различных форумах путем развития тесных контактов со всеми соответствующими субъектами¹³⁷. Следует понимать, что в высокой степени работа Специального представителя пересекается с деятельностью аккредитованной в Молдове Миссии делегации ЕС. Однако, по мнению экспертов, Спецпредставитель изначально обладал большими возможностями, в том числе потому, что у него было больше сотрудников для работы на приднестровском направлении¹³⁸.

¹³⁵ Штански Н. Политика России в процессе нормализации молдавско-приднестровских отношений: анализ экспертных оценок. Проблемы национальной стратегии. 2012. 4. 91-97.

¹³⁶ Такое мнение было озвучено Директором программы «Россия-Евразия» Германского совета по внешней политике А. Рапом (см.: Терехов А. Приднестровский гамбит Ангелы Меркель. Независимая газета. 2010. 22 июня)

¹³⁷ European Council, Council Joint Action 2007/107/CFSP of 15 February 2007, Appointing the European Union Special Representative for the Republic of Moldova, 16 February 2007, Official Journal of the European Union L 46/59, [online], accessed 7 June 2011, available at <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2007:046:0059:0062:EN:PDF>

¹³⁸ Cristescu, R. & Matveev, D. Peacebuilding and Conflict Prevention in Moldova: the role of the EU (2011). <http://www.epl.org/assets/files/2>

В мае 2005 года Украина вновь выступила с инициативой, известной как «План Ющенко». В этом проекте США и ЕС была предложена роль наблюдателей в определенных сферах. На основе украинских предложений ОБСЕ разработала свой проект, который и был принят осенью 2005 в Одессе на встрече пятистороннего формата¹³⁹. С тех пор ЕС и США являются прямыми участниками переговоров по приднестровскому урегулированию со статусом наблюдателей.

Анализируя процесс европеизации переговорного процесса, важно принимать во внимание то, что период подключения ЕС к переговорам (2003–2005) сопровождался множеством европейских экспертных рекомендаций разного уровня, суть которых так или иначе сводилась к необходимости возвращения Приднестровья в молдавское экономическое и таможенное пространство. Обоснованием здесь выступали не аргументы о компромиссном решении, исключающем силовое развитие ситуации, или о необходимом устойчивом компромиссе, обеспеченном системой международных гарантий. Акцент делался на уроне, причиняемом молдавской экономике неурегулированностью конфликта. Так, например, британские эксперты, оценивая масштаб экономического ущерба, указывали, что Молдова ежегодно теряет до 13% ВВП из-за невзимания таможенных пошлин, налогов и других платежей с приднестровских экономических агентов¹⁴⁰. Официальный Брюссель называл конфликт экономическим. Высокий представитель ЕС по безопасности и внешней политике Хавьер Солана, комментируя идею о подчинении Приднестровья таможенным правилам Молдовы, заявлял, что конфликт в Приднестровье —

¹³⁹ О встрече посредников от Украины, РФ и ОБСЕ с представителями РМ и Приднестровья, 2005, г. Одесса. URL: [http://mid.gospmr.org/misc/docs_rproc/2005/2005-09-27-\(Ru\)-Одесса-О%20встрече%20посредников%20в%20приднестр.%20урег-ии%20от%20ОБСЕ,%20РФ%20и%20Укр%20с%20полит.%20представ-ми%20РМ%20и%20ПМР.pdf](http://mid.gospmr.org/misc/docs_rproc/2005/2005-09-27-(Ru)-Одесса-О%20встрече%20посредников%20в%20приднестр.%20урег-ии%20от%20ОБСЕ,%20РФ%20и%20Укр%20с%20полит.%20представ-ми%20РМ%20и%20ПМР.pdf) (дата обращения: 15.06.2020).

¹⁴⁰ План действий «Республика Молдова — Европейский союз»: Справочник. — К. Gunivas, 2006. С.65.

это конфликт с вовлечением экономических элит, и «никакого места для таких конфликтов в 21-м веке нет»¹⁴¹.

С 2005 года ЕС начал европеизацию экономических процессов, которые можно разделить на несколько условных уровней: торгово-экономическое вовлечение, экономическое и техническое содействие переговорному процессу, и, наконец, контроль региона с помощью экономических инструментов.

Так, в 2005 году была учреждена Миссия Европейского Союза по приграничной помощи Молдове и Украине (EUBAM), правовой основой которой послужил Меморандум о взаимопонимании, подписанный Европейской Комиссией и Правительствами Республики Молдова и Украины. Миссия призвана совместно с этими странами приводить стандарты и процедуры управления границами, таможенного дела и торговли в соответствие с теми, которые действуют в странах-членах ЕС, содействовать международному сотрудничеству и укреплять безопасность в регионе. Примечательно, что первой среди своих задач EUBAM определяет «содействие мирному урегулированию приднестровского конфликта с помощью мер по укреплению доверия и сближения законодательства и процедур в сфере таможен, торговли, транспорта и организации трансграничной деятельности».¹⁴²

Всего через несколько месяцев после учреждения Миссии EUBAM, 30 декабря 2005 года, бенефициары ее помощи — Молдова и Украина согласовали и подписали совместное заявление глав правительств об учреждении нового таможенного режима для приднестровских грузов, согласно которому транзит через украинскую границу может осуществляться только на основании молдавских таможенных актов. Следует отметить, что такую инициативу Молдова выдвигала ранее не один раз, однако украинское правительство отклоняло ее, называя «фактической блокадой». Например,

¹⁴¹ Визит Хавьера Соланы в Молдову отменен. URL: <https://newdaynews.ru/pmr/58156.html> (дата обращения: 19.02.2021)

¹⁴² Официальный сайт EUBAM <http://eubam.org/ru/who-we-are/>

заместитель секретаря Совета безопасности и обороны Украины Сергей Пирожков в 2003 году утверждал, комментируя молдавские предложения, что Киев «никогда не пойдет на экономическую блокаду Приднестровья».¹⁴³ А позже, в 2008 году, уже в ранге посла Украины в Молдове объяснял изменение украинской позиции по данному вопросу «просьбой Евросоюза о выходе на международные стандарты таможенного оформления грузов»¹⁴⁴, а невозможность отказа Украины от нового таможенного режима — «обязательствами перед Европейским Союзом».¹⁴⁵

Так, Приднестровье, имевшее традиционно экспортно-ориентированную экономику, лишилось возможности отправлять произведенную продукцию за пределы республики, чем было поставлено на грань выживания. Только в 2006 году в результате остановки предприятий потери непризнанной республики составили более 450 миллионов долларов США, из которых 380 миллионов долларов — это потери экономических агентов, остальное — недопоступления в бюджет. Указанные суммы в сопоставлении с консолидированным годовым бюджетом Приднестровья превышают последний почти вдвое.

В разрешение сложившейся ситуации включились внешние акторы. Официальная Москва заявила, что действия Кишинева и Киева, представленные как наведение порядка на границе, в действительности «являются очередной попыткой оказать экономическое давление на Тирасполь с целью принуждения его к политической капитуляции в вопросах приднестровского урегулирования». За заявлением последовало масштабное оказание Приднестровью российской гу-

¹⁴³ Украина прекратила транзит приднестровских грузов URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/03/2006/5703c2be9a7947dde8e0a477> (дата обращения: 19.02.2021)

¹⁴⁴ Чрезвычайный и полномочный посол Украины в республике Молдова Сергей Пирожков побывал в гостях у студентов Приднестровского госуниверситета URL: <https://tiras.ru/562-chrezvychajnyjj-i-polnomochnyjj-posol.html> (дата обращения: 19.02.2021)

¹⁴⁵ Украинский посол: Молдавия и ЕС не разрешают Украине снять блокаду Приднестровья URL: <https://regnum.ru/news/economy/1438636.html> (дата обращения: 19.02.2021)

манитарной помощи. Брюссель, в свою очередь, продолжил тактику «дипломатии принуждения», стимулируя переход приднестровских экономических агентов под молдавскую юрисдикцию.

Приднестровским предприятиям, соглашавшимся зарегистрироваться в Молдове и подчиниться молдавским правилам, ЕС предоставлял особый преференционный режим на своем рынке сбыта в виде индивидуальных торговых преференций, повышающих конкурентоспособность на европейском рынке сбыта. В 2005 году — это режим преференций GSP+, а с 2008 года — еще более выгодная система автономных торговых преференций (АТП).

Молдова, в свою очередь, обязалась предоставить приднестровским экономическим агентам особый режим регистрации и налогового учета с освобождением от налогообложения, что на деле перманентно нарушалось и неоднократно становилось предметом дискуссий на переговорах в формате «5+2». В результате дополнительных финансовых обременений, возникавших в связи с появлением у Молдовы новых экономических рычагов влияния на приднестровские хозяйствующие субъекты, продукция приднестровских предприятий становилась менее конкурентоспособной на традиционных рынках. К этому добавились и проблемы транспортировки приднестровских грузов в Россию, связанные с так называемой «транспортной блокадой», когда приднестровский грузовой транспорт лишился необходимых для своей деятельности молдавских лицензий.

Предприятия Приднестровья, традиционно поставлявшие свои товары на рынки СНГ, будучи обремененными двойным подчинением и вытекающим отсюда двойным налогообложением, не только лишились возможностей самостоятельного таможенного оформления, лицензирования и сертифицирования, но и транспортной инфраструктуры. Иными словами, продукция, производимая там, становилась для традиционных рынков неконкурентоспособной. Так приднестровский экспорт постепенно был почти полностью переориентирован в Европу.

Индикатором европеизации приднестровской экономики в этом контексте могут служить внешнеэкономические показатели непри-

знанной республики за последние полтора десятилетия. Так, за годы действия введенного в 2006 году таможенного режима произошла радикальная переориентация приднестровского экспорта. Главным торговым партнером Приднестровья традиционно являлась Россия. Так, например, до 2001 года экспорт Приднестровья в Россию составлял порядка 25–30%, а до 2005 года достиг 40%. В 2006 году при падении в связи с блокадой уровня экспорта в целом на 25% экспорт в Россию составлял почти 50%. И даже в 2007 и 2008 годах доля экспорта Приднестровья в Россию составляла, соответственно, 43% и 40,5%. Теперь одним из главных торговых партнеров Приднестровья является ЕС. На долю Евросоюза в 2020 году пришлось 29,4% всего экспорта¹⁴⁶. Если принять во внимание то, что еще 53,2% приходится на взявшие курс на евроинтеграцию Молдову и Украину, то степень отрыва от российского рынка (на долю РФ приходится только 6,4%) говорит сама за себя.

К настоящему времени под молдавскую юрисдикцию перешли более двух тысяч приднестровских экономических агентов, среди которых и все бюджетобразующие предприятия Приднестровья, как, например «Молдавский металлургический завод», вино-коньячный завод «КВИНТ», текстильная фабрика «Тиротекс» и другие.

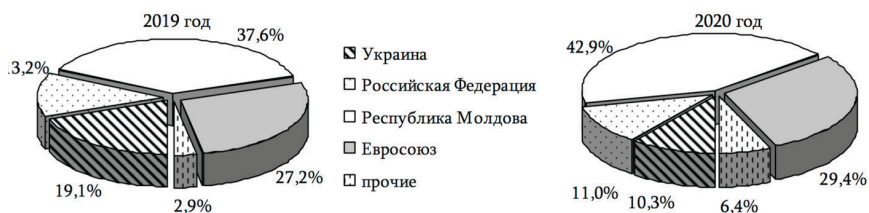

Рис. 1. География экспорта Приднестровья по основным направлениям в 2019–2020 гг., %. Источник: Центральный банк ПМР

¹⁴⁶ Вестник Приднестровского республиканского банка №1'2021, С.7 <https://www.cbpmr.net/data/prbvd242-2.pdf>

К 2014 году экономический контекст оброс двумя новыми для региона конфликта европейскими инициативами — попыткой включить Приднестровье в формируемую подписанным с Молдовой Соглашением об ассоциации зону свободной торговли (Углубленная и всеобъемлющая зона свободной торговли — УВЗС, DCFTA) и поддержкой учреждения на приднестровском сегменте границы с Украиной совместных украинско-молдавских постов таможенного и пограничного контроля. К этому времени, как отмечали в Тирасполе, позиции Брюсселя в регионе существенно усилились, получив дополнительное институционально-правовое закрепление. И хотя Тирасполю удалось выйти на прямые переговоры с Брюсселем о будущем торгово-экономических отношений, настоять на неподключении к УВЗСТ в составе Молдовы и добиться отказа ЕС от идеи прекращения преференциального торгового режима для приднестровских товаров, все же, по мнению экспертов, инструментов воздействия на внешнюю политику Приднестровья у ЕС стало больше.

Почвой таким опасениям служит зависимость экспортно-ориентированного Приднестровья от европейских рынков сбыта и возросший контроль ЕС над экономикой Приднестровья. Важно понимать, что приднестровский конфликт занимает особое место в структуре европейских интересов на постсоветском пространстве.

Трудно не согласиться с Сергеем Маркедоновым в том, что этот конфликт в ЕС рассматривают как противостояние, непосредственно затрагивающее интересы Евросоюза (в том числе в связи с членством в ЕС Румынии и в связи подписанным не так давно Кишиневом Соглашением об ассоциации), и считают его при этом не таким сложным для урегулирования, как конфликты в Закавказье или на Балканах¹⁴⁷.

¹⁴⁷ Маркедонов С. Переговоры в Вене: мед и деготь приднестровского урегулирования / С. Маркедонов // Информационное агентство «Спутник»: официальный сайт издания. — 2017. — 28 ноября [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.sputnik.md/columnists/20171128/15814584/peregovory-vena-pridnestrovskoe-uregulirovanie.html> (дата обращения: 14.03.2021).

Еще в начале девяностых приднестровское урегулирование воспринималось в ЕС как сфера исключительных российских геополитических интересов, а неучастие Евросоюза в этом процессе было анахронично. Разнонаправленные действия РФ и ЕС очевидно не имели бы конструктивного влияния на мирный процесс в рамках приднестровского урегулирования, поэтому объединение усилий в рамках формата «5+2» в целом вполне соответствует логике международного реагирования на кризисы.

ЕС изначально указывал на экономическую природу конфликта в Приднестровье. Поэтому, вовлекаясь в урегулирование как медиатор, Союз открыто позиционировал свои намерения стать одним из важных операторов экономических процессов в регионе конфликта. Однако синхронизация посредничества ЕС и его экономического влияния — предмет для отдельного исследования.

Исследователям еще предстоит изучить то, как Европейский союз преодолел проблемы ограниченного применения финансовых инструментов, связанные как с относительной незрелостью внешней политики ЕС в целом, так и с опасениями относительно последствий прямого взаимодействия с непризнанным государственным образованием. Важно проанализировать значение появившихся в арсенале европейской дипломатии таких новых возможностей и инструментов, как: «Инструмент, вносящий вклад в мир и стабильность» (Instrument contributing to Stability and Peace) или «Европейский фонд демократии» (European Endowment for Democracy). Нужно дополнительно исследовать и то, в какой степени Миссия ЕС по оказанию пограничной помощи Молдове и Украине (EUBAM), начавшая работу в 2005 году, содействовала приднестровскому урегулированию и какой эффект для урегулирования имела политика поддержки мер укрепления доверия, которые ЕС стал финансировать в 2009 году.

Но уже сейчас очевидно, что все эти действия делают политику ЕС в регионе современных конфликтов в существенной степени более гибкой. То же можно сказать и о тактике «вовлечения без признания», которая по предложению Швеции была применена сначала в Абхазии и Южной Осетии, а позже и в Приднестровье. То же ка-

сается и учреждения института Спецпредставителей ЕС, действующих в конфликтной зоне и отчитывающихся непосредственно перед Верховным представителем по иностранным делам и политике безопасности (High Representative for Foreign Affairs and Security Policy/Vice President of the European Commission), а также — о создании специального тематического отдела в Службе внешних действий ЕС, ответственного за политику медиации. Во многом эти новые возможности стали впоследствии более широко применяться благодаря опыту, который ЕС обрел, участвуя в урегулировании конфликта в Приднестровье.

Правильная типологизация конфликта все еще имеет важное значение, так как она важна для выработки инструментария урегулирования конфликта. При этом существует необходимость учета всех элементов конфликта — как имевшихся в основе конфликта, так и возникших в ходе мирного процесса. Конфликт в Приднестровье является по своей сути этнополитическим, относимым к категории «конфликтов идентичности», порожденный правовой неурегулированностью выхода бывших советских республик из СССР, угрозой румынизации Молдовы, стремлением населения Приднестровья, объединенного общей системой ценностей, к самоопределению в форме создания независимого государственного образования.

До недавнего времени все «конфликты идентичности», возникшие на осколках распавшегося СССР в начале девяностых прошлого века, считались успешно «замороженными», и, несмотря на отсутствие окончательного политического урегулирования, в большинстве из них России и ЕС удавалось конструктивно взаимодействовать. Однако активная европеизация отдельных постсоветских государств выдвинула такие конфликты на передний край европейских интересов. Речь, прежде всего, о приднестровском конфликте, который приблизился к европейским границам в 2007 с вступлением Румынии в ЕС. Кроме того, вспыхнул новый конфликт на Востоке Украины. Обострение конфликта в Нагорном Карабахе, в урегулировании которого ЕС представлен Францией и рядом европейских стран, делает проблему «конфликтов идентичности» для европейской дипломатии

еще более актуальной. Представляется, и в России, и в ЕС понимают, что идентичностный и ценностный факторы делают такие конфликты трудноразрешимыми, поэтому усилия сторон, участвующих в урегулировании данного конфликта, должны быть направлены на поиск такого общего знаменателя, в основу которого будут выведены интересы и выгоды конфликтующих сторон, а не ценности, по которым достижение компромисса не представляется возможным. Но, несмотря на такое понимание, вовлечение этих акторов в урегулирование теперь, скорее, похоже на противостояние и углубление конкуренции за расширение своего влияния на пространстве бывшего СССР. Не последнюю роль в этом играют интеграционные проекты — евразийская интеграция и европейская.

Малая интенсивность и эффективность переговорного процесса по Приднестровью дают основания считать, что мотивация сторон в виде поиска компромисса существенно неустойчива. Последнее обстоятельство является причиной проявления инструментального подхода, когда переговоры стали квазипереговорами, а целями переговорного процесса для конфликтующих является не нахождение компромисса, а выигрыш времени и дискредитация другой стороны.

Кроме того, принимая во внимание взаимоотношения сторон, участвующих в этом процессе, и анализ в отдельности российско-украинских, российско-молдавских, румыно-украинских, румыно-молдавских отношений можно говорить о том, что, во-первых, каждая из сторон — участников урегулирования — за годы конфликта нарастила собственный стратегический и геополитический интерес в регионе конфликта. Во-вторых, степень разногласий между сторонами — участниками урегулирования шире, нежели общий интерес. И пока Россия и ЕС продолжают конкурировать друг с другом за влияние в этом регионе, Украина явно отошла от принципов посредника — нейтральности и беспристрастности — и отказалась от ряда обязательств одного из гарантов обеспечения миротворческой операции. Совместная с Молдовой инициатива таможенно-пограничного контроля приднестровского участка границы, по сути, делает Украину еще одной стороной конфликта.

Несмотря на «замороженность», приднестровский конфликт не урегулирован и представляет собой угрозу безопасности. Ситуация в зоне конфликта постоянно балансирует на грани нарушения текущего положения. Это происходит в том числе по причине того, что договоренности, выработанные сторонами конфликта, не подкреплены системой сколько-нибудь эффективных гарантий. В результате нестабильность способствует повышению конфликтного потенциала и углублению лежащих в основе конфликтов противоречий. Одной из основных причин неэффективности процесса по урегулированию конфликта в Приднестровье является полное отсутствие системы гарантий по достигнутым сторонами конфликта договоренностям, выработанной как на уровне стран-гарантов и посредника в переговорном процессе, так и на более широком международном уровне. Отсутствие слаженного гарантийного механизма может и в будущем сводить на нет усилия по урегулированию, представляя все возможности для фактической имитации переговоров, квазиурегулирования и превращения достигаемых соглашений в конъюнктурные декларации для внутреннего, как правило, предвыборного использования политическими элитами сторон конфликта.

Что касается попыток исключения российского контингента из существующего на сегодняшний день миротворческого формата, то успешная реализация таких идей не только ослабит позиции Российской Федерации в регионе этом регионе, что, как представляется, и есть главная цель демонтажа миротворчества. Но это еще и поставит под угрозу стабильность в зоне «замороженного» конфликта и может привести к «разморозке» конфликта. Во-первых, миротворческая операция в свое время создавала условия для начала переговоров. Во-вторых, в формате «5+2» стороны вообще не обсуждают военные вопросы и безопасность. В повестке 2012 года эта так называемая «третья корзина» осталась пуста (в отличие от двух других, по которым стороны согласовали содержание направлений работы). В-третьих, Объединенная контрольная комиссия (руководящий орган МО) — это тоже переговоры, хотя и другого уровня, и это важная часть процесса урегулирования. И, наконец, как показывают

различные соцопросы, возможный демонтаж миротворческой операции воспринимается приднестровцами как угроза, вызов, основание для тревоги и страха.

Кишинев и Тирасполь, как и раньше, по-разному видят свое будущее. Молдова действует в рамках принятого вне переговорного процесса закона, в котором статус Приднестровья уже определен как регион реинтегрированной Молдовы с особым статусом. Приднестровье руководствуется волеизъявлением граждан и готово обсуждать с Молдовой только формат добрососедских равноправных отношений. Вера в возможную победу сохраняется у обеих сторон и снижает мотивацию двигаться к компромиссу.

Консенсуса относительно параметров урегулирования среди политических элит в самой Молдове нет. Приднестровское урегулирование не входит в ключевые приоритеты молдавских властей. Есть и электоральное измерение. Приднестровский вопрос неудобен в контексте не прекращающейся уже более десяти лет сложной внутривнутриполитической борьбы. По различным опросам среди жителей Молдовы Приднестровье не входит даже в десятку вопросов, требующих решения.

Переговорный процесс периодически впадает в режимы «паузы». Такие периоды могут длиться от года-двух до шести лет (как, например, в 2006–2012 гг.). Это каждый раз отбрасывает переговоры назад, приводит к «обнулению» ранее достигнутых результатов. На фоне отсутствия взаимодействия усиливается конфронтация и агрессивная риторика.

Комплекс последствий длительной неразрешенности конфликта в Приднестровье и формирование за 30 лет де-факто независимого государства, не дают возможности надеяться, что статусное решение может быть совместно выработано сторонами конфликта в обозримом будущем. В случае, если подобная договоренность и будет достигнута, это не позволит разрешить конфликт, а может стать только одним из этапов урегулирования.

В сложившихся условиях, учитывая отсутствие точек соприкосновения по возможной будущей модели урегулирования, отсутствие

стратегии урегулирования, недостаточно консолидированный подход внешних акторов, представляется, что сторонам конфликта целесообразно двигаться в рамках начатой в 2012 году «тактики малых шагов». Немаловажно, что последняя стала общим знаменателем в подходе ЕС и России относительно текущего состояния переговорного процесса и горячо поддерживается этими акторами, а также ОБСЕ.

Взаимодействуя «шаг за шагом» по вопросам, не связанным с политической повесткой, стороны способствуют улучшению благосостояния жителей на обоих берегах Днестра, формируют устойчивый диалог, сохраняют прямые связи и контакты, «подпитывают» вспомогательный уровень переговоров — экспертные группы. Все это способствует укреплению доверия и сохраняет дипломатические переговоры, альтернативы которым нет.

Список литературы

1. Алексеева, Т. А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ : учебное пособие / Т. А. Алексеева, А. А. Казанцев. — Москва : Аспект Пресс, 2012. С.157. — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=104334>
2. Арбатова, Н. К. Три измерения постсоветских «замороженных» конфликтов / Н. К. Арбатова // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2019. — Т. 63, № 5. — С. 88–100.
3. Бабилунга, Н. В. и др.. Феномен Приднестровья. — Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. С.11.
4. Бомешко Б. Г. Первая государственность в Приднестровье // *Феномен Приднестровья*. Тирасполь. 2000. С. 51.
5. Бурла М. П. Население Приднестровской Молдавской Республики: научно-справочное пособие / М. П. Бурла. Тирасполь, 2009. — С.3.
6. Вестник Приднестровского республиканского банка №1 '2021, С. 7 URL: <https://www.cbpmr.net/data/prbvd242-2.pdf>
7. Грек, И. Европейский вектор /И.Грек // *Независимая Молдова*. — 2002. — 18 декабря. [Электронный ресурс]: официальный сайт га-

- зеты «Независимая Молдова». — URL: <http://www.nm.md/daily/article/2002/12/18/0101.html>
8. Девятков, А. В. Приднестровский вопрос в политической практике России и Запада / А. В. Девятков // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 3 (79).
 9. Девятков, А. В. Политика России в отношении Приднестровской Молдавской Республики (1992–2009 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 : ист. междунар. отношений и внешней политики / А. В. Девятков ; ТГУ. Н. Новгород, 2010.
 10. Колосов В. Приднестровский конфликт и Россия. — Ростов-на-Дону: Издательство Южно-федерального университета, 2007.
 11. Колосов В. Приднестровский конфликт: сражение идентичностей. Урегулирование будет долгим и трудным / В. Колосов, Д. Заяц // Официальный сайт «Независимой газеты»: http://cis.ng.ru/opinions/2000-11-29/5_konflikt.html
 12. Колосов, В. А. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // В. Колосов, Д. Заяц // Вестник Евразии. — 2001. — №1.
 13. Колосов, В. А. СССР, Российская Федерация и приднестровский конфликт. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2007.
 14. Кюхлер, Ф. Приднестровье может стать разменной монетой в споре ЕС и России / Флориан Кюхлер // Материк : информ.-аналит. интернет-сайт. URL: http://www.materik.ru/pda/rubric/detail.php?ID=7904&SECTION_ID=10.
 15. Майоров, М.В. Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве / М.В. Майоров. — М.: Международные отношения. — 2007.
 16. Маркедонов, С. Стратегическая ошибка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chaskor.ru/article/strategicheskaya_oshibka_12710
 17. Маркедонов, С. Переговоры в Вене: мед и деготь приднестровского урегулирования / С. Маркедонов // Информационное

- агентство «Спутник»: официальный сайт издания. — 2017. — 28 ноября [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.sputnik.md/columnists/20171128/15814584/peregovory-vena-pridnestrovskoe-uregulirovanie.html>
18. Мельниченко В. Зачем нам другие? // Газета «Приднестровье», 2007, № 220, С. 2.
 19. Нарочницкая, Н. Приднестровье — ключ к восточноевропейскому региону / Н. Нарочницкая // Столетие : интернет-газ. URL: http://www.stoletie.ru/tekuschiiy_moment/nataliya_narochnickaya_pridnestrove_kljuch_k_vostochnoevropeskomu_regionu.htm
 20. Никитина Ю.А. Урегулирование «Замороженных региональных кризисов» // Мир и согласие. — М., 2005. — № 4 (25).
 21. Ожиганов Э.Н. Приднестровская Молдавская Республика: до и после референдума 17 сентября 2006 года // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. — 2006. — №20 (308). [Электронный ресурс]: официальный сайт Совета Федерации Российской Федерации: — Режим доступа: http://www.council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/268/index.html
 22. Перепелица Г.Н. Конфликт в Приднестровье: причины, проблемы, прогноз развития / Г.Н. Перепелица [Электронный ресурс]: официальный сайт национального института стратегических исследований Украины. Киев. — 2001. С. 12. — Режим доступа: <http://old.niss.gov.ua/book/Perep/index.htm>
 23. Тишков В. Конфликт в сложных обществах. Введение к русскому изданию / Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергховского центра / пер. с англ. яз.; ред. В. Тишков, М. Устинова. — М.: Наука, 2007.
 24. Фурман Д. Е., Батог К. Молдова: молдаване или румыны? // Современная Европа. 2007. №3 (31).
 25. Харитоновна Н.И. Международно-политическое измерение приднестровского конфликта: стратегические подходы к урегулированию. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва, 2019.

26. Хрусталеv М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: МГИМО-НОФМО.
27. Шевчук Н. В. Приднестровье и Молдова: европеизация урегулирования // Проблемы стран постсоветского пространства, Центральной и Юго-Восточной Европы: сборник научных статей. Вып. 2. - Воронеж: ИД ВГУ, 2018.
28. Штански Н.В. Особенности урегулирования «конфликтов идентичности»: казус Приднестровья. // Международные процессы. — 2014. — № 1 — 2.
29. Штански Н.В. Становление «новой» постсоветской идентичности в ... на примере Приднестровья // Безопасность Евразии. 2008. № 2
30. Штански Н. Политика России в процессе нормализации молдавско-приднестровских отношений: анализ экспертных оценок. Проблемы национальной стратегии. 2012. 4.
31. Beyer, John; Wolff, Stefan (2016) Linkage and leverage effects on Moldova's Transnistria problem, *East European Politics*, 32:3, 335-354, DOI: 10.1080/21599165.2015.1124092
32. Brown, Stephen. 2014. "EU must ensure Moldova isn't the next Crimea, Juncker says." Reuters (March 22), at www.reuters.com/article/us-ukraine-crisis-moldova-idUSBREA2L0JN20140322
33. Buckley, Neil, and Christian Oliver. 2014. "Moldova warns against Russia grab for Trans"
34. Cristescu, R. & Matveev, D. Peacebuilding and Conflict Prevention in Moldova: the role of the EU (2011). <http://www.eplo.org/assets/files/2>
35. Esman M.J. *International Organizations and Ethnic Conflict*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994.
36. Fouere, Erwan. OSCE's efforts to resolve the conflict. p. 57. "Frozen conflicts" in Europe. Anton Bebler (ed.). [Электронный ресурс]. URL: https://www.jstor.org/stable/j.ctvdf0bmg.8?seq=1#metadata_info_tab_contents
37. Gurr T.R. *Minorities at Risk: Global View of Ethnolitical Conflicts*. Washington, DC: USIP Press, 2003.

38. Istomin, Igor; Bolgova, Irina (2016) Transnistrian strategy in the context of Russian–Ukrainian relations: the rise and failure of ‘dual alignment’, *Southeast European and Black Sea Studies*, 16:1, 169-194, DOI: 10.1080/14683857.2016.1148412
39. Kazantsev, Andrei A.; Rutland, Peter; Medvedeva, Svetlana M.; Safranchuk, Ivan A. (2020) Russia’s policy in the “frozen conflicts” of the post-Soviet space: from ethno-politics to geopolitics, *Caucasus Survey*, 8:2, 142-162, DOI: 10.1080/23761199.2020.1728499
40. King Ch. *Post-Soviet Moldova: A Borderland in Transition* / Charles King / *Post-Soviet Business Forum*. London : Russian and CIS Programme, Royal Inst. of International Affairs, 1995.
41. Lynch, D. Russia’s strategic partnership with Europe. *The Washington Quarterly*. 2004. №27. P. 99-118. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1162/016366004773097731?needAccess=true>
42. Rogstad, Adrian. 2012. “Imperialistisk plan eller post-imperialistisk refleks? Russlands Transnistriapolitikk revurdert” (Imperialist plan or post-imperialist reflex? Re-assessing Russia’s Transnistria policy)
43. Wilson, Andrew. 2014. *Ukraine Crisis: What it Means for the West*. New Haven: Yale University Press. *Nordisk Østforum* 26, no. 1: 31-52.

§ 2.2. СОТРУДНИЧЕСТВО РФ И ЕС С ПРИДНЕСТРОВЬЕМ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кузьмина Елена Михайловна

Экономическое взаимодействие России с Приднестровьем нельзя рассматривать только с точки зрения двусторонних отношений. Это связано со многими причинами. Важным фактором является ассоциация Республики Молдова с ЕС. В соглашении 2016 г. об ассоциации прописано, что ее правоприменение распространяется на всю территорию Республики Молдова, т. е. и на Приднестровье. Более того, ПМР имеет те же условия Зоны свободной торговли с Евросоюзом, что и РМ. Это способствует интенсивному развитию торговли с ЕС. Другим фактором стали негативные отношения ЕС и России и существующие взаимные санкции. Одновременно, Украина, запретила транзит по своей территории приднестровских товаров без молдавских сопроводительных документов, почти перекрыв их доступ на российский рынок. Третий фактор — уровень отношений России с Молдовой. Если при президенте И. Додоне Молдова стала наблюдателем в ЕАЭС и ряд вопросов экономического взаимодействия двух стран (молдавские мигранты доступ на российский рынок и т.п.) стали решаться более позитивно, то вопрос статуса Приднестровья не затрагивался. А именно это по мнению Кишинева является основной проблемой для развития как российско-молдавских, так и российско-приднестровских отношений.

В экономическом плане Тирасполь так же, как и Кишинев, находится между Россией и ЕС. Так, в 2020 г. внешнеторговый оборот с Россией составил 473,5 млн долл., или 28,09% от общего объема торговли. Внешнеторговый оборот с ЕС — 426,1 млн долл или 25,02%.¹⁴⁸ Следует отметить, что с 2016 г. торговля с ЕС постоян-

¹⁴⁸ Внешняя торговля ПМР по основным странам и группам стран за 2020 г. // Таможенный комитет Приднестровской Молдавской республики. Офиц. сайт. 14.01.2021. URL: <https://customs.gospmr.org/2014-3.html> (дата обращения - 07.02.2021)

но растет, а с Россией уменьшается. Причины такого положения дел были описаны выше.

Качество экономического взаимодействия Приднестровья с Россией так же можно проследить по структуре его торговли. Российский импорт в Приднестровье остается крупнейшим и в 2020 г. составил 38,3 % совокупного импорта, или 403,6 млн долл. в стоимостном выражении. Россия поставляет в республику топливно-энергетические товары (76,1 % импорта), металлы и изделия из них (5,2%), машиностроительную продукцию (5,2%), а также продукцию химической и связанных с ней отраслей промышленности (4,9%).¹⁴⁹

Другими крупнейшими партнерами являются Украина — 15,8 %, или 165,9 млн долл.¹⁵⁰, Молдова — 11,0 %, или 115,8 млн долл.¹⁵¹ и Румыния — 10,1 %, или 106,2 млн долл.¹⁵²

В экспорте значимые партнеры те же, однако Россия имеет лишь третье место после Молдовы и Румынии. Ее доля в 2020 г. составила 11,0 %, или 69,9 млн долл. Большая часть приднестровского экспорта идет в Молдову (42,9 % совокупного экспорта, или 271,8 млн долл. в 2020 г.) и Румынию (14,9 %, или 94,4 млн долл.).

Значительно разнятся товары, которые поставляются в эти страны. В Россию поставляются машиностроительная продукция (29,2 % в структуре поставок), металлы и изделия из них (15,5%), продовольственные товары и сырье (14,1%), продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности (10,2%), товары легкой

¹⁴⁹ Результаты внешнеэкономической деятельности ПМР по итогам 2020 года. // Министерство экономического развития ПМР. Офиц. сайт. 18.01.2021. URL: <http://mer.gospmr.org/novosti/2021-god/yanvar/rezultaty-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-pmr-po-itogam-2020-goda.html> (дата обращения — 17.02. 2021)

¹⁵⁰ Продовольственные товары и сырье (33,8 %), металлы и изделия из них (13,0%), продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности (12,6%), машиностроительная продукция (14,0%).

¹⁵¹ Металлы и изделия из них (более 50 %), машиностроительная продукция (7,7%), фармацевтическая продукция (4,6%), продукции химической и связанных с ней отраслей промышленности (5,4%), продовольственные товары и сырье (12,7%).

¹⁵² Металлы и изделия из них (69,3 %), топливно-энергетические товары (20,3%), продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности (3,8%).

промышленности (25,7%). В то время как в Молдову экспортируются топливно-энергетические товары (58,8% молдавского экспорта), минеральные продукты (14,5%), металлы и изделия из них (13,6%), продовольственные товары и сырье (11,7%), а в Румынию — металлы и изделия из них (порядка 94%).¹⁵³ Таким образом, если в Россию проставляется весь спектр производимой в республике продукции, то к первым двум торговым производителям в основном идет сырье и энергетические товары.

Вместе с тем Россия серьезно поддерживает экономику и население Приднестровья.

Так, с 2008 по 2019 годы российскую финансовую поддержку получил 191 представитель АПК и малого предпринимательства республики. Это больше 1 млрд 250 млн рублей и 533 тыс. евро. На развитие 5596 личных подсобных хозяйств получили свыше 56 млн рублей ПМР кредита или беспроцентного займа. Кроме этого, поддержка оказывалась в рамках государственной программы «Развитие и поддержка малого предпринимательства в ПМР». Беспроцентные займы или кредиты получили 30 представителей малого бизнеса на сумму почти 23,5 млн рублей.¹⁵⁴

А в январе 2021 г. в республику поступила российская гуманитарная помощь в размере 90 млн руб. на поддержку аграриев, которые понесли серьезные потери от жесточайшей засухи 2020 г. Эта помощь адресная и безвозвратная.¹⁵⁵ Это позволит восстановить сельскохозяйственные мощности, а значит, и придаст импульс перерабатываю-

¹⁵³ Результаты внешнеэкономической деятельности ПМР по итогам 2020 года. // Министерство экономического развития ПМР. Офиц. сайт. 18.01.2021. URL: <http://mer.gospmr.org/novosti/2021-god/yanvar/rezultaty-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-pmr-po-itogam-2020-goda.html> (дата обращения — 17.02. 2021)

¹⁵⁴ Взаимодействие России и Приднестровья в сфере экономики. // Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики. Офиц. сайт. 27.10.2020 URL: <http://www.vspmr.org/news/supreme-council/9734.html>

¹⁵⁵ Приднестровье получило гуманитарную помощь РФ для поддержки аграриев. // Новости Приднестровья. 12.01.2021. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/21-01-12/pridnestrove-poluchilo-gumanitarnuyu-pomoshch-rf-dlya-podderzhki> (дата обращения - 20.02.2021).

щей промышленности республики. Наиболее важной задачей сейчас становится восстановление мелиоративного комплекса ПМР.

Благодаря помощи РФ с 2008 г. пенсионерам республики ежемесячно платится надбавка.¹⁵⁶

Важной составляющей в экономическом взаимодействии России с Приднестровьем и Молдовой является топливно-энергетический комплекс. Приднестровье имеет с Молдовой единую газотранспортную систему. Они получают газ из магистрального газопровода «Союз», который поставляет из России газ через Украину сначала на территорию Приднестровья, затем в Кишинёв и далее на юг республики. ГТС на этих территориях обслуживает АО «Молдовагаз», которое на 50% принадлежит «Газпрому», а вторая половина акций разделена между правительством Молдовы (35,33%) и администрацией Приднестровья (13,44%).

Такая система доставки не устраивает Молдову, и она ищет варианты диверсификации поставок газа в республику, минуя ПМР. Но все существующие варианты либо могут обслуживать лишь часть территории страны, либо значительно дороже действующей ГТС. В настоящее время наиболее вероятным резервным вариантом для республики, по мнению специалистов, являются реверсные поставки газа по трансбалканскому коридору (с использованием возможностей «Турецкого потока») через Болгарию и Румынию.¹⁵⁷ Однако для данной системы поставок необходима модернизация газотранспортной инфраструктуры Молдовы. Инвестиции на это республика предполагает получить от Евросоюза.

Энергоснабжение Приднестровья же полностью зависит от контрактов на транспортировку между Россией и Украиной. Невозможность получать газ из России по низким ценам станет серьезным давлением на экономику республики и даст возможность

¹⁵⁶ Российский транш на надбавки пенсионерам поступил в Приднестровье. // ИА REGNUM. 09.12.2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3137022.html> (дата обращения — 20.02.2021)

¹⁵⁷ См. подробнее. Лавренов С. Новый этап газовых отношений России и Молдавии. // Геоэкономика энергетики. 2020, №1, с.41-

политического давления со стороны Кишинева при поддержке Киева и Брюсселя.

Самой сложной энергетической проблемой в треугольнике Россия — ПМР — Молдова стала задолженность за газ. Приднестровье имеет минимальные тарифы на газ. В основном российский газ потребляет Молдавская ГРЭС в Днестровске, которая принадлежит «Интер РАО». Эта электростанция обеспечивает порядка 80% потребления электроэнергии в Молдове. Однако в силу слабости экономики Тирасполь не осуществляет платежи за газ. А электроэнергию Кишинев оплачивает. По состоянию на середину 2020 г. долг Приднестровья за российский газ составлял без малого 6,9 млрд долл. из 7,3 млрд совместного с Молдовой долга за газ.¹⁵⁸

Такая значительная задолженность накопилась к Приднестровья с 2006 г. Но его долг консолидирован с молдавским, т.е. не делится на молдавскую и приднестровскую части, т.к. транспортировкой и продажей газа занимается единый оператор — компания «Moldovagaz».

Разрешить вопрос газовых долгов пытаются уже более 10 лет. С 2008 г. «Газпром» выигрывает международные суды по долгам Moldovagaz, опираясь на Закон Республики Молдова № 173 от 22 июля 2005 г. «Об основных положениях особого правового статуса населённых пунктов левобережья Днестра (Приднестровья)», которым «Приднестровье является неотъемлемой составной частью Республики Молдавия»¹⁵⁹.

Но официальный Кишинёв не признаёт эту задолженность. Это предоставляет «Газпрому» формально юридическое основание взыскивать с компании накопленные долги. Международный ком-

¹⁵⁸ Проценко Н. Долговой пат в молдавском газовом тупике. // Нефть и капитал. 01.12.2020. URL: <https://oilcapital.ru/article/general/01-12-2020/dolgovoy-pat-v-moldavskom-gazovom-tupike>

¹⁵⁹ Закон № 173 от 22 июля 2005 г. «Об основных положениях особого правового статуса населённых пунктов левобережья Днестра (Приднестровья)» URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&id=313004&lang=2&view=doc>, дата обращения 05.02.2020.

мерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации уже выносил постановление о взыскании долга с Moldovagaz.

Хотя в 2011 г. российско-молдавская межправительственная комиссия договорилась разделить контракты, а значит, и долги на поставки газа в Молдову и Приднестровье. Однако соглашение так и не было подписано.

Другой проблемой, связанной с газовыми долгами, стало уменьшение поступлений в Молдову от транзита российского газа через её территорию, которые компенсировали затраты и долги. Это связано и с сокращением объемов транзита, и с изменением условий транзитного контракта между Москвой и Киевом на поставки газа в Молдову.

Учитывая, что РМ стремится присоединиться к Третьему энергетическому пакету Евросоюза, вопрос о оплате долгов в ближайшей перспективе станет еще более остро. Газпром, исходя из действующего международного права, при решении долговых вопросов, может затормозить процесс интеграции молдавской энергетической системы в общеевропейскую.

Таким образом, Россия и Приднестровье имеет определенные экономические связи. РФ также оказывает значительную помощь экономике республики. Однако для укрепления и развития экономического сотрудничества Российской Федерации и Приднестровской Молдавской республики сегодня существует достаточно негативная международная экономическая среда вокруг Приднестровья. С политической точки зрения краеугольным препятствием становится статус ПМР. Все эти вопросы возможно решить лишь путем переговоров и принятия совместных решений в различных форматах: Россия — ЕС, РФ — Молдова. В перспективе вопросы экономического сотрудничества возможно будет обсуждать в многостороннем формате, например ЕС — ЕАЭС.

Список литературы

1. Взаимодействие России и Приднестровья в сфере экономики. // Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики.

- Офф. сайт. 27.10.2020 URL: <http://www.vspmr.org/news/supreme-council/9734.html>
2. Взаимодействие России и Приднестровья в сфере экономики. // Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики. Офф. сайт. 27.10.2020 URL: <http://www.vspmr.org/news/supreme-council/9734.html>
 3. Внешняя торговля ПМР по основным странам и группам стран за 2020 г. // Таможенный комитет Приднестровской Молдавской республики. Офф. сайт. 14.01.2021. URL: <https://customs.gospmr.org/2014-3.html> (дата обращения - 07.02. 2021)
 4. Лавренюк С. Новый этап газовых отношений России и Молдавии. // Геоэкономика энергетики. — 2020. — №1. — С. 41.
 5. Приднестровье получило гуманитарную помощь РФ для поддержки аграриев. // Новости Приднестровья. 12.01.2021. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/21-01-12/pridnestrove-poluchilo-gumanitarnuyu-pomoshch-rf-dlya-podderzhki> (дата обращения — 20.02.2021).
 6. Приднестровье получило гуманитарную помощь РФ для поддержки аграриев. // Новости Приднестровья. 12.01.2021. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/21-01-12/pridnestrove-poluchilo-gumanitarnuyu-pomoshch-rf-dlya-podderzhki> (дата обращения — 20.02.2021).
 7. Проценко Н. Долговой пат в молдавском газовом тупике. // Нефть и капитал. 01.12.2020. URL: <https://oilcapital.ru/article/general/01-12-2020/dolgovoy-pat-v-moldavskom-gazovom-tupike>
 8. Результаты внешнеэкономической деятельности ПМР по итогам 2020 года. // Министерство экономического развития ПМР. Офф. сайт. 18.01.2021. URL: <http://mer.gospmr.org/novosti/2021-god/yanvar/rezultaty-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-pmr-po-itogam-2020-goda.html> (дата обращения — 17.02. 2021)
 9. Результаты внешнеэкономической деятельности ПМР по итогам 2020 года. // Министерство экономического развития ПМР. Офф. сайт. 18.01.2021. URL: <http://mer.gospmr.org/novosti/2021-god/yanvar/rezultaty-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-pmr-po-itogam-2020-goda.html> (дата обращения — 17.02. 2021)

10. Результаты внешнеэкономической деятельности ПМР по итогам 2020 года. // Министерство экономического развития ПМР. Офиц. сайт. 18.01.2021. URL: <http://mer.gospmr.org/novosti/2021-god/yanvar/rezultaty-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-pmr-poitogam-2020-goda.html> (дата обращения — 17.02. 2021)
11. Российский транш на надбавки пенсионерам поступил в Приднестровье. // ИА REGNUM. 09.12.2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3137022.html> (дата обращения — 20.02.2021)
12. Российский транш на надбавки пенсионерам поступил в Приднестровье. // ИА REGNUM. 09.12.2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3137022.html> (дата обращения — 20.02.2021)

§ 2.3. КОНФЛИКТ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ: РОССИЯ И ЕС. ВОЗМОЖНО ЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО?

Михеева Наталия Михайловна

Традиционно конфликту на Украине уделяется большое внимание как отечественными, так и зарубежными политиками, исследователями, экспертами по постсоветскому пространству, общественными деятелями.

Несмотря на то, что с начала вооруженного конфликта на Украине прошло более семи лет, а с момента заключения Минских соглашений минуло шесть лет, принципиальных и ощутимых позитивных изменений в процессе урегулирования не наблюдается. До сих пор существует большое разнообразие подходов к трактовке собственно причин конфликта, актуален вопрос о сторонах-участниках конфликта, в довольно общих чертах представляются возможные модели урегулирования.

Собственно, как в феврале-марте 2014 г., так и сегодня очевидны принципиально различные позиции Украины в лице ныне действующих властей, стран Европейского Союза, США, да и собственно всех государств, поддерживающих позицию коллективного Запада, с одной стороны, и России, Донецкой народной республикой и Луганской народной республикой — с другой. Фактически за семь лет ни стороны конфликта, ни страны, взявшие на себя обязанности посреднической деятельности, не смогли принципиально продвинуться в сближении позиций. Несмотря на череду смен правительств на Украине в последние годы, возможность создания федеративного устройства государства с предоставлением расширенных полномочий отдельным территориям представляется невозможным для властей Украины шагом на пути урегулирования, также как и признание потери части территории, связанной с вхождением республики Крым и Севастополя в состав Российской Федерации.

Очевидно, что украинская сторона довольно эффективно использует сложившуюся геополитическую ситуацию в своих интересах, рассматривая конфликт как фактор развития сотрудничества с западными коллегами — странами ЕС, США и др. На сегодняшний день очевидно, что Украина заинтересована в сохранении напряженной ситуации в зоне конфликта и эффективно использует ее как для получения дополнительной финансовой помощи, так и для формирования западно-подобных политической и экономической систем в стране, что в дальнейшем создаст хорошую основу для интеграции её в ЕС, и в целом в западное сообщество.

Повышенное внимание всех государств к ситуации в зоне конфликта, не ослабевающее уже семь лет, связано с тем, что гражданская война на Украине, добровольный переход Крыма и Севастополя под юрисдикцию РФ поставили много вопросов перед всем мировым сообществом. Многие из этих вопросов не имеют однозначных ответов. Как согласуется принцип нерушимости границ, впервые провозглашенный в 1970 г. в договоре СССР и ФРГ, а в дальнейшем закрепленный в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г. и решениями Парижской конференции 1992 г. с правом наций на самоопределение, декларируемом в Уставе ООН? Имеет ли легитимное право население отдельных территорий, не признающее новых политических лидеров, пришедших к власти в результате государственного переворота, право на самоопределение, государственную независимость и поддержку мировым сообществом. Есть ли в арсенале современных государств возможности борьбы с сепаратизмом, позволяющие учитывать интересы не только признанного национального государства, но части его населения, стремящегося к автономии и самостоятельности? Не продавливание позиции национального центра, как это было в Великобритании в 2015 г., Испании в 2016 г., в Ираке в 2014 г., а поиск варианта, учитывающего интересы всех сторон — и центрального правительства и население территорий, стремящихся к самостоятельности. Какова мера вмешательства отдельных государств и представителей мирового сообщества в лице структур

ООН или региональных организаций во внутренние дела государства? Возможно ли применение военной силы, оказание военно-технической помощи со стороны внешних акторов одной из сторон внутригосударственного конфликта (что, по сути, приводит к вовлечению в гражданскую войну)? Существуют ли в современной международной системе эффективные модели стабилизации подобных конфликтных ситуаций?

Конфликт на Украине и попытки его стабилизации очевидно продемонстрировали, что уже невозможно подходить к анализу современных конфликтных ситуаций с позиций, сформировавшихся и ставших нормами международного права в XX в. Та самая турбулентность мировых политических и экономических процессов, о которой много говорили и которую до сих пор обсуждают как зарубежные, так и отечественные исследователи, политические и общественные деятели, создала новые мирополитические условия, требующие принципиально новых решений. Интенсивное развитие интеграционных процессов, в которых европейский регион является очевидным лидером, не всегда приносит позитивные результаты. А в определенной ситуации эти процессы могут стать катализатором тех кризисных явлений, которые присутствуют внутри государства, резко обострить те геополитические противоречия, которые есть в регионе, в данном случае в Восточной Европе, стать причиной конфронтации глобального масштаба.

Конфликт на Украине, в центре Европы¹⁶⁰, поставил перед мировым сообществом много вопросов принципиального характера, стал своеобразным поворотным пунктом в отношениях России и коллективного Запада, очевидно оказал влияние на трансформации систем политического, экономического, гуманитарного сотрудничества не только в Европе, но и в мире в целом. Мир разделился на государства, поддерживающие санкции против России или вынужденные их учитывать, и государства, имеющие возможности их

¹⁶⁰ Согласно одной наиболее устоявшейся версии деревня Деловое на западной Украине является географическим центром Европы как части света.

игнорировать. Раздел оказался явно непаритетным, и не в пользу РФ. Неожиданно нагрянувшая пандемия Covid-19 в значительной степени обострила ситуацию и, к сожалению, не подтолкнула государства и международные структуры к более прагматичному сотрудничеству.

Причины украинского конфликта: различия в подходах

Несмотря на то, что с начала конфликта прошло более семи лет, между российскими и зарубежными исследователями, политическими деятелями нет общего мнения о причинах конфликта. Большинство зарубежных исследователей причины конфликта видят в агрессии РФ («поддержка повстанцев в Луганске и Донецке», «аннексия Крыма») и в стремлении сохранить Украину в сфере российского влияния. С. Куделя, обобщая мнения значительной части западных экспертов, отмечает схожесть их позиций в том, что «вооруженный конфликт на Донбассе стал результатом скрытой российской военной агрессии против Украины, и что противостоящие украинскому правительству силы не пользуются широкой поддержкой среди местного населения региона»¹⁶¹. С. Пайфер, Дж. Хербст, Тайлор В., бывшие в разное время послами США на Украине в статье, опубликованной в апреле 2014 заявляли о прямом управлении вооруженным формированиями в «восставших областях» из России¹⁶². С. Пайфер в 2017 г., освещая инициативу В. Путина привлечь миротворческой контингент ООН для контроля ситуации на линиях столкновения в Донбассе отмечает, что «Кремль в течение некоторого времени предпочитал тлеющий конфликт на Донбассе как средство давления на правительство в Киеве и под-

¹⁶¹ Куделя С. Внутренние источники вооруженного конфликта на Донбассе//Россия в глобальной политике. 03.01.2015 <https://globalaffairs.ru/articles/vnutrennie-istochniki-vooruzhennogo-konflikta-na-donbasse/> (дата обращения 02.03.2021)

¹⁶² Pifer S., Herbst J, Taylor W. Does Putin Want a War? <https://nationalinterest.org/feature/does-putin-want-war-10305> (дата обращения 02.03.2021)

рыва его»¹⁶³. «Агрессия Москвы в Крыму и на Донбассе — после войны в Грузии — представляет собой первый случай, когда крупная держава вела войну в Европе с 1945 год» — считает Дж. Хербст, анализируя деятельность НАТО как ведущей миротворческой силы в мире в Европе и предполагая участие альянса в урегулировании конфликта уже в наши дни¹⁶⁴.

Приходится признать, что в целом в мировом сообществе при освещении конфликта утвердилась риторика, в которой четко указывается на непосредственное участие России в конфликте. Приведем лишь несколько цитат, наглядно свидетельствующих об этом. «При анализе ситуации по этапному прекращению огня в зоне конфликта в 2016 г. эксперты отмечают, что *поддерживаемые Россией* войска не проявляли никаких попыток вывода или освобождения территорий»¹⁶⁵. На официальном сайте Франции в разделе, посвященном ситуации, на Украине следующим образом описывается ситуация в апреле-мае 2014 г.: «на востоке Украины началась операция по дестабилизации. *Вооруженные группы* в форме без опознавательных знаков, *контролируемые Россией*, оказывали содействие манифестантам, призывающим к независимости восточных областей. 11 мая фактические государственные образования «Донецкая народная республика» (ДНР) и «Луганская народная республика» (ЛНР) провозгласили себя независимыми по результатам «референдумов». Это голосование, проведенное без соблюдения основных положений украинского законодательства и с многочисленными нарушениями, было расценено Украиной как незаконное и не было признано международным сообществом (в том числе Российской

¹⁶³ Pifer St. Test Putin's Proposal for UN Peacekeepers <https://nationalinterest.org/feature/test-putins-proposal-un-peacekeepers-22254> URL: <https://ru.euronews.com/2019/10/04/ru-steinmeier-formula-explainer> (дата обращения 02.03.2021)

¹⁶⁴ Herbst J. Think Again on Ukraine January 17, 2020 URL: <https://nationalinterest.org/profile/john-herbst> (дата обращения 02.03.2021)

¹⁶⁵ «Тенденции и наблюдения Специальной мониторинговой миссии в Украине», ОБСЕ, 2014–2020 гг

Федерацией)»¹⁶⁶. International Crisis Group однозначно оценивает роль России в конфликте: «Военное вмешательство России на территорию своего соседа было предпринято в значительной степени для того, чтобы гарантировать, что Украина не будет соответствовать западным институтам экономики и безопасности»¹⁶⁷. «Народное восстание, которое привело к свержению в 2014 году тогдашнего Президента Украины Виктора Януковича»¹⁶⁸

Стоит отметить, что ряд зарубежных исследователей видит истинные причины конфликта не только как результат действия России в марте-апреле 2014 г., а прежде всего во внутренних проблемах: «чтобы понять причины украинской революции 2013–2014 годов и последующие за ней события, необходимо иметь в виду то, что к 2014 году процесс построения постсоветской украинской государственности зашел в тупик»¹⁶⁹. Баррет Р., анализируя влияния западных институтов, агентов и особенностей культуры на формирование политической элиты на Украине, отмечает, что большое влияние на раскол в обществе оказал значительный контраст между западноориентированной частью населения с теми, кто опирался на российские подходы к внешней политике, что и стало основной причиной событий весны 2014 г.¹⁷⁰

В России среди экспертов тоже не сформировалось единого подхода в анализе причин конфликта. В.Н. Чернега, консультант Совета Европы и ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН придерживает-

¹⁶⁶ Situation in Ukraine - What is France doing? // <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/security-disarmament-and-non-proliferation/crises-and-conflicts/ukraine-7904/> (дата обращения 02.03.2021)

¹⁶⁷ Peace in Ukraine I: A European War//Pool via REUTERS REPORT 256 / Europe & Central Asia 27 April 2020г. <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/eastern-europe/ukraine/256-peace-ukraine-i-european-war> (дата обращения 02.03.2021)

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Грицаенко О. Украинский кризис: взгляд изнутри//Russie.Nei.Virion. №78, 2014, P.9 https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv78_ukraine_oleg_grytsaienko_june_2014_rus_0.pdf(дата обращения 02.03.2021)

¹⁷⁰ Barrett R. Reform in Ukraine and the Influence of Foreign Actors after Euromaidan// Laboratorium. 2018. 10(2), P. 80–103

ся мнения, что: «В России, в зависимости от политической заангажированности, близости или удаленности от Кремля, аналитики до сих пор оценивают эти события по-разному: как народную революцию, как националистический и прозападный государственный переворот или просто как результат деятельности западных спецслужб»¹⁷¹.

Большинство российских исследователей обращают внимание, что причинами конфликта являются прежде всего внутренние противоречия в украинском обществе, которые во многом обусловлены историей развития государственности этих территорий. Безусловно, именно значительные различия в культурно-ментальном самосознании между населением восточной и западной частями страны, языковые предпочтения (родной язык — русский или украинский) стали базисом для начала раскола в обществе. А неудачные практики «украинизации» населения, вызвавшие рост национализма в одной части украинского общества и консолидировавшие на борьбу за свои права — другую часть, привели к резкой поляризации политических настроений в стране, нестабильности партийной системы, частым сменам парадигм ведущих политических партий, приходу к власти презентов с кардинально различными как внешними, так и внутренними приоритетами развития страны¹⁷². В условиях парламентского-президентского государственного строя это создало крайне нестабильную политическую ситуацию, что отразилось и темпах экономического развития, инвестиционной привлекательности ведущих отраслей экспорта, падению уровня жизни населения, увеличению разрывов доходов между различными социальными группами. Украина, обладая очевидными географическими преимуществами: находясь в центре Европы, обладая значимым транзитным потенциалом, богатыми природными ресурсами, востребованными как на российском рынке, так и на рынках европейских стран — именно в силу внутривнутриполитической нестабильности

¹⁷¹ Чернега В.Н. Конфликт на Украине: Причины, перспективы урегулирования// Актуальные проблемы Европы, 2020, №2, С.50 DOI: 10.31249/ape/2020.02.02(дата обращения 02.03.2021)

¹⁷² Работяжев Н., Соловьев Э. Украинский кризис: между политикой идентичности и геополитикой // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 3. С. 9-28

не смогла выстроить систему дружественных и равноправных отношений как с РФ, так и ЕС. Поэтому любые развороты с сторону России или Европы вызывали волнения в обществе, вели к большей их поляризации; так было в 2004 г., так произошло и в 2014 г. «Майданная революция» в феврале 2014 г. завершившаяся приходом к власти прозападных и националистических сил, усугубила этот раскол», справедливо отмечает В.Н. Чернега¹⁷³.

Конфликт на Востоке Украины: гражданская война или геополитический конфликт

Довольно часто ситуацию юго-восточной части Украины представляют, как гражданскую войну между центральной властью и повстанцами/боевиками юго-восточной части государства. При этом большая часть западно-ориентированного экспертного сообщества представляют характер интернационализации конфликта довольно однобоко — либо как поддержку населения юго-восточной Украины со стороны России, либо как российскую поддержку (военно-техническую и финансовую) повстанческих формирований на Востоке страны. При этом очевидные факты и поддержки и непосредственного вмешательства со стороны европейских стран и США умышленно замалчиваются. На самом деле сложность выработки приемлемой модели урегулирования ситуации заключается в том, что суть конфликта — борьба за контроль над территорией Украины. При этом важное значение имеет контроль прежде всего в экономической и идеологической сферах, как наиболее эффективный метод обеспечения безопасности в современном мире. Вовлечение Украины в сферу влияния западных структур стало основной причиной столкновений интересов государств и объединений (в первую очередь, Европейского союза) Европы с интересами России.

¹⁷³ Чернега В.Н. Конфликт на Украине: Причины, перспективы урегулирования// Актуальные проблемы Европы, 2020, №2, С.42 DOI: 10.31249/ape/2020.02.02(дата обращения 02.03.2021)

Очевидно, что для России конфликт на Украине является геополитическим. «Кризис на Украине возник не на пустом месте, и уж точно не по вине России. Во многом он был спровоцирован Западом, который использовал растущее в украинском обществе недовольство и протестные настроения для отрыва страны от России, создания на наших юго-западных рубежах источника постоянной напряженности»¹⁷⁴ С самых первых дней зарождения конфликта на юго-востоке Украины весь ход событий как в России, так и в Европе оценивался сквозь призму противостояния РФ и коллективного Запада. Стремление части украинского общества в 2013 г. к подписанию Соглашения об ассоциации с Евросоюзом рассматривалось не только как прагматичный шаг к новым возможностям стабилизации экономической ситуации в стране, получения значительных траншей от финансовых фондов ЕС, которые действительно были получены после подписания Соглашения, вступившего в силу с 1 января 2016 г., но и как разворот в сторону западных структур, снижение уровня сотрудничества с РФ, странами СНГ. Неслучайно вопрос о статусе русского языка был поднят одним из первых. Практики сотрудничества в рамках Восточного партнёрства и Индивидуального плана партнерства с НАТО во втором десятилетии XXI в. стали приносить положительные результаты сближения Украины с западными структурами. Оценивая возможные варианты урегулирования конфликта через семь лет после его начала, наши зарубежные коллеги из Crisis Group отмечают: «Усилия по установлению мира в Украине путем решения проблем присущих только Украине не будут иметь успеха, поскольку причины конфликта носят как локальный, так и геостратегический характер»¹⁷⁵.

¹⁷⁴ Об урегулировании кризиса на Украине//официальный сайт МИД РФ, <https://www.mid.ru/ru/situacia-na-ugo-vostoke-ukrainy> (дата обращения 02.03.2021) (дата обращения 02.03.2021)

¹⁷⁵ Мир в Украине I: Европейская война. Европейский отчет № 256 //Headquarters International Crisis Group 28 апреля 2020 года <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/eastern-europe/ukraine/256-peace-ukraine-i-european-war> (дата обращения 02.03.2021)

С. Маркедонов, оценивая геостратегическое значение Украины, отмечает её значение для европейской безопасности. Сам факт появления Украины как самостоятельного государства после распада СССР стал «одним из самых важных изменений в европейской политической географии после 1945 года»¹⁷⁶. Между территориями, принадлежавшими в прошлом к разным блоковым коалициям, появилось государство — второе по размеру территории и седьмое по численности (не учитывая населения Крыма) в Зарубежной Европе. Очевидно, что только сильное руководство государства может найти баланс в ориентации между западным и восточным внешнеполитическими приоритетами. Фрагментация Украины, территория которой отчасти исторический компромисс, это реальная угроза безопасности всего региона, сопоставима с последствиями распада СФРЮ. Газовый транзит в Европу из России, базирование черноморского ВМФ РФ (до присоединения Крыма) создавали потенциал усиленного внимания к ситуации на Украине, считает С. Маркедонов. Географическая близость к неразрешенным конфликтам на территориях бывшего СССР — общая граница к молдавско-приднестровскому конфликту, к Азербайджану и Грузии — создает большой потенциал для дестабилизации на соседних территориях.

Для Украины, как и для всех восточноевропейских государств, дилемма о сотрудничестве с НАТО — ЕС, с одной стороны, РФ — СНГ, с другой, начиная с 1990-х годов, была очевидна. Все европейские государства постсоветского пространства столкнулись необходимостью диверсификации внешней политики, но наиболее остро это проявилось на Украине и Грузии, именно в них прошли так называемые цветные революции, способствовавшие консолидации западно-ориентированной части обществ. С сожалением приходится признать, что этого не произошло в отношении тех

¹⁷⁶ Маркедонов С. Украинский кризис: воздействие на постсоветские конфликты // Постсоветские исследования, 2019, Т.2 №2, С. <https://mgimo.ru/upload/iblock/1a7/ukrainskij-krizis-vozdjstvie-na-postsovetskie-konflikty.pdf> (дата обращения 02.03.2021)

частей как грузинского, так и украинского обществ, которые ориентированы на сотрудничество с Россией. Собственно, и идея государственной идентичности окончательно оформилась на Украине под влиянием этих тенденций. «Национальная идея», предложенная политической и интеллектуальной элитой, была основана на представлении украинцев как европейского народа, всегда тяготеющего к развитым европейским странам, но насильственно оторванных от Европы после «воссоединения» с Россией»¹⁷⁷, отмечает В. А. Колосов при анализе кардинальных геополитических сдвигов в российско-украинских отношениях в 2000-е годы. Предложенная «национальная идея» и стала причиной раскола внутри украинского общества. Результаты саммита НАТО 2008 г. в Бухаресте несколько охладили амбиции элит Украины и Грузии, когда они не получили ожидаемое приглашение присоединиться к Плану действий по обретению членства в альянсе (Membership Action Plan — MAP). Россия расценила это как результат своего влияния на позиции ряда европейских стран — представители Германии, Франции и Италии отклонили предложение США (Дж. Буш) присвоить статус кандидатов бывшим советским республикам. Нежелание западноевропейских стран наносить ущерб отношениям с Россией, и без того непростым, было основной причиной. Но несмотря ни на что, именно с этого саммита началась стратегическая переориентация Украины и Грузии на сотрудничество с западными структурами. Сразу после событий в феврале 2014 г. Украина возобновила активную фазу диалога о вступлении, отменив решением Верховной Рады внеблоковый статус государства. В 2017 г. членство в НАТО стало одним из внешнеполитических приоритетов новой власти. В феврале 2018 г. в стране вступил в силу Закон «О внесении изменений в Конституцию Украины (относительно стратегического курса государства на получение полноправного членства Украины

¹⁷⁷ Kolosov V. Radical shifts in Russian-Ukrainian relations and geopolitics of neighbourhood//Journal of Geography, Politics and Society » Volume 8 (2018) <https://www.ejournals.eu/JGPS/2018/Issue-2%20/art/11626/>(дата обращения 02.03.2021)

в Европейском Союзе и в Организации Североатлантического договора)». На саммите НАТО 2018 г. в Брюсселе Пётр Порошенко, пояснил позицию руководства страны: «Один из постоянных членов Совбеза ООН — агрессор. В этих условиях единственный механизм, который работает, — это НАТО»¹⁷⁸. Позиция представителей альянса была более сдержанной. Столтенберг отметил, что пока «мы не будем предлагать Украине участие в программе расширенных возможностей (Enhanced Opportunity Program)», открывающую возможности сотрудничать со странами альянса при проведении операций и учений¹⁷⁹. Конфликт на Востоке Украины был назван основной причиной столь осторожной позиции.

Суть конфликта не только в том, что часть территорий, не принявших государственный переворот, стремится получить расширенную автономию. Глубинные корни конфликта в разных геополитических проектах — коллективного Запада и РФ. По мнению Дж. Бугайски, эксперта центра стратегических и международных исследований (CSIS), действия России в Крыму и на Кавказе являются частью общей политики по закреплению геополитического и экономического доминирования Москвы в Евразии¹⁸⁰. «Для Кремля эта война — война и за Украину, и за безопасность России в общеевропейском и глобальном масштабе. Кремль видит в ней борьбу с США и опосредованно с европейскими странами», — такого мнения придерживаются эксперты из International Crisis Group¹⁸¹.

¹⁷⁸ Левченко Э. Под Зонтик НАТО <https://diplomatu.ru/pod-zontik-nato/>

¹⁷⁹ NATO - Ukraine relations <http://www.nato.int/issues/nato-ukraine/topic.html> (дата обращения 02.03.2021)

¹⁸⁰ Bugajski J. Confronting the Putin Doctrine //Hungarian Review. 2014. Vol. V. № 3. http://www.hungarianreview.com/article/20140514_confronting_the_putin_doctrine (дата обращения 02.03.2021)

¹⁸¹ Мир в Украине I: Европейская война. Европейский отчет № 256 //Headquarters International Crisis Group 28 апреля 2020 года, С.10 <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/eastern-europe/ukraine/256-peace-ukraine-i-european-war> (дата обращения 02.03.2021)

Почему Россия не признала суверенитет ДНР и ЛНР?

РФ не признала независимость ДНР и ЛНР, когда они провозгласили её в 2014 г. Автономные права восточно-украинских территорий являются базовыми условиями выполнения Минских соглашений (Минск-1, Минск-2), развитие отношений в этом направлении представляется для России наиболее приемлемым. Во-первых, потому, что неприемлем сам факт сепаратизма, который всегда будет представлять угрозу интересам любого национального государства. В 1990-е гг. новая Россия столкнулась с этим в Чечне, Северной Осетии, Ингушетии, в стране есть понимание различного рода угроз, связанных с этим — рост нестабильности, терроризма и т.д.. Ситуации на юго-восточных рубежах РФ в конце прошлого века продемонстрировали, как быстро во внутренний конфликт вовлекаются внешние участники — иностранные военные формирования, нелегальные торговцы оружием, появляются такие формы, как рабство. Ни одно государство, имеющее проблемы, связанные с попытками отдельных территорий отделиться, не поддержит Россию в признании суверенитета ДНР и ЛНР. Ситуация 2008 г. связанная с признанием Абхазии и Южной Осетии, наглядно это продемонстрировала.

Во-вторых, важное значение сыграл фактор времени. События политического кризиса на Украине (2013–2014 гг.) развивались молниеносно. В сентябре-октябре 2013 г. началось резкое обострение отношений между сторонниками и противниками соглашения об ассоциации Украины с Евросоюзом, которое быстро трансформировалось в противостояние, массовые акции протеста с обеих сторон не только в столице — Киеве, но и в крупных областных центрах, вошедших в историю под название «Евромайдан», как наиболее популярный термин, использующийся при освещении событий в СМИ и социальных сетях. Обострился вопрос о форме государственного устройства — возврате от президентской к парламентарно-президентской. В тот момент казалось, что сложная социально-экономическая ситуация в стране в очередной раз подняла внутренние противоре-

чия украинского общества, которые проявились в 1990-х гг., резко обострились во времена «Оранжевой революции» (ноябрь 2004 г. — декабрь 2005 г.). Активное непосредственное вмешательство представителей ЕС и США, с одной стороны, и поддержка Януковича Россией, с другой стороны, фактически интернационализировали внутри гражданский конфликт, который расколол Украину на две части: за ЕС и западную ориентацию или за РФ и ЕврАзЭС. Смена власти по сути насильственным путем произошла 22 февраля 2014 г., когда Верховная рада Украины взяла на себя фактически руководство страной, изменила Конституцию, отстранила от руководства легитимно избранного президента — В. Януковича, сменила руководство парламента и МВД. Протестные движения на юго-востоке Украине в конце февраля — марте 2014 г. привели к резкому росту насилия между противниками и сторонниками новой власти.

12 мая 2014 года, когда ДНР и ЛНР провозгласили свою независимость, Россия была не готова признать суверенитет вновь сформировавшихся территорий. Более ранние заявления Народного совета Донецкой области о создании Донецкой народной Республики (ДНР) (7 апреля 2014 г.) и желании ее войти в состав России, очевидно, насторожила российское руководство. На тот момент Россия была погружена в решение крымского вопроса и не смогла сформировать четкой позиции по данному вопросу. Было очевидно, что границы новых государственных образований были нестабильны, сформированные в кратчайшее время органы управления этими территориями не представлялись для российского руководства надежными, с устоявшимися позициями. А главное — было ощущение, что можно найти компромисс, что международное сообщество не поддержит государственный переворот.

В-третьих, очевидно, что в череде быстро развивающихся событий конца 2013 г. — начала 2014 г. вопрос Крыма был для России приоритетным. В этой связи вопрос о возможности появления отделившегося от Украины федеративного государства Новороссия, объединяющего части Луганской и Донецкой областей, явно отошёл на вторые позиции. Протестные движения в Харьковской и Одесской

областях Украины, проходившие в тот период, создавали ситуацию недовольства новой властью по всем восточным регионам страны. А вопросы, связанные с децентрализации административно-территориальной системы страны, рассматривались изначально как сугубо внутренние.

Официальная позиция РФ по статусу ДНР и ЛНР на сегодняшний день — это самопровозглашенные республики, стремящиеся к получению особого статуса в составе украинского государства. «Вопрос о предоставлении Донбассу особого статуса в составе украинского государства. Это цель и основа урегулирования конфликта», — так в частности заявил Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров в ответах на вопросы СМИ в ходе пресс-конференции по итогам видеоконференции министров иностранных дел «нормандского формата» в г. Москве, 30 апреля 2020 года¹⁸².

Очевидно, как в России, так и в Европе (да и в мире в целом) конфликт воспринимается в первую очередь как геополитический. В отличие от других конфликтов на постсоветском пространстве для него характерна большая вовлеченность региональных и мировых центров силы — США, Евросоюза, НАТО и России. При этом действия ЕС по укреплению своего влияния на Украину в контексте заключения соглашения о зоне свободной торговли в 2014 г. спровоцировали конфликт, создав ситуацию активного участия внешних акторов в нем. Конфликт стал причиной резкого ухудшения отношений между Россией и странами коллективного Запада, создал в мире общую атмосферу напряженности. Во многом это связано с тем, что проблемы сепаратизма довольно болезненно воспринимаются даже нейтральными странами.

¹⁸² Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам видеоконференции министров иностранных дел «нормандского формата», Москва, 30 апреля 2020 года// 648-30-04-2020. https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4109746). (дата обращения 02.03.2021)

Система санкций и контрсанкций стали одним из наиболее явных факторов давления на позиции стран, поддерживающих участников конфликта. Именно санкционные политики значительно трансформировали в первую очередь многолетние сложившиеся экономические модели сотрудничества, сблизили позиции традиционных геополитических врагов, отдалили формальных союзников. А главное — ситуация на востоке Украины стала причиной гуманитарной катастрофы с миллионами беженцев, которую в Европе не видели со времен распада СФРЮ. При этом санкционные меры лишь обострили ситуацию. Гуманитарная катастрофа в центре Европы унесла жизни около 3,5 тыс. мирных жителей и более 11 тыс. участников боевых действий¹⁸³. Гражданские и политические права населения востока Украины оказались значительно ограничены¹⁸⁴.

В условиях столь жесткого обострения отношений и тяжелых последствий конфликта факт признания суверенитета территорий Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР) со стороны России явно бы не способствовал стабилизации конфликта. При этом международный статус Автономной Республики Крым и города Севастополь трактуется как «временно оккупированные Российской Федерацией», согласно Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 73/263¹⁸⁵.

Одной из самых сложных проблем, связанных с урегулированием конфликта на востоке Украины, остается вопрос допустимости и легитимности использования миротворческого вмешательства в конфликтную ситуацию. Сложность конфликтной ситуации на Украине, большая степень вовлеченность третьих сторон — ЕС, РФ

¹⁸³ По данным Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека конец 2020 г.

¹⁸⁴ См. Доклады о ситуации с правами человека в Украине <https://www.ohchr.org/ru/Countries/ENACARegion/Pages/UARports.aspx> (дата обращения 02.03.2021)

¹⁸⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 73/263 «Ситуация в области прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, Украина» (A/RES/73/263), п. 11. <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/73/263> (дата обращения 02.03.2021)

и США — создают условия, в которых практически невозможно использовать традиционные механизмы миротворческих операций ООН, ЕС, СНГ-ОДКБ. В ООН РФ и США постоянные члены СБ и занимают противоположные позиции. В ЕС, несмотря на в целом консолидированную позицию в отношении санкций, применяемых к России, страны-члены по-разному видят возможности стабилизации. СНГ на начальных этапах представлялось наиболее приемлемым вариантом для миротворческой миссии. Страны СНГ имеют опыт миротворческих операций на постсоветском пространстве (Таджикистан, Абхазия), но нет у них консолидированной позиции по конфликту. При этом Украина, хоть и не подписала в 1991 все уставные документы, де-факто являлась в 2014 государством-участником Содружества, считается таковым и по сей день. Возможно, указ, подписанный президентом В. Зеленским 23 февраля 2021 г. «О выходе Украины из международных договоров, заключенных в рамках Содружества Независимых Государств»¹⁸⁶, и на начальном этапе подразумевающий выход из соглашения о гражданской авиации об использовании воздушного пространства, подписанного еще в 1991 г., и из соглашения об использовании воздушного пространства от 1992 г., станет первым шагом к окончательному разрыву отношений.

На сегодняшний день основными форматами по урегулированию конфликта на Украине являются так называемый нормандский формат и Специальная мониторинговая миссия ОБСЕ. Результатом дипломатических переговоров в нормандском формате (Россия, Франция, Германия, правительство в Киеве и представителей непризнанных республик на востоке Украины — ДНР и ЛНР) стали соглашения «Минск-1» (сентябрь 2014 г) и «Минск-2» (февраль 2015 г.). Соглашения «Минск-1» стали результатом работы трёхсторонней встречи (ОБСЕ–Россия–Украина) — Трёхсторонней кон-

¹⁸⁶ УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА УКРАЇНИ №70/2021 Про вихід України з міжнародних договорів, укладених у рамках Співдружності Незалежних Держав <https://www.president.gov.ua/documents/702021-36813> (дата обращения 02.03.2021)

тактной группы в Минске. 5 сентября 2014 г. был подписан Минский протокол, 19 сентября 2014 года — Минский меморандум. Эти соглашения стали в дальнейшем называться Минск-1 или Первые Минские соглашения.

В условиях боевых действий весны-лета 2014 г. решения, принятые в результате работы Трехсторонней контактной группы, были направлены на имплементацию Мирного плана президента Украины П. Порошенко и инициатив президента России В. Путина. Документ подписали посол Хайди Тальявини (ОБСЕ), второй президент Украины Леонид Кучма, посол РФ в Украине Михаил Зурабов, а также Александр Захарченко (ДНР) и Игорь Плотницкий (ЛНР).

Основной целью протокола была стабилизация ситуации в зоне конфликта. Было достигнуто понимание в осуществлении следующих шагов:

1. Обеспечить незамедлительное двухстороннее прекращение применения оружия.
2. Обеспечить мониторинг и верификацию со стороны ОБСЕ режима неприменения оружия.
3. Провести децентрализацию власти, в т. ч. путем принятия Закона Украины «О временном порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей» (Закон об особом статусе).
4. Обеспечить постоянно действующий мониторинг на украинско-российской государственной границе и верификацию со стороны ОБСЕ с созданием зоны безопасности в приграничных районах Украины и РФ.
5. Безотлагательно освободить всех заложников и незаконно удерживаемых лиц.
6. Принять закон о недопущении преследования и наказания лиц в связи с событиями, которые имели место в отдельных районах Донецкой и Луганской областей Украины.
7. Продолжить инклюзивный общенациональный диалог.
8. Принять меры по улучшению гуманитарной ситуации на Донбассе.

9. Обеспечить проведение досрочных местных выборов в соответствии с Законом Украины «О временном порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей» (Закон об особом статусе).

10. Вывести незаконные вооруженные формирования, военную технику, а также боевиков и наемников с территории Украины.

11. Принять программу экономического возрождения Донбасса и восстановления жизнедеятельности региона.

12. Предоставить гарантии личной безопасности для участников консультаций¹⁸⁷.

В сентябре 2014 г. был подписан Меморандум об исполнении положений Протокола¹⁸⁸. Согласно положениям Протокола, прекращение применения оружия считалось общим (п. 1), предусматривалась остановка подразделений и воинских формирований сторон на линии их соприкосновения по состоянию на 19 сентября 2014 года (п. 1), вводился запрет на применение всех видов оружия и ведение наступательных действий (п. 3), четко оговаривались линии отвода вооружений, виды вооружений, вводился запрет на размещение тяжелого вооружения и военной техники в районе, ограниченном населенными пунктами Комсомольское, Кумачево, Новоазовск, Саханка при мониторинге ОБСЕ; Запрет на установку новых минно-взрывных инженерных заграждений в границах зоны безопасности (п. 5), Развертывание в зоне прекращения применения оружия мониторинговой (наблюдательной) миссии ОБСЕ (п. 8), вывод всех иностранных вооруженных формирований, военной техники, а так-

¹⁸⁷ ПРОТОКОЛ (по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента России В. Путина) <https://www.osce.org/files/f/documents/a/a/123258.pdf> (дата обращения 02.03.2021)

¹⁸⁸ Меморандум об исполнении положений Протокола по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно шагов, направленных на имплементацию Мирного плана президента Украины П.Порошенко и инициатив Президента России В.Путина <https://www.osce.org/files/f/documents/a/1/123807.pdf> (дата обращения 02.03.2021)

же боевиков и наемников с территории Украины при мониторинге ОБСЕ (п. 9).

Зона безопасности вдоль линии соприкосновения сил ВСУ и ополченцев из ДНР и ЛНР, согласованная «нормандской четверкой»

Стороны договорились отвести тяжелые вооружения для создания зоны безопасности. Украинская сторона должна отвести их на 25 км от фактической линии соприкосновения на сегодняшний день, вооруженные формирования ДНР и ЛНР – на 25 км от линии соприкосновения по Минскому меморандуму от 19 сентября 2014 года.

Территория под контролем
■ украинские силовиков
■ ополченцы из ДНР и ЛНР

Зона безопасности
■ со стороны вооруженных сил Украины
■ со стороны ДНР и ЛНР

Линия, разделяющая позиции ополчения ДНР и ЛНР и украинских силовиков
— 19 сентября 2014 года
— 10 февраля 2015 года

© РБК 12.02.2015

Источник: Официальный сайт президента России

Рис. 2.1. Карта буферной зоны, установленной Минским протоколом

Оценивая результаты Минска-1, генеральный директор РСМД А.Кортунов отметил: «Обе стороны признают, возможно, в неявной форме, что кризис в стране не может быть разрешен военным путем». А.Гущин отметил: «Соглашение, безусловно, сыграло позитивную роль в урегулировании конфликта: в условиях широкомасштабных боевых действий оно способствовало заметному снижению интенсивности боев и, следовательно, сохранению многих жизней. Украинской стороне это соглашение было особенно выгодно, по-

скольку было заключено после военного поражения Киева в августе 2014 г. Кроме того, в рамках минского формата впервые состоялся, пусть и не на самом высоком уровне, диалог между Киевом, с одной стороны, и ДНР и ЛНР, с другой. Однако этим значение Минского соглашения, пожалуй, исчерпывается»¹⁸⁹.

На саммите глав Германии, Франции, России и Украины в формате «нормандской четверки», который состоялся 11–12 февраля 2015 года в Минске, был разработан «Комплекс мер по выполнению Минских соглашений». Документ был подписан представителями Украины, России, народных Донецкой и Луганской республик.

Комплекс мер по выполнению Минских соглашений включал 13 пунктов: незамедлительное и всеобъемлющее прекращение огня в отдельных районах Донецкой и Луганской областей Украины и его строгое выполнение начиная с 00 ч. 00 мин. (киевское время) 15 февраля 2015 года (п. 1); отвод всех тяжелых вооружений обеими сторонами на равные расстояния в целях создания зоны безопасности шириной минимум 50 км друг от друга (п. 2) на условиях для украинских войск: от фактической линии соприкосновения; для вооруженных формирований отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины: от линии соприкосновения, согласно Минскому меморандуму от 19 сентября 2014 г. Важное значение имели пункты 4, 9 и 11. В пункте 4 отмечалась необходимость «в первый день после отвода начать диалог о модальностях проведения местных выборов в соответствии с украинским законодательством и Законом Украины «О временном порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей», а также о будущем режиме этих районов на основании указанного закона. Незамедлительно, не позднее 30 дней с даты подписания данного документа, принять постановление Верховной Рады Украины с указанием территории, на которую распространяется особый режим в соответствии

¹⁸⁹ Минские соглашения. Украинский кризис не может быть разрешен военным путем, и обе стороны конфликта это понимают <https://russiancouncil.ru/minskprotocol>

с Законом Украины «О временном порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей» на основе линии, установленной в Минском меморандуме от 19 сентября 2014 г.¹⁹⁰. В дальнейшем именно этот пункт станет «камнем преткновения» в позициях между Россией и официальным Киевом.

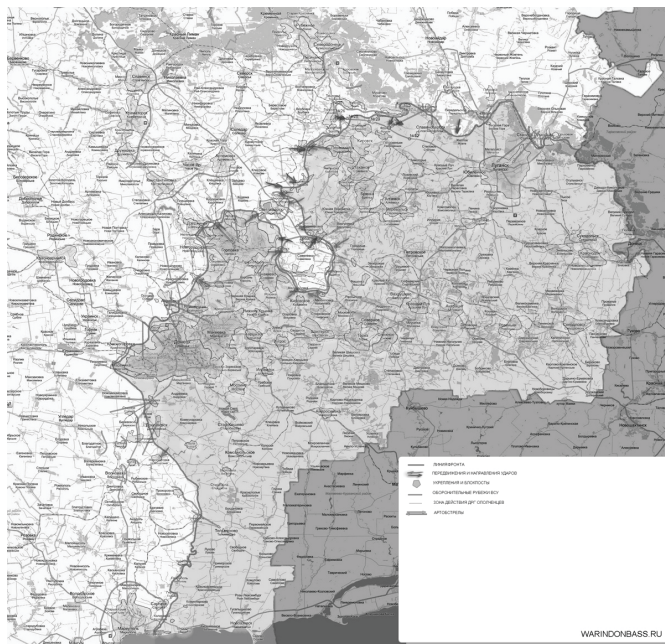

Рис. 2.2. Ситуация в зоне боевых действий на Украине на 29 января 2015 г.

Пункт 9 затрагивал принципиально важный пункт о границе, закреплял необходимость проведения конституционной и административной реформы на Украине: «Восстановление полного контроля над государственной границей со стороны правительства Украины

¹⁹⁰ Комплекс мер по выполнению Минских соглашений//12 февраля 2015 год <http://kremlin.ru/supplement/4804> (дата обращения 02.03.2021)

во всей зоне конфликта, которое должно начаться в первый день после местных выборов и завершиться после всеобъемлющего политического урегулирования (местные выборы в отдельных районах Донецкой и Луганской областей на основании Закона Украины и конституционная реформа) к концу 2015 года при условии выполнения пункта 11»¹⁹¹. Пункт 11 закреплял «проведение конституционной реформы в Украине со вступлением в силу к концу 2015 года новой конституции, предполагающей в качестве ключевого элемента децентрализацию (с учетом особенностей отдельных районов Донецкой и Луганской областей, согласованных с представителями этих районов), а также принятие постоянного законодательства об особом статусе отдельных районов Донецкой и Луганской областей».

Оценивая в 2015 г. результаты достигнутых договоренностей, А. Гуцин отмечал, что «мирная инициатива Меркель и Олланда свидетельствует о том, что лидеры ключевых европейских стран предприняли попытку урегулировать конфликт, в том время как США продолжали довольно воинственную риторику. Такая попытка тем не менее вряд ли может рассматриваться как раскол между ЕС и США. Несмотря на определенную разницу в позициях, вполне очевидную ввиду того, что ни Берлин, ни Париж не хотят большой войны в Европе, визит Меркель в Вашингтон и согласованная позиция Порошенко, Олланда и Меркель в ходе минских переговоров демонстрируют общую линию Запада».¹⁹²

Именно вопросы установления границы между территориями ДНР и ЛНР и остальной Украиной, а также проведения конституционной реформы, результатом которой станут расширенные права автономии для Востока, впоследствии стали одним из главных вопросов при обсуждении позиций России и Украины.

Петр Порошенко, постепенно разочаровался после нескольких раундов переговоров с Москвой. По результатам переговоров в 2014

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Гуцин А. Минские договоренности — пессимизм с примесью надежды//<https://russiancouncil.ru/blogs/rsuh/31527/> (дата обращения 02.03.2021)

и 2015 годах были подписаны Минские соглашения, которые должны были определить механизм достижения мира. Но соглашения, подписанные Киевом в условиях тяжелого военного давления, оказались очень спорными на Украине и остались во многом невыполненными¹⁹³.

В дальнейшем именно вопрос о границах препятствовал возможности развертывания миротворческих контингентов на территории конфликта. Официальный Киев настаивал на контроле на границе, разделяющей Россию и территории ДНР и ЛНР (до конфликта государственной границе Украины). Непризнанные государства и Россия заявляли и по сей день придерживаются мнения о необходимости контроля на границе соприкосновения — между территориями, контролируемые официальным Киевом и властями ДНР и ЛНР.

В. Зеленский, придя к власти, придерживался несколько иного подхода. Вначале он был убежден в том, что стоит продолжать попытки достичь мира путем проведения дальнейших переговоров». Он подчеркивал важность восстановления экономических и гуманитарных связей с сепаратистским регионом, и выражал убеждение, что достижение мира и процветания, в том числе для Донбасса, важнее, чем обеспечение геополитического и культурного отдаления от России¹⁹⁴.

Формула Штанмайера: возможен ли консенсус сторон конфликта?

Во второй половине 2015 г. стало понятно, что выполнение второго минского соглашения полностью невозможно. Наиболее сложным представлялось положение об особом статусе территории ДНР и ЛНР в составе Украины и процедур проведения на них местных выборов.

¹⁹³ См. Мир в Украине I: Европейская война. Европейский отчет № 256.

¹⁹⁴ См. Зе!Президент, «Интервью Владимира Зеленского — о войне на Донбассе, олигархов и “Слугу народа”», видео, YouTube, 21 марта 2019 года

Согласно «формуле Штайнмайера» предусматривались следующие шаги по урегулированию:

- закон об особом статусе вступает в силу сразу после завершения внеочередных выборов в некоторых районах Донецкой и Луганской областях на временной основе. Голосование будет проводиться в соответствии с Конституцией Украины и специальным законом, регулирующим выборный процесс;
- после того, как выборы будут признаны соответствующими демократическим принципам и Конституции Украины, согласно отчету Бюро по демократическим институтам и правам человека Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (БДИПЧ ОБСЕ), закон приобретает юридическую силу и вводится на постоянной основе;
- до проведения выборов участникам боевых действий должна быть предоставлена амнистия»¹⁹⁵.

Формула была поддержана на встрече «нормандской четверки» в октябре 2016 г. в Берлине. На тот момент удалось достигнуть предварительного согласия о возможности вступления на определённый период в силу закона Украины «Об особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей». Период действия закона определялся днём проведения голосования на местных выборах, проведённых на этих территориях. Вступление в силу результатов голосования на постоянной основе предусматривалось после признания их представителями ОБСЕ легитимными, честными и свободными.

Наибольшие противоречия выявились по ряду территорий, которые по-разному трактовались сторонами конфликта. В частности, Совет Национальной Безопасности и Оборона Украины определил границы территории с особым статусом и не включил в состав город Дебальцево в Донецкой области, который на момент находился под контролем ДНР. Самые жесткие разногласия вызвала новая фор-

¹⁹⁵ «Формула Штайнмайера»: в чём суть, и что дальше? URL: <https://ru.euronews.com/2019/10/04/ru-steinmeier-formula-explainer> (дата обращения 02.03.2021)

мулировка закона «О временном порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей». В новой редакции предусматривалось получение ДНР и ЛНР особых полномочий только после проведения местных выборов. Сами же выборы власти Украины предполагали провести по украинским законам.

Практически сразу противоборствующие стороны заняли противоположные позиции относительно порядка реализации этих шагов. Киев настаивал на необходимости восстановления контроля над территориями до проведения выборов и предоставления особого статуса; Москва и поддерживаемые ею силы требовали обратной последовательности. Ф. Штайнмайер искал определенный компромисс: районы, которые в тот момент находились под контролем сепаратистов, должны были бы получить временный особый статус в день проведения местных выборов, который получит постоянный характер, когда эти выборы будут признаны соответствующими как международным стандартам, так и украинскому законодательству. Лишь в октябре 2019 г. на переговорах в Минске удалось прийти к единой редакции «формулы Штайнмайера» в рамках работы трёхсторонней группы. Сам факт возможности вести диалог с сепаратистами именно в такой формулировке традиционно представляются власти ДНР и ЛНР, вызвал на Украине волну недовольства.

Зеленский, соглашаясь на эту инициативу, в 2019 г. ясно дал понять, что выборы, которые будут заслуживать доверия и соответствовать международным стандартам, могут пройти только после того, как отряды сепаратистов и российские войска покинут эти территории¹⁹⁶.

Его позиция противоречила видению Москвы. Однако Россия восприняла согласие Зеленского с формулой в качестве определенного прогресса и впервые с 2017 года согласилась провести встречу Нормандской четверки (Украина, Россия, Франция, Германия).

В конце октября — в начале ноября 2019 года стороны провели дальнейшее разведение войск в прифронтовых населенных пун-

¹⁹⁶ «Брифинг Зеленского: «Формула Штайнмайера» и «особый статус Донбасса», 5 канал, 1 октября 2019 года.

ктах — Золотом и Петровском. Эти события вызвали протесты в Украине, возглавляемые ветеранами, сторонниками Порошенко и ультраправыми активистами, которые восприняли разведение сил в качестве капитуляции. Однако уже в декабре Нормандская четверка все же встретилась в Париже.

Проведение этой встречи ознаменовало начало оттепели в переговорном процессе, который до этого был фактически заморожен. Украина и Москва обязались заключить еще одно соглашение о прекращении огня, дополнительном разведении войск и облегчении доступа наблюдателям ОБСЕ, которым поручено проводить мониторинг и отчитываться о ходе конфликта, а также способствовать диалогу между его участниками.

Хронология взаимных разногласий по проекту конституционной реформы Украины, статусу сторон конфликта, списку территорий с особым статусом в 2017–2020 гг. наглядно продемонстрировала отсутствие конструктивной динамики по сближению позиций сторон.

Причины затягивания конфликта

«Избегая непосредственного участия в вооруженном конфликте, они пытаются заставить Москву отступить преимущественно путем применения санкций. Некоторые из них, введенные США и ЕС, напрямую связаны с войной на Донбассе. Как Вашингтон, так и Брюссель утверждают, что эти санкции будут отменены после выполнения обязательств, которые Москва взяла на себя, подписав в 2014 и 2015 годах Минские соглашения с Киевом и Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе. Россия, со своей стороны, рассматривает выполнение этих соглашений как ответственность Украины, а санкции — как еще один пример агрессии Запада. Эти противоречивые интерпретации помогли завести ситуацию в тупик и затягиванию войны, продолжающуюся уже шестой год»¹⁹⁷.

Россия, со своей стороны, настаивает на том, что она сделала все возможное для выполнения Минских договоренностей: согласно ее

¹⁹⁷ Мир в Украине I: Европейская война. Европейский отчет № 256 //Headquarters International Crisis Group 28 апреля 2020 года С.5 (дата обращения 02.03.2021)

толкованиям стороны должны выполнять условия соглашений в той последовательности, в которой они перечислены в документе.

Дилеммы Украины:

Внутренние:

- реализация любого мирного сценария требует поддержки неоднородных политических элит Украины;
- должен существовать определенный план устойчивой реинтеграции территории, которая была неподконтрольна украинскому правительству в течение шести лет, не говоря о людях, которые там живут;
- Украина неизбежно столкнется с дилеммой в отношении того, что делать с тысячами собственных граждан, которые подняли оружие против Киева.

Позитивные тенденции в процессе урегулирования конфликта

Сотрудничая в рамках Трехсторонней контактной группы, созданной для выполнения Минских соглашений, в состав которой входят представители России, Украины, ОБСЕ и представители ДНР и ЛНР, в июле 2019 г. стороны договорились о беспрецедентно широкомасштабном прекращении огня. Как результат этого — на 80 % снизилось количество нарушений режима тишины, в том числе использование тяжелого вооружения. Хотя в конце августа боевые действия возобновились, уменьшение количества обстрелов было гораздо более обширным и длительным, чем при любых предыдущих режимах прекращения огня, отмечают наблюдатели из СММУ.

На сегодняшний день для Украины поддержка Запада имеет решающее значение в противостоянии российской агрессии, поскольку неоднократные попытки договориться с Москвой о прекращении войны не привели к значительным сдвигам позиций. Продолжение этой поддержки означало признание, по меньшей мере, одного компонента в аргументации Москвы: что война в Украине — это проти-

востояние между Востоком и Западом и что, если западные державы не противостоят России в Украине, они, в конце концов, столкнутся с Россией в другом месте, — считают эксперты из Международной Кризис групп¹⁹⁸.

Мир на условиях Украины, когда российские войска должны отойти с неподконтрольной территории, Москва перестает поддерживать сепаратистов, а Украина восстанавливает полный контроль над этими территориями и может свободно интегрироваться с Западом, станет для Москвы не просто проигрышем в локальной битве. Капитуляция перед Киевом была бы равноценной отступлению перед Вашингтоном, этим засвидетельствовав слабость России, которая открыла бы возможность дальнейшего давления.

На сегодняшний день процесс урегулирования конфликта на Востоке Украины проходит во многих форматах. Основные форматы по урегулированию достаточно известны. Мониторинговая миссия ОБСЕ является основной диалоговой площадкой для обсуждения вопроса, связанного с урегулированием. Именно она рассматривается представителями европейских государств как наиболее эффективный механизм взаимодействия. Но это лишь всего миссия по наблюдению за ситуацией в зоне конфликта с ограниченными полномочиями. Женевский формат (США, РФ, Украина, ЕС), по сути представленный Женевским заявлением о разоружение всех участников военного формирования. В рамках данного формата на определенном этапе обсуждались изменения конституции Украины. На данный момент все участники имеют разные, довольно противоречивые мнения, поэтому вряд ли его можно считать неэффективным. Общеукраинские круглые столы национального единства — еще одна из форм обсуждения общих проблем. Инициатива их проведения была со стороны ОБСЕ и представителей из Киева. Двусторонняя контактная группа (с июня 2014 года, частично работает до сих пор этот формат, однако возникали

¹⁹⁸ Мир в Украине I: Европейская война. Европейский отчет № 256 // Headquarters International Crisis Group 28 апреля 2020 года С.4 <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/eastern-europe/ukraine/256-peace-ukraine-i-european-war>.

проблемы с функционирования данного формата.). Совместный центр координации и контроля (организован в сентябре 2014 года, инициатива со стороны Украины; такой центр необходим для регулирования взаимоотношений в военном плане. Сейчас работают три таких центра). Нормандский формат (это основной формат урегулирования конфликта. Именно этот формат основополагающий для урегулирования проблемы.) Существуют и неформальные форматы, которые не имеют права работать на некоторых территориях, так как они выходили за рамки мандата. Фонд Конрада Аденауэр и другие.

Конфликт на Востоке Украины стал интернационализированным с самого начала роста протестных движений. Большая степень вовлеченности третьих сторон — ЕС, РФ и США — создала условия, в которых практически невозможно было использовать традиционные механизмы миротворческих операций ООН, ЕС, СНГ-ОДКБ. Геополитическая сущность конфликтных отношений как на Украине, так и вокруг украинской ситуации, выразившаяся в противостоянии России и государств коллективного Запада, во многом ограничила возможные форматы по урегулированию конфликта. Фактически Специальная мониторинговая миссия ОБСЕ и так называемый «нормандский формат» стали единственными возможными форматами официального сотрудничества.

В сложившейся ситуации представляется невозможным позитивное сотрудничество между РФ и ЕС по урегулированию конфликта. Связано это как с принципиально различными методами, традиционно используемыми ЕС и РФ для урегулирования, так и с разным видением причин конфликта и возможностей выхода из него.

Для РФ предпочтительна роль авторитетного посредника с традиционно используемым набором переговорных форматов. На постсоветском пространстве данный подход часто приносил позитивные результаты при урегулировании конфликтов.

ЕС, на фоне отсутствия опыта в урегулировании постсоветских конфликтов, стремится использовать традиционные для него механизмы экономического воздействия на ситуацию. На данный момент это приводит к обострению конфликта. Для РФ приемлем путь возмож-

ности самостоятельного выбора политической и экономической автономии для восточных территорий Украины. Для ЕС приемлема лишь полная интеграция территорий в экономические и политические системы Украины, с ориентацией на сотрудничество с евроструктурами. Принципиально различные представления России и Европейского Союза о будущем восточных территорий Украины значительно тормозят сам процесс урегулирования конфликта на востоке Украины, препятствуют позитивному сотрудничеству в поисках оптимального компромиссного варианта стабилизации конфликта и дальнейшего его разрешения. Очевидно, что на наших глазах ситуация на востоке Украины трансформируется в затяжной замороженный конфликт.

Список литературы

Официальные источники

1. NATO — Ukraine relations <http://www.nato.int/issues/nato-ukraine/topic.html> (дата обращения 02.03.2021)
2. REPORT 256 / Europe & Central Asia 27 April 2020г. <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/eastern-europe/ukraine/256-peace-ukraine-i-european-war> (дата обращения 02.03.2021)
3. Situation in Ukraine — What is France doing ?// <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/security-disarmament-and-non-proliferation/crises-and-conflicts/ukraine-7904/> (дата обращения 02.03.2021)
4. Брифинг Зеленского: «Формула Штайнмайера» и «особый статус Донбасса», 5 канал, 1 октября 2019 года.
5. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам видеоконференции министров иностранных дел «нормандского формата», Москва, 30 апреля 2020 года// 648-30-04-2020. https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4109746). (дата обращения 02.03.2021)

6. Об особом порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей// Документ 1680-VII, действующий, текущая редакция — Редакция от 29.12.2020 , основание — 1078-IX <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1680-18#n5> (дата обращения 02.03.2021)
7. Доклады о ситуации с правами человека в Украине <https://www.ohchr.org/ru/Countries/ENACARegion/Pages/UARports.aspx> (дата обращения 02.03.2021)
8. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений//12 февраля 2015 год <http://kremlin.ru/supplement/4804>
9. Меморандум об исполнении положений Протокола по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно шагов, направленных на имплементацию Мирного плана президента Украины П.Порошенко и инициатив Президента России В.Путина <https://www.osce.org/files/f/documents/a/1/123807.pdf> (дата обращения 02.03.2021)
10. Минские соглашения. Украинский кризис не может быть разрешен военным путем, и обе стороны конфликта это понимают <https://russiancouncil.ru/minskprotocol> (дата обращения 02.03.2021)
11. Об урегулировании кризиса на Украине//официальный сайт РФ, <https://www.mid.ru/ru/situacia-na-ugo-vostoke-ukrainy> (дата обращения 02.03.2021)
12. ПРОТОКОЛ (по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента России В. Путина) <https://www.osce.org/files/f/documents/a/a/123258.pdf> (дата обращения 02.03.2021)
13. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 73/263 «Ситуация в области прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, Украина» (A/RES/73/263), п. 11. <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/73/263> (дата обращения 02.03.2021)
14. УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА УКРАЇНИ №70/2021 Про вихід України з міжнародних договорів, укладених у рамках Співдружності

Незалежных Держав <https://www.president.gov.ua/documents/702021-36813> (дата обращения 02.03.2021)

Литература

1. Грицаенко О. Украинский кризис: взгляд изнутри//Russie.Nei. Virion. №78, 2014, P.9 https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv78_ukraine_oleg_grytsaienko_june_2014_rus_0.pdf (дата обращения 02.03.2021)
2. Гуцин А. Минские договоренности — пессимизм с примесью надежды//<https://russiancouncil.ru/blogs/rsuh/31527>. Мир в Украине I: Европейская война. Европейский отчет № 256.. (дата обращения 02.03.2021)
3. Зе!Президент, «Интервью Владимира Зеленского — о войне на Донбассе, олигархов и “Слугу народа”», видео, YouTube, 21 марта 2019 года
4. Куделя С. Внутренние источники вооруженного конфликта на Донбассе//Россия в глобальной политике. 03.01.2015 <https://globalaffairs.ru/articles/vnutrennie-istochniki-vooruzhennogo-konflikta-na-donbasse/>
5. Левченко Э. Под Зонтик НАТО <https://diplomatu.ru/pod-zontik-nato/> (дата обращения 02.03.2021) (дата обращения 02.03.2021)
6. Маркедонов С. Украинский кризис: воздействие на постсоветские конфликты// Постсоветские исследования, 2019,Т.2 №2, С. <https://mgimo.ru/upload/iblock/1a7/ukrainskij-krizis-vozdjstvie-na-postsovetskie-konflikty.pdf> (дата обращения 02.03.2021)
7. Мир в Украине I: Европейская война. Европейский отчет № 256 //Headquarters International Crisis Group 28 апреля 2020 года <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/eastern-europe/ukraine/256-peace-ukraine-i-european-war> (дата обращения 02.03.2021)
8. Работяжев Н., Соловьев Э. Украинский кризис: между политикой идентичности и геополитикой
9. Россия и новые государства Евразии. 2017. № 3. С. 9-28

10. Тенденции и наблюдения Специальной мониторинговой миссии в Украине// ОБСЕ, 2014-2020 гг
11. Чернега В.Н. Конфликт на Украине: Причины, перспективы урегулирования// Актуальные проблемы Европы, 2020, №2, С.50 DOI: 10.31249/ape/2020.02.02 (дата обращения 02.03.2021)
12. Чернега В.Н. Конфликт на Украине: Причины, перспективы урегулирования// Актуальные проблемы Европы, 2020, №2, С.42 DOI: 10.31249/ape/2020.02.02 (дата обращения 02.03.2021)
13. Barrett R. Reform in Ukraine and the Influence of Foreign Actors after Euromaidan// *Laboratorium*. 2018. 10(2), P. 80–103
14. Bugajski J. Confronting the Putin Doctrine //Hungarian Review. 2014. Vol. V. № 3. http://www.hungarianreview.com/article/20140514_confronting_the_putin_doctrine (дата обращения 02.03.2021)
15. Herbst J. Think Again on Ukraine January 17, 2020 <https://nationalinterest.org/profile/john-herbst> (дата обращения 02.03.2021)
16. Kolosov V. Radical shifts in Russian-Ukrainian relations and geopolitics of neighbourhood//*Journal of Geography, Politics and Society* » Volume 8 (2018) <https://www.ejournals.eu/JGPS/2018/Issue-2%20art/11626/> (дата обращения 02.03.2021)
17. Peace in Ukraine I: A European War//Pool via REUTERS (дата обращения 02.03.2021)
18. Pifer S., Herbst J, Taylor W. Does Putin Want a War? <https://nationalinterest.org/feature/does-putin-want-war-10305> (дата обращения 02.03.2021)
19. Pifer St. Test Putin’s Proposal for UN Peacekeepers <https://nationalinterest.org/feature/test-putins-proposal-un-peacekeepers-22254> (дата обращения 02.03.2021)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Еремина Наталья Валерьевна, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, *nerem78@mail.ru*

Eremina Natalia V., Ph.D in History, Doctor of Political Sciences., Professor of Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, *nerem78@mail.ru*

Каледин Николай Владимирович, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета, *n.kaledin@spbu.ru*

Kaledin Nikolai Vladimirovich, Ph.D. in Geographical Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of Regional Policy and Political Geography, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg State University, *n.kaledin@spbu.ru*

Кузьмина Елена Михайловна, кандидат политических наук, заведующая Сектором Беларуси, Молдовы, Украины ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, *e_kuzmina07@mail.ru*

Kuzmina Elena Mihailovna, Ph.D. in Political Science, Head of the Sector of Belarus, Moldova, Украины IMEMO of E.M.. Primakova RAS, *e_kuzmina07@mail.ru*

Михеева Наталия Михайловна, кандидат политических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного Университета, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного Института Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы, *n.miheeva@spbu.ru*

Mikheeva Natalia Mihailovna, Ph.D. in Political Science, Associate Professor of Regional Policy and Political Geography department of St. Petersburg State University; Associate Professor of International Relations department at the Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of People's Economics and the State Service, *n.miheeva@spbu.ru*

Пritchин Станислав Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, *pritchin.stanislav@yandex.ru*

Pritchın Stanislav Aleksandrovich, PhD in History Science, Senior Research Fellow Center for post-Soviet Studies IMEMO RAS named by E.M. Primakov, *pritchin.stanislav@yandex.ru*

Шевчук Нина Викторовна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного Института Управления российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы, *shevchuk-nv@ranepa.ru*

Shevchuk Nina Victorovna, Ph.D. in Political Science, Assistant Professor of International Relations, Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of People's Economics and State Service, *shevchuk-nv@ranepa.ru*

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА

Каледин Николай Владимирович

Аннотация.

Рассматриваются исторические предпосылки, динамика и современное содержание постсоветского пространства как макрорегиональной геополитической системы «де-факто». Показана её геополитическая структура, включающая международный макро-региональный, субрегиональный, микрорегиональный и внутригосударственный уровни. Анализируются «конфликтогенные регионы» «де-факто», сложившиеся на основе конфликтных геополитических отношений. Они подразделены на «конфронтационные», «миротворческие» и «санкционные» с тенденцией эволюции первого типа во второй.

Ключевые слова: Россия, геополитические конфликты, постсоветское пространство, конфликтогенные регионы

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ПЛОЩАДКА КОНКУРЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛАРУСИ)

Еремина Наталья Валерьевна

Аннотация.

Беларусь, участвуя в строительстве Союзного государства, а также в других интеграционных проектах на постсоветском пространстве, в 2009 году стала членом программы Восточное партнерство, предложенной Европейским союзом для установления стабильных, долгосрочных и разнообразных взаимодействий с определёнными странами СНГ. Однако предлагаемый Брюсселем выбор стра-

тегии развития, заключающейся в признании страной-партнером либо «европейского пути», либо полноформатного взаимодействия с Россией, превращает постсоветское пространство в конфликтное. В настоящее время мы наблюдаем очевидную интенсификацию интеграционных процессов в Евразии, что влияет и на политику ЕС в этом пространстве. России для выстраивания взаимодействий, как с ближайшими союзниками, так и с партнерами, необходимо понимать каким образом разные интеграционные проекты влияют на страны постсоветского пространства. Пример Беларуси в этом отношении наиболее показателен, так как, во-первых, это государство длительное время проводило именно многовекторную политику; во-вторых, позиционировало себя как стабилизатора взаимодействий на постсоветском пространстве; в-третьих, это наиболее близкий союзник России во всех смыслах; в-четвертых, это западный форпост России; в-пятых, для ЕС Беларусь — важнейший инструмент влияния на Россию и выхода на постсоветское пространство в целом.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, Европейский союз, Евразийский экономический союз, интеграция.

РОЛЬ РОССИИ В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Притчин Станислав Александрович

Аннотация.

На современном этапе определения международно-правового статуса Каспийского моря, необходимость которого возникла в 1991 году после распада СССР, Россия сыграла ключевую роль. Для Москвы это был инструмент сохранения своего влияния в важном для себя регионе, возможность формирования общего оборонного и экономического пространства с минимальным присутствием внерегио-

нальных игроков, которые с 1991 года активно включились в борьбу за влияние на Каспии.

На первом этапе геополитическая конкуренция складывалась не в пользу России. Она не смогла отстоять принцип кондоминиума для совместного освоения углеводородных ресурсов моря, фактически допустила допуск западных компаний к освоению ресурсов моря. При активном содействии западных конкурентов Россия потеряла статус монопольного транзитера нефти и газа из региона. Вместе с тем благодаря дипломатическим усилиям и активизации политического диалога с соседями по региону России удалось к 2003 году решить все территориальные вопросы на море, сохранить закрытый статус моря для военных сил третьих стран, а к 2018 году завершить работу над Конвенцией о международно-правовом статусе моря, закрепившем важные для РФ принципы сотрудничества в регионе. Таким образом, официальной Москве за счет использования традиционно сильных сторон своей внешней политики удалось достичь адаптированных после распада СССР стратегических целей и закрепить за собой статус самого влиятельного игрока в регионе.

Ключевые слова: Россия, Каспийское море, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Иран, постсоветское пространство, геополитика

ПРОБЛЕМЫ ПРИДНЕСТРОВСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ: РОЛЬ РОССИИ И ЕС

Шевчук Нина Викторовна

Аннотация.

Статья посвящена проблемам приднестровского урегулирования. Несмотря на интернационализированный формат переговоров и значительные усилия международных посредников, постоянно возникающие периоды «заморозки» переговорного процесса делают этот

механизм малоэффективным не только для поиска путей урегулирования, но и для налаживания системного взаимодействия сторон конфликта в вопросах социально-экономического сотрудничества и в гуманитарной сфере.

За годы переговоров ни сторонам — Молдове и Приднестровью, ни вовлеченным в урегулирование внешним участникам — России, Украине, ОБСЕ, ЕС и США не удалось выработать механизмы контроля и гарантий исполнения достигаемых договоренностей. Большинство достигнутых в ходе переговоров договоренностей либо не выполняются полностью, либо выполняются только частично. Такое положение дел приводит к стагнации переговорного процесса.

Политические элиты сторон демонстрируют концептуальные различия во взглядах на модель возможного урегулирования существующих противоречий, а интересы вовлеченных внешних игроков серьезно сталкиваются не только в контексте данного конфликта, но и во многих аспектах широкой повестки региональной и международной безопасности.

В статье дан обзор основополагающих принципов, составляющих фундамент переговорного процесса, и показаны роли и позиции России и ЕС в урегулировании конфликта в Приднестровье. Автор приходит к выводу, что сторонам конфликта целесообразно двигаться в рамках начатой в 2012 году «тактики малых шагов», поскольку последняя не только позволяет стабилизировать молдавско-приднестровские политико-дипломатические контакты, но и является общим знаменателем в подходе ЕС и России относительно текущего состояния переговорного процесса.

Ключевые слова: конфликт в Приднестровье, конфликт идентичности, переговорный процесс «5+2», урегулирование конфликтов, миротворчество, тактика малых шагов, меры укрепления доверия

СОТРУДНИЧЕСТВО РФ И ЕС С ПРИДНЕСТРОВЬЕМ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кузьмина Елена Михайловна

Аннотация.

Рассматриваются экономические аспекты взаимодействия России и ЕС с Приднестровской Молдавской Республикой. Анализируются приоритеты торгово-экономических отношений России и Приднестровья, модели сотрудничества, которые продвигает Европейский Союз в рамках экономического взаимодействия.

Россия и Приднестровье имеет определенные экономические связи. Однако для укрепления и развития экономического сотрудничества Российской Федерации и Приднестровской Молдавской республики сегодня существует достаточно негативная международная экономическая среда вокруг Приднестровья. Экономическое взаимодействие России с Приднестровьем нельзя рассматривать только с точки зрения двусторонних отношений. Важным фактором является ассоциация Республики Молдова с ЕС. Подписание Соглашения об ассоциации в 2016 г. между Республикой Молдова и ЕС, создало новую геоэкономическую обстановку. Условия Соглашения распространяется на всю территорию Республики Молдова, т. е. и на Приднестровье. Это способствует интенсивному развитию торговли ПМР с ЕС. Другим фактором стали негативные отношения ЕС и России и существующие взаимные санкции. Украина запретила транзит по своей территории приднестровских товаров без молдавских сопроводительных документов, почти перекрыв их доступ на российский рынок. Третий фактор — уровень отношений России с Молдовой. Если при президенте И. Додоне Молдова стала наблюдателем в ЕАЭС и ряд вопросов экономического взаимодействия двух стран (молдавские мигранты доступ на российский рынок и т.п.) стали решаться более позитивно, то вопрос статуса Приднестровья не затрагивался. Разрешить довольно большое количество противо-

речий, возникших в современных условиях, возможно лишь путем переговоров и принятия совместных решений в различных форматах: Россия — ЕС, РФ — Молдова

Ключевые слова: Россия, Европейский Союз, Молдова, Приднестровье, торгово-экономические отношения.

КОНФЛИКТ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ: РОССИЯ И ЕС. ВОЗМОЖНО ЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО?

Михеева Наталья Михайловна

Аннотация.

В мировом сообществе при освещении конфликта утвердилась риторика, в которой четко указывается на непосредственное участие России в конфликте. При этом многие исследователи видят истинные причины во внутренних проблемах Украины, связанных с внутривнутриполитической нестабильностью и неопределенностью внешнеполитического курса, а не только как результат действия России.

В сложившейся ситуации представляется невозможным позитивное сотрудничество между РФ и ЕС по урегулированию конфликта. Связано это как с принципиально различными методами, традиционно используемыми ЕС и РФ для урегулирования, так и с разным видением причин конфликта и возможностей выхода из него.

Для РФ предпочтительна роль авторитетного посредника с традиционно используемым набором переговорных форматов. На постсоветском пространстве данный подход часто приносил позитивные результаты при урегулировании конфликтов.

ЕС, на фоне отсутствия опыта в урегулировании постсоветских конфликтов, стремится использовать традиционные для него механизмы экономического воздействия на ситуацию. На данный момент это приводит к обострению конфликта. Для РФ приемлем путь возможности самостоятельного выбора политической и экономической автономии для восточных территорий Украины. Для ЕС

приемлема лишь полная интеграция территорий в экономические и политические системы Украины, с ориентацией на сотрудничество с евроструктурами.

Ключевые слова: конфликт на востоке Украины, Донецкая независимая Республика, Луганская независимая республика, Россия, нормандский формат, формула Штайнмайера, Минские соглашения.

POST-SOVIET SPACE: HISTORICAL BACKGROUNDS, GEOPOLITICAL CONTENT AND STRUCTURE

Kaledin Nikolai Vladimirovich

Abstract.

The historical backgrounds, dynamics and modern content of the post-Soviet space as a macro-regional geopolitical system are considered “de facto”. Its geopolitical structure, which includes international macro-regional, subregional, microregional and intrastate levels, is shown. The “conflictogenic regions” of the “de facto” formed on the basis of conflict geopolitical relations are analyzed. They are divided into “confrontational,” “peaceful” and “sanctioned” with a trend of evolution of the first type into the second.

POST-SOVIET SPACE AS A PLACE FOR COMPETITION OF INTEGRATION PROJECTS (ON THE EXAMPLE OF BELARUS)

Eremina Natalia Valeryevna

Abstract.

Belarus, participating in the construction of the Union State, as well as in other integration projects in the post-Soviet space, in 2009 became a member of the Eastern Partnership program proposed by the European Union to establish stable, long-term and diverse interactions with certain

CIS countries. However, the choice of a development strategy proposed by Brussels, which consists either in the recognition of the “European path” or in interaction with Russia, turns the post-Soviet space into a conflict space. Currently, we are witnessing an obvious intensification of integration processes in Eurasia, which also affects the EU’s policy in this space. To build interactions with both its closest allies and partners, Russia needs to understand how different integration projects affect the countries of the post-Soviet space. The example of Belarus in this respect is the most indicative, since, firstly, the state has been pursuing a multi-vector policy for a long time; secondly, it positioned itself as a stabilizer of interactions in the post-Soviet space; thirdly, it is Russia’s closest ally in every sense; fourthly, it is the western outpost of Russia; fifthly, for the EU Belarus is the most important instrument of influence on Russia and access to the post-Soviet space as a whole.

Keywords: Belarus, Russia, European Union, Eurasian Economic Union, integration.

RUSSIA’S ROLE IN THE FORMATION ON THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF THE CASPIAN SEA

Pritchkin Stanislav Aleksandrovich

Abstract.

At the present stage of determining the international legal status of the Caspian Sea, the need for which arose in 1991 after the collapse of the USSR, Russia played a key role. For Moscow, it was a tool for maintaining its influence in an important region, an opportunity to form a common defense and economic space with a minimal presence of non-regional players, who have been actively involved in the struggle for influence in the Caspian Sea since 1991.

At the first stage, the geopolitical competition was not in favor of Russia. It could not defend the principle of a condominium for the joint development of the hydrocarbon resources of the sea, in fact, it allowed

the admission of Western companies to the development of the resources of the sea. With the active assistance of Western competitors, Russia lost its status as a monopoly transit country for oil and gas from the region. At the same time, thanks to diplomatic efforts and increased political dialogue with its neighbors in the region, Russia managed to resolve all territorial issues at sea by 2003, maintain the closed status of the sea for the military forces of third countries, and by 2018 complete work on the Convention on the International Legal Status of the Sea, which established the principles of cooperation in the region that are important for the Russian Federation. Thus, official Moscow, by using the traditional strengths of its foreign policy, managed to achieve the strategic goals adapted after the collapse of the USSR and secure the status of the most influential player in the region.

Keyword: Russia, the Caspian Sea, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkmenistan, Iran, post-Soviet space, geopolitics

TRANSNISTRIAN SETTLEMENT: THE ROLE OF RUSSIA AND THE EU

Shevchuk Nina Victorovna

Abstract.

The article is devoted to the problems of the Transdnistrian settlement. Despite the internationalized format of negotiations and the considerable efforts of international mediators, the constantly emerging periods of “freezing” of the negotiation process make this mechanism ineffective not only for finding ways to resolve the conflict, but also for establishing systematic interaction between the parties to the conflict in matters of socio-economic cooperation and in the humanitarian sphere.

During the years of negotiations, neither the parties-Moldova and Transnistria, nor the external participants involved in the settlement-Russia, Ukraine, the OSCE, the EU and the United States, managed to develop mechanisms for monitoring and guaranteeing the implementation

of the agreements reached. Most of the agreements reached during the negotiations are either not fully implemented or only partially implemented. This leads to the stagnation of the negotiation process.

The political elites of the parties demonstrate conceptual differences in their views on the model of possible settlement of existing contradictions, and the interests of the external players involved seriously clash not only in the context of this conflict, but also in many aspects of the broad regional and international security agenda.

The article provides an overview of the fundamental principles that form the foundation of the negotiation process and shows the roles and positions of Russia and the EU in the settlement of the conflict in Transnistria.

The author comes to the conclusion that it is advisable for the parties to the conflict to move within the framework of the “small steps tactics” launched in 2012, since the latter not only allows to stabilize the Moldovan-Pridnestrovian political and diplomatic contacts, but also is a common denominator in the approach of the EU and Russia regarding the current state of the negotiation process.

Keywords: conflict in Transdnistria, conflict of identity, negotiation process “5 + 2”, conflict resolution, peacemaking, tactics of small steps, confidence-building measures

RUSSIAN AND EU AND TRANSNISTRIA CO-WORKERS: ECONOMIC ASPECT

Kuzmina Elena

Abstract.

The article examines the economic aspects of Russia’s interaction with the Transnistrian Republic of Moldova. Priorities of trade and economic relations between Russia and Transnistria are analyzed. The author considers the models of cooperation promoted by the European Union in the framework of economic cooperation. The author focuses on the

specifics of the EU's relations with Transnistria within the framework of relations between Moldova and the EU association.

Keywords: Russia, Moldova, Transnistria, trade and economic relations.

CONFLICT IN UKRAINE: OPPORTUNITIES FOR RUSSIA AND THE EU TO WORK TOGETHER

Mikheeva Natalia Mihailovna

Abstract.

The article analyzes differences in the assessment of the causes of the conflict in eastern Ukraine among domestic and foreign researchers and political figures. Differences in estimates are obvious. In the global community, the position has been established in the coverage of the conflict, which clearly points to Russia's direct involvement in the conflict. Many researchers see the real causes in Ukraine's internal problems, related to domestic political instability and foreign policy, but not just as a result of Russia's actions.

The conflict in the East of Ukraine has become internationalized since the beginning of the growth of protest movements. The involvement of the EU, Russia and the United States in the conflict created conditions, where traditional peacekeeping mechanisms were almost impossible to use UN, EU, CIS — Organization of a collective agreement. Geopolitical essence of conflict in Ukraine and around the Ukrainian situation limited possible formats to resolve the conflict. OSCE Special Monitoring Mission and the so-called "Normandy format" became the only acceptable format.

The author's view that positive cooperation between the Russian Federation and the EU to resolve the conflict is not possible in the current situation. Russia and the EU use fundamentally different methods to resolve. They have a fundamentally different vision of the causes of the conflict, variously appear possible ways out of it. For Russia has the traditional role of an authoritative mediator, with traditional negotiating

formats. In stabilizing conflicts in the post-Soviet space, this approach has already brought and is still asking for positive results. The EU has no experience in resolving post-soviet conflicts, seek to use its traditional economic impact mechanisms for mediator. For Russia, it is important to choose independent political and economic autonomy for the eastern territories of Ukraine. For the EU, only full integration of the territories into ukraine's economic and political systems is acceptable, with a focus on cooperation with The European structures.

Keywords: conflict in eastern Ukraine, Donetsk Independent Republic, Luhansk Independent Republic, Russia, Normandy format, Steinmeier formula, Minsk agreements

Научное издание

**Еремина Наталья Валерьевна,
Каледин Николай Владимирович,
Кузьмина Елена Михайловна и др.**

**РОЛЬ РОССИИ И ЕС В КОНФЛИКТАХ
И КРИЗИСАХ НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ:
КОНКУРЕНТЫ ИЛИ СОЮЗНИКИ?**

МОНОГРАФИЯ

Технический редактор *Лина Мовсесян*
Компьютерная верстка, дизайн обложки: *Сергей Чалый*
Корректорская правка: *Любовь Калинина*

Издательство «Знание-М»

Подписано в печать 08.07.2021. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman». Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,46. Заказ № 4654. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в издательско-полиграфическом
комплексе Северо-Кавказского федерального университета
355038, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 2

*Издано в научных и учебных целях.
Коммерческое использование не предусмотрено.*